

ТЕМНЫЙ РЫЦАРЬ

ИМПЕРИЯ НАЙТС-РИДЖ: КНИГА 10

T.ME/DARKSOULBOOKS

Трейси Лоррейн

В течение многих лет я наблюдал за ней.

Хотел ее.

Жаждал ее.

Но я никогда, ни разу не прикасался к ней...

До той ночи.

Когда я сдался и взял то, что мне не принадлежало.

Невинная девушка, за которой я наблюдал из тени, превратилась в соблазнительную богиню, которая заслуживала лучшего, чем моя темнота.

Один взгляд. Одно прикосновение. Одна ошибка.

Она не просто увидела меня... она видела меня насквозь.

Раскрытие моей личности было ценой, которую я не был готов платить.

Но я был неправ.

Она покорила меня своим прикосновением.

Однажды я ушел, и, если я знаю, что для меня хорошо, я сделаю это снова.

Но мои лучшие намерения вот-вот будут перечеркнуты...

Когда я нахожу ее в единственном месте, где ее не должно быть.

Прикрывать ее — значит рисковать навлечь на себя гнев ее семьи.

Чем дольше я вынужден хранить это в секрете, тем меньше меня волнует, чего это может мне стоить.

И вы знаете, что говорят о плохом поведении?

То же самое, что и о добрых делах...

Они не должны оставаться безнаказанными.

Перевод группы

t.me/darksoulbooks

При поддержке канала:

t.me/bookgossip

1

КАЛЛИ

Я сижу на полу в своей новой спальне с планшетом на коленях, а меня окружают изделия, которые я разработала за последние несколько недель.

Это новое увлечение, вдохновленное фирменными надписями, которые я нанесла на наши розовые женские жакеты еще в октябре для вечеринки в честь Хэллоуина.

Думаю, из той ночи должно было выйти что-то хорошее.

И учитывая все, что недавно произошло с моими новыми подругами, это помогло мне отвлечься от того факта, что они обе с головой окунулись в мой мир и сразу же нашли себе более интересную жизнь.

Возможно, за последние несколько месяцев для меня многое изменилось — я делала то, о чем никогда не думала, испытала то, что, как я думала, мне суждено было пропустить, —

но все же я здесь.

Одна.

Возможно, я переехала в логово греха Нико и превратила его в свой маленький кусочек ремесленного рая, но все равно я одна.

Я выдыхаю, задаваясь вопросом, что задумали мои друзья сегодня вечером.

Все они ранее извинились, так что, вероятно, проводят ночь со своими парнями.

На этой неделе все были в состоянии повышенной готовности, максимально напряжены происходящим. Но, как обычно, я не участвую в деталях. Даже сейчас я держусь на периферии. Все, что я знаю, это то, что в нем участвуют отец Джоди и итальянцы. Но что там нового? Оба доставляли неприятности достаточно долго, чтобы их драма стала просто частью нормальной жизни.

Гнев и разочарование клубятся у меня в животе. Во мне горит потребность сделать что-то, чтобы заставить их всех доверять мне, впустить меня так же глубоко, как это делают они.

Я вздыхаю, позволяя своим мыслям переключаться между двумя парнями, ни один из которых не должен занимать место в моей голове. Но, несмотря ни на что, они оба, похоже, поселились здесь за последние несколько месяцев.

Я качаю головой, пытаюсь прогнать их. Желание взбунтоваться и вырваться из моей уединенной жизни должно было стать немного забавным. Я не должна была заикливаться на двух парнях, которых не должна была хотеть.

Как будто он знает, что я думаю о нем, мой телефон вибрирует на ковре рядом со мной.

Ант: Ты занята сегодня вечером?

Я смотрю на сообщение, мои пальцы постукивают по боковой панели телефона, и я жалею, что открыла его.

Он увидит, что я прочитала это, и будет ожидать ответа.

Дело не в том, что я не хочу с ним разговаривать. Я хочу. Я всегда хотела. Но по мере того, как идут недели, вероятность того, что нас поймают, только растет. И теперь, когда война между нашими семьями только обостряется, это делает риск намного более реальным. Я в ужасе. Не так сильно за себя... как за него.

Если — когда — наше время истечет, он единственный, кто будет страдать от боли, проводя время со мной. Больше, чем он уже это делает.

Я до сих пор отчетливо помню тот день, когда Нико и Себ набросились на Анта и Энзо возле кинотеатра только за то, что они тусовались со Стеллой и мной.

Если бы они обнаружили, даже спустя все эти месяцы, что мы все еще общаемся, что мы все еще тусуемся...

Нет.

Это не должно произойти.

Когда-либо.

Они могут подумать, что Ант — враг из-за его итальянской крови, но это неправда.

Ант — хороший парень.

Я знаю, что он такой.

Я чувствую это, когда мы вместе, каждый раз, когда он смотрит на меня. Каждый раз, когда он целует меня...

Калли: Нет. Одна дома. * эмоджи с грустным лицом*

Я сожалею о грустном лице в ту секунду, когда нажимаю отправить, но слишком поздно. Теперь это стало известно, и я уже знаю, как он собирается ответить.

Прыгающие точки начинаются почти сразу.

Ант: Приходи, потусуешься со мной. Я скучаю по тебе.

Волнение зарождается у меня в животе. Я не должна идти. У нас и так мало времени, но я не могу отрицать трепета, который охватывает меня каждый раз, когда я бросаю вызов ожиданиям и провожу время с ним у него дома.

Внутри меня порхают бабочки, когда я рассматриваю возможность пробраться на другой конец города и провести с ним ночь.

Я опускаю взгляд на свой планшет, экран теперь темный и показывает только мое отражение.

Мои волосы убраны назад, на лице нет сегодняшнего макияжа. На мне леггинсы и рождественский джемпер, который я должна была убрать несколько недель назад, но он удобный и теплый, и, честно говоря, мне на самом деле все равно.

Действительно ли я хочу принарядиться и выйти на улицу?

Я думаю о своих друзьях, которые, вероятно, наслаждаются жизнью. Затем я думаю о своих родителях, которых, скорее всего, нет дома, в чем нет ничего нового. И мой брат, который, вероятно, где-нибудь на вечеринке, угощает какую-нибудь бедную, ничего не подозревающую женщину ночью менее чем умопомрачительного секса.

— Фу. — Дрожь пробегает у меня по спине. — К черту это.

Мне бы не помешало немного веселья, немного азарта.

Немного внимания.

Калли: Дай мне час. * улыбающийся смайлик *

Еще один трепет пронзает меня, когда я вскакиваю. Я не уверена, что когда-нибудь привыкну к тому азарту, который я получаю от восстания против всех правил и ожиданий, которые были возложены на меня.

Если бы я только знала, что такое развлечение существовало раньше.

Оставляя все на своих местах, я снимаю одежду и иду прямо в душ, чтобы освежиться.

Я скребу каждый дюйм своего тела и брею все необходимые части. Как только я выхожу и вытираюсь, я втираю в кожу свой любимый увлажняющий крем с приятным запахом.

Чувствуя себя хорошо, я достаю свое самое сексуальное нижнее белье — которое не такое уж сексуальное, но, по крайней мере, кружевное, а не хлопковое — и роюсь в своем гардеробе в поисках чего-нибудь подходящего.

С тех пор, как Стелла и Эмми вошли в мою жизнь, мой гардероб значительно улучшился. Они повлияли не только на то, как я действую, но и на то, как я выгляжу. Стелла была той, кто убедила меня избавиться от светлых волос, которые мама требовала, чтобы я сохранила, хотя в глубине души я жаждала попробовать что-нибудь потемнее и обрезать длину, которая, по словам мамы, была красивой, как у принцессы.

Я не хотела быть принцессой. Хорошая девочка, которая делала, как ей говорили, и жила самой скучной жизнью в мире, находясь взаперти в своем замке.

Я хотела испытать жизнь, как Нико. Я хотела раскрасить город в красный цвет, уйти в загул, быть подростком или, по крайней мере, иметь возможность сделать это.

Довольная своим отражением, я снова приглаживаю волосы и засовываю ноги в угги.

Схватив свою сумку, я бросаю в нее телефон и выхожу через свой новый черный ход.

Отъезд Нико был одной из лучших вещей, которые произошли со мной. Мне нравится иметь свое собственное пространство, свою собственную дверь, свою свободу. Даже если в большинстве дней я не пользуюсь этим, учитывая, что мне нечего делать. Достаточно просто

знать, что у меня это есть, что мои родители наконец-то доверяют мне, хотя бы немного.

Путешествие в итальянскую часть города занимает больше времени, чем я ожидала, и по дороге я получаю не одно сообщение от Анта, спрашивающего, приеду ли я.

Его нетерпение увидеть меня заставляет меня улыбнуться, когда я останавливаюсь на улице, через дорогу от переоборудованного склада, который он называет своим домом.

Все остальные паркуются прямо перед зданием. Но, проскальзывая через деревья сзади, это позволяет мне забираться внутрь и выходить незамеченной в течение последних нескольких месяцев.

В ту секунду, когда я выхожу из машины, скрытая в тени, я вижу его, стоящего под уличным фонарем рядом с просветом между деревьями.

— Привет, незнакомка, — выдыхает он, делая шаг мне навстречу. — Я скучал по тебе.

Его рука скользит по моей шее сзади, и его губы касаются моих в сладчайшем из поцелуев.

Впрочем, такой уж Ант. Все, что он делает, мило и вдумчиво.

Ничего похожего на *него*.

Ант никогда бы не прикоснулся ко мне, не поцеловал меня, не взял бы меня так, как *он* сделал той ночью.

Это причина, по которой я все еще жажду его?

Тьма, которую он показал мне. Удовольствие.

Он взял то, что хотел, то, что, как он знал, мне было нужно — хотя я не уверена, откуда он узнал, — и дал мне то, что я никогда не смогу забыть.

— Прости, я был так занят, — шепчет он, отстраняясь, обхватывая мою челюсть ладонями и заглядывая мне в глаза.

— Все в порядке, я понимаю. — И я действительно понимаю. Он работает на семью Мариано, но он также учится на первом курсе университета и находится на последнем этапе подготовки к экзаменам. Я понимаю, почему ему нужно поставить это на первое место. Почему он должен ставить свою семью на первое место, потому что если он этого не сделает, и кто-нибудь узнает, что это из-за меня, из-за Чирилло...

Я отталкиваю реальность, пытаюсь сосредоточиться на нем, когда он берет меня за руку и переплетает наши пальцы.

— Пошли, я уже заказал еду.

Мой желудок урчит по сигналу.

— Извини, что я так долго; движение было ужасным.

— Теперь ты здесь, — говорит он, поднося наши соединенные руки к своим губам.

Все внутри меня расслабляется в его присутствии. Это одна из многих причин, по которым я знаю, что мои брат и кузен неправы.

Ант не играет со мной. Он не пытается добыть информацию о нас, о нашей Семье. Он никогда даже не спрашивал меня о моей жизни вне школы или обычных вещах. Он никогда не давал мне никаких оснований полагать, что хочет чего-то большего, чем просто провести время со мной... ну, может быть, кое-что еще. Но он всегда был джентльменом и придерживался моего темпа.

В первый раз, когда мы тусовались после Хэллоуина, когда он попытался приставать ко мне, я сказала ему, что хочу не торопиться, и он принял мою просьбу без возражений, хотя я знала, что он хотел пойти дальше. Это показало мне, что он хотел поставить мои потребности выше своих собственных.

Я хотела этого. Быть с ним вот так физически. Но после него, я просто не могла.

Я бы сравнивала все, а потом застряла бы в собственной голове с тем, как он это сделал.

Мне просто нужно было время, чтобы выкинуть его и мысли о той ночи из головы, как, казалось, он сделал в ту секунду, когда вышел за дверь.

Больно было узнать, кем он был, и наблюдать, как он забывает, что это когда-либо было. Видеть его позже тем вечером, когда Себ и Тоби лежали на больничных койках, было пыткой, но это никак не повлияло на то, что он посмотрел на меня так, как в любой другой день, кивнул в знак приветствия, а затем ушел, как будто я не кончила ему на лицо всего несколько часов назад. Черт возьми, он, вероятно, все еще мог попробовать меня на вкус, но он отмахнулся от меня, как от пустяка.

Как будто я была прискорбной ошибкой, о которой он, к счастью, никогда больше не вспомнит.

— Что случилось? — спрашивает Ант, чувствуя смену моего настроения.

— Ничего, — говорю я, натягивая улыбку. — Просто это была долгая неделя.

— Что ж, тогда ты пришла в идеальное место для отдыха.

Мы выходим из-за деревьев с задней стороны здания и обнаруживаем, что окно в квартиру Анта на первом этаже открыто и готово к приему гостей.

— Разве ты не хотел потусоваться с парнями сегодня вечером? — спрашиваю я, когда мы останавливаемся у окна.

— Вместо того, чтобы провести время с тобой? Ни за что, — выдыхает он мне в ухо, подходя прямо ко мне сзади и прижимаясь всем своим телом к моему.

Я в глубоком обмороке, когда его руки касаются моих боков, наконец останавливаясь на изгибе моей талии, чтобы помочь мне пролезть через окно в его комнату.

Это должно быть ярким сигналом тревоги, что я не могу просто войти через парадную дверь, чтобы быть с ним. Этого должно быть достаточно, чтобы сказать мне, какая все это глупая идея. Но это меня не останавливает.

Проводить время с Антом так просто. Он заставляет меня улыбаться, смеяться. Он не воспринимает жизнь слишком серьезно, несмотря на уродство того, с чем мы связаны из-за наших фамилий, и он заставляет меня чувствовать себя важной, достойной, сексуальной.

— Мне нравится эта юбка на тебе, Кэл, — говорит он мне, когда я забираюсь внутрь и жду, когда он присоединится ко мне.

— Спасибо, — говорю я, мои щеки горят от комплимента. Я знала, что ему это понравится. Она короткая, и я приняла, возможно, опасное решение отказаться от колготок или леггинсов. Это может быть немного опрометчиво и, возможно, посылает ему неправильный сигнал, учитывая, что я продолжаю говорить ему, что хочу подождать. Но сегодня вечером я чувствовала себя особенно бунтарской, и я жажду ощущения, что меня хотят.

Он заставляет мою кровь закипать, а желудок дико трепещет, когда он смотрит на меня так, как будто я единственная девушка в мире.

Я едва замечаю аромат китайской кухни, который наполняет комнату, когда он закрывает окно и поворачивается ко мне, сокращая пространство между нами.

— Привет, — снова говорит он, кривая улыбка растягивает уголок его губ.

Мой желудок сжимается, когда он снова тянется ко мне.

Его пылающая рука обвивается вокруг моей шеи, когда он наклоняет голову.

Мои глаза закрываются, когда его губы касаются моих.

— Черт, я скучал по тебе, Солнышко.

— Ант, — стону я, моя рука обвивается вокруг его талии и притягивает его ближе.

Он оставляет нежные поцелуи на моих губах, прижимая меня спиной к стене и кладя руку рядом с моей головой.

Я задыхаюсь, когда его твердое тело прижимается к моему, свидетельство того, насколько сильно он сдерживает себя, более чем очевидно, прижимаясь к моему животу.

Он максимально использует мои приоткрытые губы и погружает свой язык внутрь, движению, которому я нетерпеливо подражаю, быстро теряясь в его одурманивающих поцелуях.

Мы не расстанемся, пока оба не начинаем задыхаться и хватать ртом воздух.

— Я думаю, нам стоит поесть, а?

Я подавляю желание сказать ему, что не так уж сильно хочу есть, и с сожалением отпускаю его, когда он отрывается от моего тела.

Подняв руку, он откидывает свои темные волосы со лба. Его щеки покраснелись, а губы припухли от нашего поцелуя.

Он выглядит сексуально. Я имею в виду, он всегда горяч, в его жилах течет сексуальная итальянская кровь. Высокий, темноволосый и, о, такой красивый.

Быстрое движение его груди отвлекает мой взгляд от его прикрытых глаз, прежде чем они опускаются ниже, к более чем очевидной выпуклости на его джинсах.

Мои пальцы сжимаются в кулаки.

Было бы так легко прямо сейчас подойти к нему и сказать, что я хочу этого — его. Что я сыта по горло ожиданием и, наконец, сдаюсь, чтобы заменить свои воспоминания о той темной комнате той ночью, о *его* прикосновениях Антом.

Это то, что сделал бы любой здравомыслящий человек несколько недель назад.

Однако, по-видимому, это не то, кем я являюсь, когда речь идет об этих двоих.

— Черт, — шипит он, наклоняясь, чтобы привести себя в порядок и поворачиваясь к пакетам с едой навынос.

Я пытаюсь найти, что сказать, придумать оправдание тому, почему я постоянно воздвигаю барьер между нами.

Я неловко стою, все еще прижимаясь спиной к стене, пока он вытаскивает контейнеры и ставит их на поднос.

Когда он наконец поворачивается, его лицо снова расслаблено, а на губах играет мягкая улыбка.

— Все в порядке, Кэл, — прямо говорит он мне. — Я понимаю.

Я улыбаюсь ему в ответ, пораженная его пониманием, но в то же время желая, чтобы он не был таким внимательным. Часть меня хочет, чтобы он отбросил осторожность, подхватил меня на руки и просто взял то, что хочет. Чтобы пробиться сквозь стену, которую я продолжаю возводить, и разорвать ее в клочья.

— Иди поешь. Хочешь выбрать фильм для просмотра?

Я перевожу взгляд с него на поднос с едой, затем на массивный пятидесятидюймовый телевизор, который он прикрепил к стене, и качаю головой. — Нет, ты можешь выбирать.

Я забираюсь к нему на кровать, откидываясь на спинку, когда он опускает поднос и садится с другой стороны, передавая мне вилку.

Как только он берет пульт, с другой стороны двери раздается оглушительный рев.

Все мое тело замирает от осознания того, что враг — враг моей семьи — находится

всего в одной комнате от меня. Черт возьми, о чем я думаю... Ант — враг.

Но когда нас только двое, наши фамилии, наши связи не имеют значения.

— Все в порядке, — говорит он, протягивая руку и разжимая мои кулаки. — Они все смотрят какой-то бой. Наверное, становится немного жарко.

Причина, по которой я должна забираться в его комнату через окно, заключается в том, что, чтобы попасть туда через парадную дверь, нам пришлось бы пройти через огромную комнату, которую младшие члены семьи Мариано превратили в огромную берлогу.

Находиться здесь опасно, но мы решили, что это безопаснее, чем находиться на публике, где нас может увидеть кто-нибудь из членов любой Семьи.

Здесь мы заперты в его комнате, где никто не должен нас беспокоить.

Что ж, это то, на что мы надеемся.

— Ты не хочешь смотреть? — спрашиваю я, снова чувствуя, что своим присутствием здесь я отдаляю его от друзей.

Опуская пульт, он просто смотрит на меня.

— Нет, Калли. Я бы не предпочел быть там с кучей потных, злых придурков, когда я мог бы быть здесь с тобой... в этой юбке. — Он прикусывает нижнюю губу и шевелит бровями.

— Ты идиот.

Он пожимает плечами, словно ему на все наплевать, и он бесстыдно разглядывает мои ноги.

— Ешь, Солнышко. У меня есть планы на тебя сегодня вечером.

Волна жара пробегает по моему телу, сжигая меня изнутри.

— Твои родители не ждут тебя дома, верно?

Я усмехаюсь. — Ты думаешь, они вообще заметили, что меня нет дома?

Он грустно улыбается мне, но я знаю, что он понимает. Имея старшего брата, который почти всю свою жизнь был в центре внимания, он понимает, каково это — жить в тени и от него ожидают определенного поведения. Единственная разница в том, что теперь от него ожидают, что он сделает шаг вперед и станет солдатом.

Однако от меня ожидают, что я буду делать что? Найду симпатичного греческого парня и рожу несколько будущих солдат?

Я разочарованно выдыхаю.

— Тогда хорошо, что я позвал тебя. Мы бы не хотели, чтобы ты была дома одна. — Его слова сочатся похотью.

— Я просто работала, — говорю я, обливая холодной водой ход его мыслей.

— Конечно, работала. — Он многозначительно шевелит бровями.

— Ты кошмар.

— Тебе это нравится, — возражает он, наконец-то снова беря пульт и нажимая «Воспроизвести» фильм номер один, который вышел на Netflix. У меня даже не было возможности посмотреть, что это такое, кроме того, что это выглядит довольно романтично. Не то чтобы у меня были проблемы с этим. Я просто не могу представить, чтобы ему это нравилось.

Схватив один из контейнеров и вилку, Ант накаливает кусочек измельченной курицы и протягивает его мне.

— Твое любимое, — бормочет он, когда я приоткрываю губы, принимая это от него.

Благодарный стон вырывается из моей груди, когда вкус взрывается у меня во рту, и он наблюдает, как я высовываю язык, чтобы слизнуть соус.

— Ты знаешь, как трудно было сосредоточиться на этой неделе, зная, что я не мог тебя видеть?

— Ант, — вздыхаю я, желая, чтобы он не говорил мне таких глупых вещей.

Мне это действительно нравится, но это просто огромное напоминание о том, что независимо от того, что мы на самом деле чувствуем друг к другу, это никогда не работает. Наши родители никогда бы этого не допустили.

Он улыбается мне, отказываясь иметь дело с нашей реальностью, и вместо этого мы просто тайно проводим время вместе, наслаждаясь друг другом.

Фильм разворачивается на заднем плане, но никто из нас не обращает на него внимания, пока мы едим и говорим, о чем угодно, кроме наших семей.

Он рассказывает мне об университете и предстоящих экзаменах, пока я неохотно болтаю о школе и своих занятиях. Я ненавижу говорить о школе или даже думать о ней на самом деле.

Все было нормально, когда это была просто средняя школа, но сейчас мы в шестом классе, все ожидают, что я буду знать, что я делаю со своей жизнью, и, по правде говоря, я понятия не имею.

Я никуда не вписываюсь. Я в лучшем случае посредственна по всем своим предметам. Я неплохая гимнастка и болельщица, но это не совсем вариант для карьеры.

Ничто не является таковым.

И я не хочу быть мамой-домохозяйкой. Да, однажды я захочу детей, но это не единственное, чего я хочу.

Я хочу жить своей собственной жизнью. Иметь цель. Карьеру. Я просто пока не знаю, как это может выглядеть.

— Эй, — говорит Ант, отрывая меня от моих мыслей. — Ты закончила? — спрашивает он, кивая на почти пустой поднос между нами.

— Д-да, — говорю я, мой взгляд опускается на последний блинчик с начинкой.

Злая улыбка подергивается на его губах, когда он поднимается с кровати и ставит поднос на пол.

Подойдя к выключателю, он немного приглушает свет, затем поворачивается обратно ко мне, останавливаясь, чтобы пробежаться взглядом по моим ногам, которые я вытянула перед собой.

Он быстро сокращает пространство между нами и наклоняется, хватая что-то, прежде чем вернуться ко мне на кровать и оседлать мои ноги.

— Хочешь это? — спрашивает он, поднимая блинчик с начинкой между нами.

Он проводит им по моей нижней губе, его глаза следят за его путешествием.

— Д-да, хочу, — говорю я, задаваясь вопросом, говорим ли мы все еще о еде прямо сейчас.

— Тогда откройся пошире, — говорит он, ожидая, когда мои губы разомкнутся.

В ту же секунду, как они это делают, он запикивает мне его в рот и наблюдает, его глаза темнеют, когда я обхватываю его губами и кусаю.

— Черт возьми, Солнышко, — ворчит он. — Ты понятия не имеешь, насколько ты горяча, не так ли?

Я улыбаюсь, прожевывая, прежде чем наблюдать, как он крадет другой конец блинчика и бросает его в рот.

— Ложись на спину, — выдыхает он, мягко толкая меня в плечо, пока я не оказываюсь

именно там, где он хочет, под ним на его кровати.

Мое сердце громыхает в груди, когда я смотрю на него.

— Все, что тебе нужно сделать, это сказать слово, и я остановлюсь, ты знаешь это, верно? — спрашивает он.

— Я доверяю тебе, — выдыхаю я.

На его губах появляется улыбка, от которой у меня скручивает желудок и сжимаются бедра. Потянувшись за спину, он одним плавным движением стягивает с себя рубашку, что мало что делает с желанием, которое уже струится по моим венам.

Я не в первый раз вижу его без рубашки. Он и раньше доставлял мне удовольствие наблюдать за ним, даже прикасаться к его безумно вырезанному торсу, и что-то подсказывает мне, что я не очень хорошо скрывала, как сильно мне это нравится.

Не в силах остановиться, я протягиваю руку, проводя кончиками пальцев от его груди вниз к поясу.

Движением, о котором я бы никогда даже не подумала, если бы уже не была пьяна от него, я просовываю пальцы ему под пояс и притягиваю его ближе, нуждаясь в большем.

— Поцелуй меня, — требую я.

— Как будто тебе нужно просить, Солнышко.

Его губы опускаются на мои, его мускулистое тело опускается и вдавливают мое гораздо меньшее в матрас. Мои ноги автоматически обвиваются вокруг его талии, прижимая нас друг к другу, когда он целует меня, как будто я воздух, необходимый ему, чтобы выжить.

Моя кожа горит от желания, когда его рука проскальзывает под мой джемпер, его пальцы скользят по моим ребрам.

Его бедра двигаются, его твердая длина трется о мое лоно, посылая наслаждение, пронизывающее меня насквозь.

— Черт, Калли, — стонет он, отрывая свои губы от моих и покрывая поцелуями мою челюсть и спускаясь вниз по шее. — Ты меня так заводишь.

По моей коже пробегают мурашки, когда он посасывает мою шею, задевая чувствительную кожу зубами.

— Ант, Боже, — стону я, мои ногти царапают его спину.

Он целует мою грудь, открытую глубоким вырезом джемпера, прежде чем скользнуть рукой выше и обхватить мою грудь.

Моя спина выгибается от потребности в большем.

— О Боже, — стону я, когда он щиплет мой сосок через кружево лифчика.

— Мне нравится смотреть, как ты кончаешь. Это все, о чем я был в состоянии думать на этой неделе.

Это не первый раз, когда у нас все заходит так далеко, но никогда дело не заходило дальше того, что он снимал рубашку и трахал меня насухо, пока я не разбивалась вдребезги, в то время как он, вероятно, вот-вот кончит в штаны.

Каждый раз, когда он заставлял меня кончить, меня переполняло чувство вины за то, что я не ответила ему взаимностью, но он всегда уверял меня, что все в порядке, и он не настаивал на большем.

Такой чертовски милый.

Это должно быть все, чего я только могла желать. Но в моей голове всегда есть кто-то другой. Кто-то, кто не собирался так просто меня отпустить. Кто-то, кто собирался забрать все.

Немного приподнимаясь, Ант задирает мой джемпер, обнажая живот и бюстгальтер.

— Черт, это сексуально, — бормочет он, проводя пальцем по кружевному краю.

Тихий, нуждающийся стон срывается с моих губ.

— Еще? — спрашивает он со злым блеском в глазах.

Я колеблюсь секунду, и он видит это, но, к счастью, на этот раз он не задает мне вопросов. Вместо этого он стаскивает джемпер с моего тела, бросая его на пол вместе со своим. Он снова опускает голову и прижимается губами к выпуклости моей груди, просовывая пальцы под ткань и обнажая меня.

Его глаза все время удерживают мои, говоря мне, что я могу остановиться, когда захочу. Но даже если бы я захотела, я была бы неспособна произнести это слово, наблюдая, как его полные губы обхватывают мой сосок.

Весь воздух вырывается из моих легких, когда его тепло окружает меня.

— О, черт, — ахаю я, когда он жестко сосет.

Он дразнит меня до тех пор, пока я едва могу это выносить, когда мое тело приближается к разрядке, его бедра все еще медленно двигаются по мне.

Когда мои пальцы запутываются в его волосах, прижимая его к себе, он начинает целовать ниже, по нежной коже моего живота, прежде чем погрузить свой язык в мой пупок.

Мой желудок сильно сжимается, когда я читаю намерения в его глазах.

— Я хочу попробовать тебя на вкус, Калли. Скажи мне, что я могу, — он почти умоляет.

Я бездумно киваю, и самая захватывающая улыбка появляется на его губах за мгновение до того, как он падает на живот между моих ног.

О Боже.

Я зажмуриваю глаза, когда он запускает руку мне под юбку и обхватывает пальцами края моих трусиков.

Сделав глубокий вдох и придав этим немного уверенности, я приподнимаю бедра как раз в тот момент, когда за дверью раздается грохот.

Наши взгляды встречаются, и мое сердце подскакивает к горлу.

— Все в порядке, — уверяет меня Ант, сбрасывая мое нижнее белье на край кровати. — Вероятно, они просто напились, и победил не тот парень.

Я киваю, веря, что он не сделает ничего, что в конечном итоге приведет к тому, что нас поймают, или еще хуже.

— Игнорируй их.

Я снова киваю, прикусывая нижнюю губу, когда он прижимает ладони к чувствительной коже внутренней поверхности моих бедер и широко раздвигает меня для себя.

Его глаза задерживаются на мне на несколько секунд, пока хаос, кажется, продолжается за дверью, но я делаю, как он предложил, и просто сосредотачиваюсь на нем, на нас.

Довольный тем, что я все еще здесь, с ним, в данный момент, он отводит от меня взгляд, возвращаясь туда, где был до того, как мы отвлеклись.

— Черт, — шипит он. — Ты идеальна.

Он облизывает губы, как будто ему только что вручили огромную миску с его любимым десертом, и бросается вперед, но у него так и не появляется шанса вступить в контакт, потому что дверь его спальни распаивается.

Я поспешно сажусь, тянусь за чем-нибудь, чтобы прикрыться, когда Ант рявкает: «Пошел нахуй...»

Но все рушится вокруг меня, когда мои глаза встречаются с человеком, стоящим в дверях, его глаза прикованы к моим.

Его лицо — все та же жесткая, холодная маска, к которой я более чем привыкла, но его глаза... они не просто смертоносны, они пылают презрением, желанием сжечь все это место дотла и устроить на его месте ад.

— Деймон?

2

ДЕЙМОН

Сегодняшняя ночь была... Черт. Я провожу рукой по лицу, думая о развернувшихся событиях.

Мы знали, что Джонас был в полной заднице. Но я не думаю, что кто-то из нас действительно оценил, насколько он был чертовски сумасшедшим.

Тоби был непреклонен в том, что Джонас причинил бы вред Джоди и Джоанне, и, хотя я надеялся, что он этого не сделает, прошлое, от которого пострадали Тоби и Мария, определенно указывает на тот факт, что Джонас более чем счастлив причинять вред собственной семье.

Мы просто надеялись, что с Джоди будет по-другому. Но тогда с чего бы ей волноваться? Он отправил своего собственного сына на гребаную бойню, натравив его на нас.

Действительно ли у него было так мало веры в солдат, которых он помогал обучать?

Я качаю головой, откидываюсь на спинку стула и на мгновение закрываю глаза.

Образ этих домов, взрывающихся прямо перед нами, заполняет мой разум, наряду со слишком свежей паникой, которую я почувствовал в те несколько мгновений, когда не знал, все ли мы выбрались.

Может, я и аутсайдер в нашей маленькой группе, но, черт возьми, если я хочу видеть, как кому-то из них причиняют боль. Или чтобы Джонас и итальянцы что-то у нас отняли. Не тогда, когда мы так усердно работали, чтобы их уничтожить.

В то время как Дэмиен, босс, и Эван, младший босс, разбирались с дерьмом сс Жнецами и Волками, в котором недавно оказались Тео и Эмми, мой отец сосредоточил свои усилия на итальянцах.

После того, как они признались, что работали на Джонаса в ночь последней драки на трассе, которая вспыхнула — в буквальном смысле — они притихли.

Чертовски тихо.

И мы обнаружили, что для этого была очень веская причина, когда папе удалось подсадить змею и раскрыть их планы по захвату наших предприятий, которые граничат с их частью города.

Они пытались в прошлом году в закуской Марко, но потерпели неудачу. Мы надеялись, что они, возможно, сдались, но, похоже, это было принятие желаемого за действительное. Они только что вернулись к чертежной доске и разработали план, который включал в себя большую преднамеренную потерю крови с обеих сторон.

Просто жаль, что они не воспользовались последними планами Джонаса. Это могло бы избавить Тоби от еще одной недели страданий от рук этого извращенного ублюдка.

Неудивительно, что мир, существовавший между двумя семьями годами, был разрушен так скоро после того, как Рикардо занял пост босса, а его отец ушел в отставку из-за плохого

состояния здоровья. Он всегда был неуравновешенным, жаждущим власти. Рано или поздно он неизбежно втянул бы нас в войну.

Я бросаю взгляд на машину, припаркованную рядом с моей, и встречаюсь взглядом с Тео. Жажда крови к этим ублюдкам, которые пытаются забрать то, что принадлежит нам, светится в его глазах так же ярко, как, я знаю, в моих.

Мы припарковались на улице напротив склада итальянцев. Остальные наши солдаты расставлены с интервалами вокруг здания, ожидая второго сигнала от моего отца.

Это не их главная штаб-квартира, но, судя по разведанным, которые нам удалось раздобыть, именно там сегодня находится большинство из них. Достаточно, чтобы отправить сообщение, по крайней мере, Рикардо.

Доставая оружие из бардачка, я дважды проверяю, заряжен ли каждый из моих пистолетов, прежде чем засунуть два за пояс, а еще один — в наплечную кобуру под курткой. Запасные патроны рассовываются по моим карманам, прежде чем я пристегиваю один нож к лодыжке и убираю другой в кобуру.

Затем я жду.

В ту секунду, когда мой телефон звонит и на экране появляется имя отца, я открываю дверь и вылезая, в то время как Тео, Себ, Нико и мой близнец Алекс делают то же самое, прежде чем появляется Тоби.

Я делаю двойной дубль, не ожидая увидеть его здесь после проведенной им ночи. Но я не позволяю его присутствию отвлекать меня. Если он хочет помочь донести это, как мы надеемся, кровавое послание до итальянцев, он более чем желанный гость. Я киваю в их сторону, но мое внимание сосредоточено исключительно на здании перед нами.

Насколько нам известно, это будет засада. Но, несмотря на то, что у нас был «крот» в их рядах, было бы глупо думать, что эта атака могла не дойти до них. Недавние события являются достаточным доказательством того, что мы, возможно, просто проявляем лояльность не в тех местах. Два почти мертвых тела, которые мы в настоящее время запираем, являются достаточным доказательством этого.

Мы окружаем здание, прячась в тени, прежде чем получим последний сигнал.

Улыбка появляется на моих губах, когда мы врываемся внутрь с поднятыми ружьями и обнаруживаем, что итальянцы не могли быть менее неподготовленными к этой атаке.

Тупые ублюдки пытаются защититься, но они слишком медлительны, так как мы с парнями справляемся с ними без особых усилий.

Алекс, Нико и Себ нападают на них с кулаками, в то время как Тео, Тоби и я используем наши пистолеты с глушителями, гарантирующими, что на нас не нападет кто-нибудь из их членов, которые могут прятаться в своих комнатах.

Мы не стреляем на поражение. Мы здесь не для этого. Мы здесь, чтобы передать сообщение. Чтобы подчеркнуть, что мы всегда на шаг впереди них, и что, если бы мы хотели сократить их численность, мы могли бы легко это сделать.

— Идите проверьте все комнаты, — кричит папа на нас шестерых, когда становится ясно, что мы контролируем маленькую вечеринку, которую они устраивали.

Отворачиваясь от других его солдат, которые наводят порядок, который мы оставили после себя, мы разделяемся, трое наверху и трое внизу.

Я направляюсь к первой двери, в то время как Алекс и Нико обгоняют меня, чтобы открыть следующие две.

Я нажимаю на ручку, но она не поддается.

Предполагая, что она пуста, я почти ухожу, но что-то останавливает меня.

Я понятия не имею, что это такое, но ощущение неуверенности в моем нутре означает, что я врезаюсь плечом в светлое дерево, наваливаясь на него всем своим весом.

Замок практически расплавляется под действием силы, и дверь распаивается, открывая взору ноги парня, свисающие с края кровати, совершенно очевидно, что он занят чем-то важным.

Легкая ухмылка кривит мои губы, и я вхожу в комнату, когда парень садится и рявкает: «Пошел нахуй», но в ту секунду, когда наши взгляды встречаются, и он понимает, кто только что вошел, его слова немедленно обрываются.

Умный парень.

Но радость от того, что мое внутреннее чутье оказалось верным, длится всего долю секунды, потому что я делаю шаг вглубь комнаты, и мой взгляд останавливается на женщине с этой итальянской пиздой между ног.

Она замирает в шоке, когда наши взгляды встречаются, и между нами возникает нечто похожее на молнию.

— Демон, — выдыхает она, внезапно переходя к действию, забираясь на кровать и пытаясь прикрыться.

Но слишком поздно, я уже видел это.

Я уже видел ее с другим гребаным парнем, гребаным итальянцем, собирающимся...

— Ты, блядь, умрешь за это. — Мой голос холоден, холоднее, чем я сам осознаю, когда слова срываются с моих губ, и я поднимаю руку, целясь из пистолета прямо ему в голову.

— Демон, нет, — кричит Калли, вскакивая с кровати, но она слишком медлительна.

Еще до того, как ее ноги коснулись пола, я нажимаю на спусковой крючок, отправляя Антонио Санторо обратно в стену.

— Неет, — кричит она, но я не даю ей шанса оглянуться и посмотреть, куда я его ударил. Я падаю перед ней на колени и перекидываю ее тело через плечо, выводя ее из комнаты, в то время как она кричит позади меня, ее крошечные кулачки врезаются в мою задницу.

Только мой отец поднимает глаза, когда я прохожу мимо всех окровавленных и изломанных тел, которые он и его ребята собирают. Когда Калли висит у меня за спиной, перевернутая вверх тормашками, я не беспокоюсь, что он узнает ее, и когда он даже не удостоивает женщину, нависшую над моим плечом, второго взгляда, я продолжаю двигаться, вытаскивая ее к чертовой матери из этого дерьмового шоу.

Она не перестает кричать и драться, даже когда я останавливаюсь рядом со своей машиной и ставлю ее на ноги.

— Какого хрена ты делаешь? — кричит она, ее руки летят в мою сторону, нанося удары везде, до чего она может дотянуться.

Слезы струятся по ее щекам, покрывая их черным макияжем, когда она стоит там в одном лифчике и крошечной юбке.

Черт. Она никогда не выглядела лучше.

Мой член ноет, когда образы той ночи мелькают в моей голове, как гребанный фильм.

Я был так близок. Так чертовски близок к тому, чтобы получить то, чего я позволял себе жаждать все эти гребанные годы.

Калли Чирилло.

Моя одержимость.

Моя зависимость.

Моя единственная гребаная слабость.

— Остановись, — кричу я, моя рука нащупывает ее горло, когда я прижимаю ее спиной к машине.

Ее крики прекращаются, когда ее подбородок опускается в шок.

— Прекрати, блядь, орать, — киплю я, бросаясь прямо ей в лицо. — Если только ты не хочешь, чтобы все остальные здесь увидели, что ты выглядишь как маленькая грязная шлюха.

У нее перехватывает дыхание от моих злобных слов за секунду до того, как ее ладонь касается моей щеки.

Боль разливается по моей коже. Это только подпитывает гребаного дьявола, который живет внутри меня.

Ее грудь вздымается, когда она смотрит на меня.

— Я ненавижу тебя, — шипит она сквозь рыдания, которые все еще сотрясают ее тело. — Я чертовски ненавижу тебя, и я никогда не прощу тебя за это. Никогда.

На моих губах появляется улыбка.

Я всегда думал, что мне нужно услышать именно эти слова. Слова, которые могут разрушить власть, которую она всегда имела надо мной. Но, стоя здесь перед ней, чувствуя, как под моими пальцами грохочет ее пульс, я понимаю, что они даже близко не подошли к тому, чтобы разорвать то, что было между нами.

Во всяком случае, это только делает мою одержимость, мою потребность доказать, что она неправа, завладеть ею, черт возьми, еще более иррациональной.

Я годами говорил себе, что, если буду сохранять дистанцию между нами, она уменьшится. Я бы нашел кого-нибудь другого, на ком сосредоточил бы свои усилия, свои темные, извращенные желания.

Но этого так и не произошло.

С тех пор, как нам исполнилось шесть лет, это всегда была Калли.

И до той ночи это был мой самый темный секрет.

Который я был готов унести с собой в могилу, чтобы дать ей жизнь, которой она заслуживает, позволить ей найти мужчину, которого она заслуживает.

Потому что это уж точно не такой испорченный, холодный засранец, как я.

Но что-то сломалось во мне той ночью.

Что-то, что я не могу объяснить даже сейчас.

И я до сих пор не могу решить, было ли это лучшим или худшим, что когда-либо случилось в моей жизни.

— Садись в гребаную машину, Каллиста.

— Пошел ты, — выплевывает она, снова вlepляя мне пощечину и издавая громкое рычание глубоко в моем горле.

— Ты играешь с огнем, — предупреждаю я ее за две секунды до срыва. И это означает, что я либо собираюсь выбить из нее гребаную жизнь, либо получить то, что должен был получить той ночью, прямо здесь, у моей машины, на глазах у ее брата и остальных парней.

— Тогда смотри, как я горю, придурок.

Протягивая руку, я распахиваю заднюю дверцу своей машины и, все еще держа ее одной рукой за горло, другой хватаю за талию и бросаю внутрь.

— Ты не можешь этого сделать, — кричит она.

— Я думал, ты знаешь, красавица, — усмехаюсь я. — Я могу делать все, что, черт

возьми, захочу.

— Ты гребаный псих.

— Я знаю. Это весело, не так ли?

Улыбка, которой я одариваю ее, полна злобы, но под ней нет ничего, кроме желания.

Захлопнув дверь, я запираю замки, прежде чем у нее появляется шанс сбежать. Затем я быстро открываю водительскую дверь, прежде чем сесть в машину, и нажимаю на акселератор, прежде чем кто-нибудь увидит, как я уезжаю с ней.

Возможно, я был бы готов раскрыть ей уровень своей одержимости маленькой девочкой, которая помогла мне много лет назад, но, черт возьми, я не позволю никому другому увидеть, что мне что-то не безразлично.

3

КАЛЛИ

Почти бесшумный выстрел, раздающийся в комнате, вырывает крик из моего горла.

Голос пугает меня, и мои глаза распахиваются.

— Что за—

Я пытаюсь сесть, но мои руки застряли за головой.

У меня в голове все путается, действительно чертовски пугается.

Я все еще пытаюсь сосредоточиться, пытаюсь вызвать воспоминания о том, как я очутилась на кровати Анта с его головой...

Все врзается в меня с силой грузовика, и я дрыгаю ногами, пытаюсь еще раз подняться.

Ант.

Деймон.

Выстрел.

— Неет, — кричу я, мое сердце колотится так сильно, что в голове еще больше пугается. — Деймон, — кричу я.

Тишина.

— ДЕМОН! ДЕМОН! — Я выкрикиваю его имя до хрипоты в горле, но ничего не происходит. Никто не приходит.

Поднимая взгляд к изголовью кровати, я обнаруживаю, что мои запястья были связаны галстуком, и когда я вспоминаю, что он вытащил меня со склада в одном лифчике и юбке, я смотрю вниз на то, что на мне надето.

— Господи, — бормочу я, рассматривая черную мужскую рубашку, которая сейчас на мне.

Он, блядь, передел меня?

— Деймон, — кричу я еще раз, но, как я и ожидала, ничего не происходит.

Он либо игнорирует меня, либо оставил меня здесь. Где бы это ни было.

Я оглядываю комнату, пытаюсь найти что-нибудь, что могло бы подсказать мне, где я нахожусь.

Стены белые, а мебель из темного ореха. Все это выглядит дорого, но, конечно, это не квартира Деймона.

Я бы ожидала, что она будет такой же черной, как у Тео, под стать его душе.

Рыдание подступает к моему горлу, когда я думаю об Анте.

Это то, куда ушел Деймон? Чтобы привести в порядок свое тело?

Перекаtywаясь на живот, я зарываюсь лицом в подушку и даю волю слезам, оплакивая

то, что все равно никогда не могло быть моим.

Я никогда не хотела этого, но я знала, что это был риск, на который мы оба шли.

Мы оба были наивны, думая, что нас не поймают.

Я просто никогда не представляла, что это будет он.

Деймон.

Мой Бэтмен.

Мои слезы только усиливаются, когда я вспоминаю ту ночь и то, как он избегал и игнорировал меня с тех пор.

Он знал, что я узнала его, но ни разу не попытался заговорить со мной об этом.

Было больно осознавать, что он так сильно сожалел об этом, когда я искренне верила каждому слову, которое он сказал мне той ночью.

Я знала, что приближаться к Анту после того, как узнала, что он был частью семьи Мариано, было плохой идеей. Но он был таким милым. Он видел во мне просто Калли, а не принцессу Чирилло, и он заставил меня почувствовать себя как никто другой, кого я, когда-либо встречала.

Он был моим секретом. То, что я выбрала для себя, когда все остальное в моей жизни диктуется моими родителями, Семейей.

Но с моей стороны было эгоистично втягивать его в свою поганую жизнь.

Я понятия не имею, как долго я лежу там, рыдая, но в конце концов, я плачу и снова засыпаю.

Когда я просыпаюсь, я знаю, что что-то изменилось, еще до того, как я открыла глаза.

Я чувствую *его*.

Его взгляд, его присутствие. Его дыхание мягко касается моего лица.

На несколько секунд я позволяю себе вспомнить, какой защищенной, какой желанной он заставил меня чувствовать себя той ночью, но это удовлетворение вскоре улетучивается, когда я вспоминаю, что произошло сегодня вечером.

Было ли это вообще сегодня вечером?

Как долго я была в отключке?

Ант.

Мои глаза распахиваются, и они сталкиваются с его темными глазами.

Он лежит на кровати рядом со мной, смотрит на меня, подложив руку под щеку.

Вид того, что он выглядит совершенно расслабленным после всего, что он сделал, разжигает огонь у меня в животе.

Я дергаю себя за руки, надеясь, что он сжалился надо мной и отпустил теперь, когда он здесь, но безуспешно.

— В чем, черт возьми, твоя проблема? — киплю я, мой голос хриплый от эмоций, когда все, что он делает, это лежит и смотрит на меня, как будто он действительно не может поверить, что я здесь.

— Шшш, все в порядке, красавица, — тихо шепчет он, протягивая руку и заправляя прядь моих волос за ухо. — Все хорошо. Все в порядке.

— Ты действительно, блядь, спятил? — огрызаюсь я, переводя взгляд с него на меня, ожидая какой-то реакции, но все, что он делает, это улыбается.

Это не то, что он делает так часто, и при виде его ямочек внутри меня происходит что-то странное.

— Твои заверения и твоя улыбка не улучшают ситуацию, — шиплю я, хотя сожалею об этом в ту секунду, когда его губы снова разглаживаются.

— Я не собираюсь причинять тебе боль, красавица. Я бы никогда не причинил тебе вреда.

— Тогда развяжи меня. У меня болят руки.

Он поднимает взгляд туда, где связаны мои запястья, а затем снова смотрит мне в глаза.

— Я не могу, — признается он.

— Почему?

Он изучает меня так долго, что я не думаю, что он собирается отвечать. Но, в конце концов, он протягивает руку еще раз, проводя кончиками пальцев по моей щеке, а затем по краю подбородка, как будто я что-то драгоценное, что может исчезнуть в любой момент.

— Потому что ты уйдешь.

— Чертовски верно, я уйду. Ты похитил меня. Ты убил Анта. — Выражение моего лица становится жестче, горе захлестывает меня, когда раскаленные слезы обжигают мои глаза, а сердце разрывается на части.

Что-то мелькает в его глазах, что-то темное, что заставляет мой желудок сжиматься от страха.

Я знаю, что Деймон опасен. Я знала это годами. Но я никогда не боялась его так, как сегодня вечером. Я всегда думала, что его гнев был направлен только на врага — я имею в виду, я думаю, что это было и сегодня вечером тоже, — но все равно, я не могу избавиться от ощущения, что я внезапно стала одним из них.

— Он прикасался к тебе. Он был... — Его челюсти сжимаются так сильно, что я не могу отделаться от мысли, что это должно быть больно.

— Я хотела, чтобы он это сделал, — кричу я, когда понимаю, что он не собирается заканчивать эту мысль, заставляя его немного отступить. — Я хотела, чтобы он прикасался ко мне. Я хотела принадлежать ему. И он тоже хотел меня. Он не прятался от меня. Он не уходил. — С каждым словом мой голос становится громче, злее.

Но, несмотря на огонь, горящий в его глазах, он не огрызается в ответ. И когда он снова заговаривает, это звучит мягко.

— Он не заслуживает тебя, красавица.

Горький смех срывается с моих губ. — А ты заслуживаешь?

— Никогда.

— Это безумие. Отпусти меня.

— Нет.

— Деймон, клянусь гребаным Богом, если ты не отпустишь меня, я... — У меня нет слов, чтобы закончить эту угрозу, поэтому вместо этого я начинаю метаться, пинать ногами и сбрасывать со своего тела простыни, которыми он меня укрыл, в моем желании причинить ему боль.

В ту секунду, когда моя нога соприкасается с его голенью, боль пронзает пальцы ног, быстро останавливая мои движения.

— Каллиста, — предупреждает он, его рука обвивается вокруг моего бедра, притягивая меня ближе к нему.

У меня перехватывает дыхание, когда его прикосновение посылает электрический разряд по моему телу. Это заставляет меня болезненно осознавать, как мало на мне надето. Тот факт, что он явно уже все видел, учитывая, что я, возможно, была не совсем

одета, когда он перекинул меня через плечо и вывел из комнаты Анта, я все еще чувствовала себя значительно более прикрытой, чем сейчас.

— Не отчитывай меня, как ребенка. Как будто я веду себя как иррациональный сопляк, Николас.

У него перехватывает дыхание, когда я использую его настоящее имя. То, что дано ему при рождении, которое, я знаю, он ненавидит, о существовании которого все, кажется, забыли, поскольку Деймон, его второе имя, подходит ему намного больше.

— Не надо, — предупреждает он низким и смертоносным голосом.

— Или что? Ты меня тоже застрелишь?

Он замирает, его хватка на моем бедре на мгновение усиливается, показывая, что мои слова оказывают на него какое-то воздействие.

— Никогда, — выдыхает он, приподнимаясь на локте, чтобы посмотреть на меня сверху вниз, но не отпускает мою ногу, его пальцы впиваются в мою мягкую плоть.

У меня перехватывает дыхание, когда я нахожу глубокие царапины на щеке, на которой он лежал, но я отвожу взгляд.

Его глаза изучают мое лицо. Как будто он запечатлевает в своей памяти каждый дюйм меня, прежде чем опуститься ниже, рассматривая его рубашку, в которую я завернута, прежде чем спуститься к моим обнаженным ногам и контрасту его более темной кожи с моей.

— Ты единственный человек на этой планете, которому я бы никогда не причинил вреда. Ты гребаный ангел, Калли.

Его глаза снова находят мои, и у меня перехватывает дыхание от их интенсивности.

Он действительно имеет в виду эти слова.

Так какого черта мы здесь?

Проглатывая комок, который подступил к моему горлу, и смаргивая слезы, которые жгут мне глаза, я выдерживаю его взгляд, собирая все мужество, которым обладаю.

— Если это правда, тогда тебе нужно освободить меня.

— Чтобы ты могла вернуться к нему. — Это не вопрос. Это утверждение, как будто он знает, что уже проиграл.

Я имею в виду, я могу понять почему. Любой в здравом уме побежал бы обратно к славному парню прямо сейчас, если бы его только что не вычеркнули из уравнения.

Когда я думаю об Анте, у меня снова вырываются рыдания.

Это моя вина.

Во всем этом моя вина, и он только что заплатил высшую цену.

Одна из моих слез вырывается, и Деймон наблюдает, как она стекает по моему виску, прежде чем впитаться в линию роста волос.

— Черт возьми, ты прекрасна.

И я думаю, что ты чертовски ненормальный, но я держу это при себе. Что-то подсказывает мне, что оскорблять его — не способ выпутаться из этого.

Наклоняясь вперед, он прижимается губами к моему виску, его язык слизывает остатки моей слезы.

— Ч-что ты делаешь? — спрашиваю я, ненавидя то, как звучит мой голос после одного-единственного его поцелуя.

— Он не заслуживает тебя, Калли. Ты слишком красива для таких, как он. Слишком чистая. — У меня перехватывает дыхание, когда я вспоминаю, как сказала ему в ночь

Хэллоуина, что я никогда ни с кем раньше не была. Его ответом было то, что он знал.

Следил ли он за тем, что я делала — или не делала — вообще?

— Так ты убил его?

Его рука скользит выше по моему бедру, и это заставляет все мое тело гореть от желания.

Глупое, предательское тело.

Подавляя свои эмоции, свое желание, я удерживаю его взгляд. — Мне нужно в ванную, — говорю я ему так мягко, как только могу.

Его взгляд скользит по комнате — я полагаю, в ванную комнату — прежде чем вернуться ко мне.

— Пожалуйста. Мне нужно пописать и освежиться. — Я понятия не имею, как долго я спала, но состояние моего рта говорит мне, что прошло какое-то время.

Он колеблется, и в течение нескольких секунд я действительно ожидаю, что он откажет в моей просьбе. Но после очередного неуверенного взгляда в сторону ванной он тянется за шелковым галстуком и начинает его развязывать.

Мои руки болят сильнее, чем я думала, когда я опускаю их и начинаю крутить запястьями, но вскоре моя рука оказывается в его хватке, и он повторяет мои движения, помогая мне расслабить мышцы, прежде чем нежно поцеловать внутреннюю сторону моего запястья, его глаза прикованы к моим.

— Деймон, — выдыхаю я, когда он повторяет действие с другой рукой.

Его нежность смущает меня после его жестокости в комнате Анта и того, как он бросил меня на заднее сиденье своей машины и связал здесь, когда я была без сознания.

Высвобождая свою руку из его хватки, я скатываюсь с кровати и встаю на ноги.

У меня кружится голова, а колени почти подгибаются, напоминая мне о чем-то еще, что он сделал.

— Ты накачал меня наркотиками.

Последнее, что я помню, это как я набросился на него с заднего сиденья машины, когда он отъезжал от склада итальянцев. Следующее, что я помню, я проснулась привязанной к его кровати.

Он отталкивается, чтобы встать передо мной, и я вздрагиваю, когда он тянется ко мне.

Боль пронзает его глаза, но он быстро скрывает это, позволяя своей руке опуститься вдоль тела.

— Это было для твоего же блага.

— Как? Зачем было накачивать меня наркотиками для моего же блага?

— Я бы разбил машину, если бы ты продолжала сходить с ума, — спокойно говорит он.

Мои глаза сужаются при виде царапин на его лице, когда ко мне возвращаются смутные воспоминания о том, как я царапала его на водительском сиденье.

Гордость переполняет мою грудь от того, что мне это удалось, что мне действительно удалось причинить ему хоть немного боли за то, что он только что сделал.

Мои губы складываются в гримасу, когда я смотрю на него, не в силах больше продолжать в том же духе.

— Я ненавижу тебя. — Моя рука двигается прежде, чем я даже осознаю, что делаю, и боль взрывается в моей ладони, когда она снова касается его щеки.

Его лицо становится диким, глаза убийственными, когда его пальцы обхватывают мое запястье, удерживая мою руку там, где она коснулась его лица.

Весь воздух вырывается из моих легких, когда я сталкиваюсь со стеной, сразу же оказываясь зажатой между ней и твердым телом Деймона, когда он смотрит на меня сверху вниз, его хриплое дыхание обдаёт мое лицо.

— Скажи это снова, — он бросает мне вызов.

— Я. Ненавижу. Тебя.

Прежде чем я понимаю, что происходит, его губы на моих, его язык у меня во рту, а его рука сжимает мой затылок, удерживая меня на месте.

На добрых десять секунд я отвечаю на его поцелуй с таким же пылом, мой разум и тело возвращаются прямиком к Хэллоину, когда я полностью растворилась в нем, но затем все возвращается ко мне, и я хлопаю ладонями по его груди.

— Нет, — кричу я. — Ты не должен этого делать. Ты не можешь постоянно появляться в моей жизни и исчезать, притворяясь, что тебе не все равно на несколько минут. Нет, — выплевываю я, выскальзывая из-под его тела и стены. — Тебе на меня наплевать. Если бы это было не так, ты бы не игнорировал то, что произошло между нами, как будто все это было сном в течение нескольких месяцев.

Его грудь вздымается, губы распухли, а кулаки прижаты к бокам.

Как всегда, он одет с ног до головы в черное, только он немного более повседневен в черной футболке. Прямо как на Хэллоин. Вот только ему не хватает плаща и маски.

Супергерой, черт возьми.

Маниакальный смех срывается с моих губ.

— Если бы тебе было не все равно, ты бы нашел меня. Ты бы сказал что-нибудь. Что угодно. Но нет, ты счастливо сидел в одной комнате со мной и делал вид, что ничего не произошло. Что ты не поцеловал меня, что ты не...

— Заставил тебя кончить? — заканчивает он за меня.

Мои щеки горят красным, когда воспоминания обрушиваются на меня, а бедра сжимаются, чтобы облегчить боль от потребности почувствовать это снова.

С Антом все было хорошо. Он заставлял меня чувствовать себя хорошо. И я могу лгать себе сколько угодно, но никогда еще не было так хорошо, как в ту ночь.

Я говорила себе снова и снова, что это было просто из-за тайны. Кайф от того, что я не знала, с кем была в той темной комнате. Дикость, бунтарство.

Но я знаю, что ничего из этого не было правдой.

Это был он.

Мой Бэтмен.

— То, что ты сказал той ночью. То, как ты прикасался ко мне, я подумала...

— Ты что подумала? — спрашивает он, делая шаг ко мне. — Ты думала, это было началом чего-то? Что я собирался заявить на тебя права у всех на глазах и сделать тебя своей?

Я качаю головой, желая, чтобы его слова не были правдой.

В ту секунду, когда он отказался раскрыть свою личность, я поняла, что мои надежды на какое-либо будущее между нами были фантазией.

— Я не могу заполучить тебя, Калли, — говорит он, печали и поражения в его тоне достаточно, чтобы немного утихомирить мой гнев.

— Итак, почему я здесь? Что, черт возьми, все это значит, если я тебе не нужна?

— Нет, — рявкает он. — Я сказал, что не могу обладать тобой, не то чтобы я тебя не хотел.

Я смотрю на него, пытаюсь переварить все это, в то время как то, чем он меня накачал, все еще туманит края моего сознания.

В конце концов, я поворачиваюсь ко всему этому спиной, как в переносном, так и в буквальном смысле, и мчусь в ванную, захлопывая за собой дверь и щелкая замком, прежде чем у него появится шанс присоединиться ко мне.

Мне удастся держать себя в руках, пока я писаю, но в ту секунду, когда я стою перед раковиной и смотрю в зеркало, видя следы одурманивающих поцелуев Анта на моей шее и абсолютную, блядь, усталость в моих глазах от всего, что произошло с тех пор, я разбиваюсь вдребезги.

Громкие, безобразные рыдания сотрясают мое тело, ноги подкашиваются, и я оседаю на пол.

4

КАЛЛИ

В следующий раз, когда я просыпаюсь, я снова в его постели, только на этот раз я знаю, что я одна. Я не чувствую его присутствия, его взгляда, его жара.

Приоткрывая глаза, первое, что я замечаю, это дверь ванной, которая свисает с нижних петель под забавным углом. Во-вторых, я больше не привязана к кровати.

Откидывая с лица растрепанные волосы, я сажусь и оглядываюсь.

Каждая частичка моего тела болит, но это и близко не сравнится с болью в моем сердце. Мысли об заражительной улыбке Анта, его добром характере и способах поддержать меня разрывают мою грудь на части.

Я знала, что в конечном итоге он заплатит цену за то, что мы скрывались. Но я никогда не могла себе этого представить.

Я все еще не знаю, где я, но в равной степени мне тяжело представить, что это дом Деймона.

Это так... нормально.

Я сижу там в течение долгих секунд, просто слушая, пытаюсь понять, где он.

Часть меня задается вопросом, бросил ли он меня, но после того, как я проснулась привязанной к кровати в прошлый раз, я сомневаюсь, что он отпустил бы меня так легко.

Что-то подсказывает мне, что мне придется потрудиться усерднее, чем просто выйти за дверь, чтобы узнать о последствиях всего этого.

Сколько я вообще здесь нахожусь?

Каждый раз, когда я спала, это было так глубоко, что могло пройти несколько дней, или, может быть, это действие какого-то наркотика, который он мне дал, заставляло меня терять контроль над реальностью.

Выбираясь из кровати, я испытываю облегчение, когда мои ноги становятся более устойчивыми, чем в прошлый раз, когда я стояла, и я направляюсь к окну.

Раздвигая плотные шторы, я обнаруживаю, что солнце стоит высоко в небе. Но вид этого мало поднимает мое мрачное настроение, поскольку горе продолжает впиваться в меня своими когтями.

То, что мы находимся далеко от земли, только подтверждает мое первое предположение, что мы в его квартире.

— Господи, — выдыхаю я, оборачиваясь, чтобы посмотреть на часы.

На другой стороне кровати есть одни, которые показывают одиннадцать сорок пять.

Но какого дня?

Должно быть, все еще выходные. Кто-нибудь заметил бы, если бы я просто не появилась в школе. Может быть, и нет, мои родители, Джослин, наша экономка, определенно бы. Стелла и Эмми также. Возможно, даже мой брат.

Грохот откуда-то из-за спальни заставляет мое сердце подпрыгнуть к горлу.

После очередного похода в ванную, где я с трудом могу закрыть сломанную дверь, я чищу зубы зубной пастой, оставленной на краю раковины, и отправляюсь на поиски загадки, которой является Николас Деймон Деймос.

Мои глаза расширяются с каждым шагом, который я делаю через то, что может быть только его домом.

Потому что это выглядит именно так. Дом.

Ребята всегда шутят о том, что он живет в темном подвале, где поклоняется дьяволу и прочей херне в этом роде, и я не могу отрицать, что я вроде как предполагала нечто подобное.

Но он живет в квартире, в которой любая семья, вероятно, чувствовала бы себя как дома.

На диване даже есть декоративные подушки.

Кто, черт возьми, этот парень?

Очередной стук заставляет меня оторвать взгляд от мягкой мебели, и я нахожу мужчину, о котором идет речь, стоящим посреди своей кухни с кухонным полотенцем через плечо и лопаточкой в руке.

Что за хуйня на самом деле?

Его глаза задерживаются на мне на мгновение, прежде чем опуститься на мое тело.

Я нервничаю, несмотря на то, что он уже видел меня одетой в его рубашку — и только в его рубашку, — но по какой-то причине мне кажется, что он действительно видит это впервые.

Нервно теребя открытый вырез, который низко сполз на плечо, я складываю руки на груди.

— Иди сюда, красавица, — мягко говорит он, его злобный, холодный тон, который был не так давно, исчез, когда он протягивает мне свободную руку.

Я колеблюсь, не зная, что делать, но также понимая, что если я сделаю то, что мне говорят, то есть шанс, что он снова завладеет мной своими чарами.

— Пойдем, ты, должно быть, голодна. — На его губах появляется искренняя улыбка, отчего появляются ямочки, и мое сердце замирает, зная, что она адресована мне.

Я знаю, что это неправильно, но мое тело, кажется, не в ладах с моей головой, потому что, когда ядвигаюсь, это делается для того, чтобы сократить расстояние между нами.

— Хорошая девочка, — хвалит он, и, несмотря на то, что я знаю лучше, я улыбаюсь ему, глупо любя эти слова, слетающие с его губ.

В ту секунду, когда я оказываюсь на расстоянии вытянутой руки, его пальцы впиваются в ворот рубашки, которая на мне надета, и он притягивает меня прямо к себе.

Его голова опускается, когда он смотрит на меня сверху вниз, его глаза удерживают мои, пока я не прикусываю нижнюю губу.

— Ты никогда не должна носить ничего, кроме моей одежды, — выдыхает он, заставляя мой желудок сжаться.

Протягивая руку, он проводит пальцами по моей ключице, заставляя сильную дрожь

пробежать по моему позвоночнику. Его глаза вспыхивают пониманием, говоря мне, что он более чем осознает, как его прикосновения влияют на меня, прежде чем он снова стягивает ворот рубашки с моего плеча.

— Лучше, — бормочет он, опускаясь губами к моей шее и даря мне самый сладкий поцелуй.

Он не отступает сразу. Вместо этого его губы задерживаются на моей коже, когда он вдыхает мой аромат.

— Деймон, — стону я, когда он начинает покрывать поцелуями изгиб моего плеча и шею.

— Я мечтал о том, что ты будешь здесь с того дня, как я переехал.

Тогда, возможно, тебе следовало поговорить со мной, думаю я, но это не те слова, которые слетают с моих губ.

— О Боже.

Мои пальцы сжимаются на его футболке, когда его руки находят изгиб моей талии. Мои ноги отрываются от пола, когда он поднимает меня на стойку, раздвигая мои колени и вставая между моими бедрами.

— Тебе не следовало этого делать, — говорю я ему, хотя, в отличие от моих слов, моя голова откидывается назад, предоставляя ему лучший доступ, когда он перемещается к другой стороне моей шеи.

— Я делаю много того, чего не должен, красавица. Это едва касается поверхности. Ты та, кто не должен позволять мне это делать.

— Я более чем в курсе, — выдыхаю я, когда его зубы царапают мою кожу. Но я бессильна заставить его остановиться. В ту секунду, когда он смотрит на меня своими мягкими, уязвимыми глазами, в тот момент, когда он прикасается ко мне, все, что нас окружает, исчезает, превращаясь в ничто. Это опьяняет. Это затягивает.

— Мне нужно оторвать его от тебя поцелуем, красавица. Единственное прикосновение, которое ты должна запомнить, — это мое.

Его слова — напоминание, в котором я нуждаюсь.

— Остановись, — говорю я, хотя в моем голосе нет той убежденности, на которую я надеялась.

Он хихикает, на самом деле, блядь, хихикает мне в шею.

— Ты не это имеешь в виду, Ангел. Ты знаешь, что хочешь этого так же сильно, как и я. Ты знаешь, что тебе всегда было предназначено быть здесь, со мной.

Его руки скользят вверх по моим бедрам, проскальзывая под ткань его рубашки, пока он не сжимает мои бедра в своей твердой хватке.

— Я знаю, ты тоже это чувствуешь.

— Неважно, что я чувствую, — шиплю я, прижимая ладони к его груди, чтобы заставить его отступить, что он, к счастью, делает, хотя и всего на несколько дюймов.

— Ты не побежала к входной двери, Калли. Ты могла бы покинуть мою спальню и попытаться сбежать. Ты этого не сделала. Вместо этого ты искала меня.

Мои глаза сужаются, я чертовски расстроена тем, что он прав. Я даже не рассматривала возможность развернуться в противоположном направлении и попытаться покинуть квартиру, убежать от него.

Моя первая мысль была о нем. Что он делал.

Черт возьми.

— Ты знаешь, что я прав, красавица. Ты хочешь быть здесь прямо сейчас так же сильно, как ты нужна мне здесь.

— Ты сумасшедший.

— Да, я почти уверен, что это ни для кого не новость. — Его губы кривятся в подобии улыбки при этом заявлении, но что-то темное мелькает в его глазах.

Он потирает свою щетинистую челюсть, прежде чем опустить взгляд вниз по моему телу к моим голым, раздвинутым ногам, которые обхватывают его бедра. Его глаза останавливаются на месте соединения моих бедер, которое скрыто под тканью, как будто он может видеть насквозь.

К счастью, мой желудок урчит и напоминает ему, что мы оба сейчас находимся на его кухне не просто так.

— Мне нужно тебя накормить, — бормочет он, его глаза снова встречаются с моими, прежде чем он отступает к беспорядку посреди своей кухни.

Опираясь спиной на ладони, я наблюдаю за тем, как он работает, загипнотизированная тем, что этот темный рыцарь знает толк в кухне.

И вскоре я обнаруживаю, что он не только знает, как себя вести, но, черт возьми, он умеет готовить.

Поставив на обеденный стол две тарелки с яйцами-пашот и маффинами с авокадо, он возвращается за мной.

Я ожидаю, что он поможет мне спуститься, поэтому визжу от удивления, когда он стаскивает меня со стойки в свои объятия. Он несет меня к обеденному столу, где садится на стул, который сам выдвинул, сажая меня к себе на колени, обхватив рукой за талию.

— Мы не можем так есть, — возражаю я, борясь с ним.

Его свободная рука зарывается в мои волосы, оттягивая мою голову назад, чтобы я могла видеть его.

— Продолжай вот так прижиматься ко мне своей голой киской, и это не будет завтраком, который я буду есть, — стонет он мне на ухо, его губы дразняще касаются моей кожи.

Непреднамеренный бессмысленный стон срывается с моих губ при виде образа, который всплывает в моем сознании.

— Ты хочешь этого, не так ли?

— Деймон, — предупреждаю я, снова пытаюсь выскользнуть из его хватки, но все, чего я добиваюсь, — это трюс о его очевидную эрекцию.

Его губы касаются моего уха, его горячее дыхание сбегает по моей шее, заставляя меня дрожать, и все это заставляет мои соски твердеть под тканью его рубашки.

— Я мог бы уложить тебя прямо здесь, на столе, и снова попробовать твою сладкую-пресладкую киску. Напомнить тебе, кому ты на самом деле принадлежишь. Это то, чего ты хочешь, Ангел?

Мои губы приоткрываются, чтобы ответить, в то время как голова и тело борются с тем, как я должна реагировать, но у меня нет шанса, потому что его зубы прикусывают мое ухо, посылая волну удовольствия, пронзающую мое тело, заканчивающуюся на клиторе.

— О Боже, — стону я, когда его язык ласкает укус.

— Скажи мне, что ты моя, — требует он, его рука скользит вверх по моему бедру.

Мои губы остаются плотно сжатыми, когда он поднимается выше, задирая ткань своей рубашки.

Мои бедра бесстыдно раздвигаются, когда костяшки его пальцев касаются моего холмика, и он стонет, как будто ему физически больно.

— Насколько ты мокрая, красавица?

Я не отвечаю, я не думаю, что кому-то из нас нужно слышать подтверждение того, что мы уже знаем вслух. Он и так должен чувствовать, как я намочила его штаны.

Я втягиваю воздух, ожидая, что он приблизится к тому месту, где я так отчаянно нуждаюсь в нем, но его прикосновения так и не происходит.

— Тебе нужно поесть, — говорит он, и его голос снова становится деловым.

Отпуская меня, он тянется вокруг моего тела за столовыми приборами и отрезает мне кусочек своего аппетитного завтрака, накалывает его вилкой и подносит к моим губам.

— Ешь, — требует он.

— Знаешь, я могу прокормить себя, — огрызаюсь я на него.

— Я в курсе. Ублажи меня.

— Почему я должна делать все, что ты говоришь?

— Потому что ты знаешь, что это доставляет мне удовольствие. Потому что ты знаешь, что я дам тебе за это все, что ты захочешь.

— Ты отпустишь меня? — с надеждой спрашиваю я, хотя не могу отрицать разочарования, которое захлестывает меня при мысли о том, чтобы уйти.

Со мной что-то очень, очень не так.

Он снова хихикает, и я молча проклинаю, что не могу видеть выражение его лица, когда он это делает.

— Я думаю, это последнее, что ты хочешь делать прямо сейчас, не так ли?

— Нет. Мне нужно пойти и—

— Назови его имя, и ты ничего не получишь.

Тишина опускается, когда между нами возникает напряжение.

— Я никогда не прощу тебя за то, что ты сделал, — говорю я ему, стараясь не использовать имя Анта. Хотя я не могу отрицать, что часть меня хочет увидеть, что это заставило бы его сделать. Но я, вероятно, посмотрелась достаточно «Психо Деймона», чтобы продержаться какое-то время, особенно за последние хрен знает сколько часов.

— Да, ты сделаешь это, — уверенно заявляет он.

Когда он снова подносит вилку ближе и маффин касается моих губ, я уступаю и открываю рот, чтобы он мог продолжить кормить меня.

Срань господня.

Я стону от удовольствия, когда мои глаза закатываются.

Мальчик умеет готовить.

— Вкусно? — самодовольно спрашивает он.

— Не нужно высокомерия, — бормочу я, более чем привыкшая видеть или слышать это от моего брата и его друзей, а не от него.

Когда он предлагает мне больше, на этот раз я без колебаний соглашаюсь.

Не успеваю я опомниться, как моя тарелка пуста, а щеки горят от осознания того, что я позволила ему накормить меня всем этим, как бесполезного ребенка.

— Ты, должно быть, голоден, — говорю я, глядя на его все еще полную тарелку.

— Чертовски проголодался, — ворчит он, но вместо того, чтобы потянуться за едой, отодвигает ее в сторону, поднимая меня со своих колен и сажая на обеденный стол.

— Д-Деймон, — кричу я, когда на меня обрушивается осознание.

— Я говорил тебе, если ты будешь хорошей девочкой, я вознагражу тебя тем, что тебе нужно.

Схватив низ моей рубашки, он резко разрывает ее, и пуговицы, удерживающие ткань вместе, отрываются, разлетаясь по комнате.

— О Боже мой, — выдыхаю я, возбужденная этим одним ходом больше, чем, думаю, когда-либо в своей жизни.

— Я сожалею о двух событиях Хэллоуина, — говорит он мне глубоким и душераздирающим голосом.

Моя грудь вздымается, когда его глаза наслаждаются моим телом.

— Что я так и не смог увидеть тебя — по-настоящему увидеть. И что я так и не лишил тебя девственности.

Его глаза снова находят мои, и у меня перехватывает дыхание от интенсивности в них.

Он имеет в виду каждое слово этого заявления.

— Каждый божий день с той ночи я сожалел о том, что ушел.

— У тебя не было выбора. Ты был им нужен.

— Но *ты* была нужна мне.

5

ДЕЙМОН

Я смотрю на нее сверху вниз, на ее розовые щеки, вздымающуюся грудь и твердые соски.

Черт возьми, у меня буквально захватывает дух, она такая красивая.

— Ты мог прийти ко мне в любое время после той ночи. Я бы поняла. Но затем прошли недели, месяцы, и все, что я получила, — это холодный прием и твои элементарные любезности, когда у тебя не было выбора, кроме как находиться со мной в одной комнате.

— Я всегда хочу быть рядом с тобой.

Она усмехается, отрывая свой взгляд от моего. — Ты мог бы одурачить меня. Это было так, как будто мне приснилась та ночь. Что на самом деле этого никогда не было.

Она ахает, когда я обхватываю руками ее колени и раздвигаю ноги.

— Я никогда не забывал ни секунды из этого, — выдавливаю я, когда у меня текут слюнки от желания попробовать ее на вкус.

— С тех пор ты на меня почти не смотрел.

— Я смотрю на всю тебя прямо сейчас, и я могу заверить тебя, что нет ничего другого в мире, на что я бы предпочел смотреть. Ты чертовски совершенна, Ангел.

Ее румянец становится ярче, растекаясь по шее и груди.

Медленно она поворачивает ко мне свое лицо, ее глаза встречаются с моими, прежде чем опуститься вниз по моему телу, пока она не сможет точно увидеть, как она влияет на меня.

— Не прошло и дня, чтобы я не думал о тебе или о той ночи, я, блядь, клянусь тебе.

Ее взгляд задерживается на палатке в моих брюках, и она тяжело сглатывает, прежде чем ее губы приоткрываются.

— Докажи это, — застенчиво шепчет она.

У меня перехватывает дыхание от вызова в ее глазах, мой член дергается от желания закончить то, что мы начали много недель назад.

— С удовольствием.

Отпуская ее ноги, я наклоняюсь над ней, обхватываю рукой сзади за шею и поднимаю ее со стола, прижимая ее губы к своим.

Глубокое, голодное рычание вырывается у меня из груди, когда она подражает моим движениям, запуская пальцы в мои волосы и выкручивая до боли. Она глубоко облизывает мой рот, как будто она жаждет этого так же сильно, как и я, с той ночи.

Я понимаю, почему она думает, что Хэллоуин ничего не значил для меня. Но у меня были — есть — свои причины сделать то, что я сделал.

Я не имел права — вот так утаскивать ее в тень. Все эти годы мне удавалось наблюдать за ней на расстоянии, но что-то сломалось во мне той ночью с первой секунды, когда я увидел ее, несмотря на мои самые благие намерения.

Я делал то, что было лучше для нее, и я точно знал, что это был не я.

Я все еще знаю это, но видеть ее лежащей под ним в пятницу вечером...

Черт.

Гнев захлестывает меня, и моя потребность обладать ею, черт возьми, несмотря на то, что прямо сейчас она моя, поражает меня сильнее, чем я когда-либо знал.

Мне было всего шесть лет, когда я увидел в ней эту красоту.

Мне было шесть лет, когда я сказал себе, что однажды она будет моей.

Если бы я только знал, что ждет меня в следующие несколько лет и как быстро я пойму, что никогда не буду достаточно хорош для такой девушки, как Каллиста Чирилло.

Обнаружить это было сродни потере любимого человека. В то время я понятия не имел, что это было, но с тех пор я обнаружил, что глубокая боль в моей груди каждый раз, когда я думал о том, что не могу сделать ее своей, была горем.

Возможно, она жила и дышала рядом со мной, но часть нее — нас — умерла в тот день, когда я понял, что ей нужен мужчина получше.

Поэтому я сделал шаг назад и наблюдал из тени.

Я наблюдал, как она росла. Расцвела из милой девочки в невинную молодую женщину, которая изо всех сил пыталась примириться с миром, в котором родилась, в то время как я прыгнул в него ногами вперед задолго до этого.

Меня тянет обратно в реальность, к ней, когда ее зубы впиваются в мою нижнюю губу так сильно, что вкус меди наполняет мой рот.

— Калли, — стону я в ее поцелуй, с трудом веря, что она позволяет этому случиться прямо сейчас.

Я могу быть сумасшедшим, собственником, импульсивным, ревнивым и целой кучей других плохих качеств, но я не идиот. Я более чем осознаю, что ей следовало сбежать, как только я дал ей шанс раньше.

Я даже оставил входную дверь незапертой для нее.

Но она не приняла его. Она даже не пыталась уйти.

Моя грудь наполняется осознанием того, что она выбрала быть здесь.

Она предпочла быть со мной в моей квартире вместо того, чтобы отправиться узнавать о последствиях того, что произошло с итальянцами в пятницу вечером.

Черт возьми, она меня почти ни о чем не спрашивала.

Она видела меня в худшем виде. Тем не менее, она все еще здесь.

Нуждаясь в большем, я отрываю свои губы от ее и целую в подбородок, покусывая кожу. Делаю именно то, что, как я сказал, мне нужно было сделать ранее, и стираю его

прикосновения, его поцелуи, его метки с ее кожи, заменяя их моими собственными.

Ее спина выгибается на столе, когда я провожу рукой вверх по ее боку, не останавливаясь, пока не обхватываю одну из ее грудей.

— О Боже, да, — стонет она, ее тело снова выгибается, когда я отпускаю ее шею и беру другую в свою ладонь.

— Черт, ты такая чувствительная, — стону я, когда щиплю ее за оба соска, и она вскрикивает.

Ее хватка на моих волосах усиливается, и она притягивает меня к своему телу.

— Что тебе нужно, красавица? — спрашиваю я, желая услышать, как она умоляет меня.

— Твой рот. — Ее глаза находят мои, и она снова дергает меня за волосы, от жгучей боли мой член течет. — Пожалуйста. Я хочу, чтобы твой рот был на мне, Николас.

— Чееерт. — Весь воздух вырывается из моих легких.

Я ненавижу это имя. Это связано с таким количеством дерьма в моей жизни, что я предпочел бы забыть. Обычно, услышав это, я становлюсь убийцей. Но слушать, как это слетает с ее губ как жалобная мольба...

Черт.

Это делает со мной то, чего я никогда раньше не испытывал.

— Ты гребаный ангел.

Наклонив голову, я глубоко втягиваю ее сосок в рот, заставляя ее выкрикнуть мое имя — мое настоящее имя — еще раз.

Я стону, вибрация проходит через нее, заставляя ее пальцы сильнее запутаться в моих волосах.

— Ты нужна мне, красавица.

— Ты меня не заслуживаешь, — выдавливает она между тяжелыми вдохами, когда я целую ее живот, целую то сладкое местечко между ног.

— Ты думаешь, я этого не знаю? Но как бы правдиво это ни было, я не уверен, что могу позволить кому-то другому заполучить тебя.

— Это не тебе реш— черт, — визжит она, когда я хватаю ее за клитор и втягиваю его в рот. — О, мой Бог. Черт. Николас. — Ее бедра двигаются, прижимаясь влагалищем прямо к моему лицу.

Лучший, блядь, момент в моей жизни.

Прошлый раз был эпичным, но она не знала, кто я такой.

Это прямо здесь... это стоило того, чтобы сидеть сложа руки и наблюдать за ней на протяжении многих лет.

Потому что она здесь. Не потому, что она должна была быть — она могла бы легко уйти, — а потому, что она решила остаться.

Она хочет этого.

И по какой-то долбаной причине она тоже хочет меня.

Я набрасываюсь на нее так, словно умру без этого, наслаждаясь ее вкусом, запоминая ее крики удовольствия и мольбы о большем.

Все, что ты захочешь, красавица.

Ее восхождение к первому оргазму чертовски ошеломляюще.

Я наблюдаю со своего места между ее бедер, ее глаза удерживают мои, пока она наблюдает, как ее щеки краснеют, а дыхание становится таким затрудненным, что у нее нет ни малейшего шанса контролировать его.

— Ты на вкус как рай, Ангел. Я мог бы есть тебя вечно.

— Черт возьми, да, — стонет она, ее голова откидывается назад и разрывает наш зрительный контакт впервые с тех пор, как она приподнялась на локтях, чтобы посмотреть на меня, когда я начинаю дразнить ее вход.

Ее мышцы пульсируют, пытаюсь втянуть меня глубже, но я сдерживаюсь, желая, чтобы она подошла прямо к краю.

Я хочу, чтобы она, блядь, умоляла меня.

— Он ел тебя так же хорошо, Ангел? — спрашиваю я, отрывая свой рот от нее, в ужасе от ответа, но отчаянно желая знать.

— Нет, — кричит она. — Нет.

Она протягивает руку, снова хватая меня за волосы и притягивает мое лицо обратно к своей киске.

— Не останавливайся.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — требую я.

— Я хочу твой рот, — повторяет она.

— Мой рот где? — спрашиваю я, всего в шаге от ее набухшего клитора.

— Н-на мне.

— Скажи мне, где, или ты этого не получишь.

Она втягивает воздух, придавая себе немного уверенности.

— Я хочу, чтобы твой рот был на моей киске, Николас. Я хочу, чтобы ты заставил меня кончить тебе на лицо.

— Черт возьми, да, — бормочу я, давая ей именно то, что ей нужно, еще раз посасывая ее клитор и погружая два пальца в ее мокрую киску.

— Иисус. Такая влажная для меня, красавица.

— Еще, — кричит она, дергая меня за волосы так сильно, что я уверен, они вот-вот сорвутся с моей головы. Оно того более чем стоило бы.

Скручивая пальцы, я ищу то сладкое местечко, которое заставит ее увидеть звезды, когда ее ноги начнут дрожать, а стоны станут громче.

— Кончай для меня, красавица. Кончи мне прямо на лицо.

Я еще раз щелкаю языком по ее клитору, потирая точку G, и она падает, выкрикивая мое имя снова и снова.

Моя грудь вздымается, когда я слышу, как эти слова слетают с ее губ. Моя ненависть к своему настоящему имени рассеивается с каждым криком, с каждой мольбой о большем.

Я работаю с ней до тех пор, пока она не изнемогает, ее кожа покраснелась, грудь вздымается, когда она пытается отдышаться на моем массивном столе из орехового дерева.

Не могу отрицать, что у меня были фантазии на этот счет. Калли была персонажем многих, очень многих разных фильмов на протяжении многих лет, и образы того, как я раскладываю ее на любой поверхности этой квартиры, были прямо там с тех пор, как я переехал. Я знал, что на самом деле у нее, вероятно, даже не будет повода для визита.

Я никогда не мог себе представить, что мне выпадет такой шанс.

Когда-либо.

— О Боже, — всхлипывает она, когда я наконец отпускаю ее и встаю.

Ее глаза встречаются с моими, и я обнаруживаю в них глубину, огонь, о существовании которого я и не подозревал.

Хотя я воцелил ее столько, сколько себя помню, я всегда возносил ее на этот

пьедестал, как и все остальные. Она невинная принцесса, к которой никто из нас не осмеливался приблизиться.

Но прямо сейчас всего этого нет. Единственное, что смотрит на меня в ответ, — это желание и нужда, смешанные с ненавистью, огнем и страстью.

Это. Блядь. Все.

Прежде чем я успеваю пошевелиться, она отталкивается от стола и практически взбирается на меня, как на гребаное дерево. Не то чтобы я жаловался.

Ее ноги обвиваются вокруг моей талии, руки обвиваются вокруг моих плеч, а пальцы запутываются в моих волосах, сильно сжимая их.

— Калли, — стону я, мои собственные руки обнимают ее так же крепко, когда я поднимаю ее со стола, прежде чем ее губы находят мои, и она целует меня, не колеблясь, когда пробует себя на мне.

Ее поцелуй грубый, грязный и беспорядочный. Все, о чем я мог просить.

Жар ее влагища обжигает меня через брюки, и моя потребность прижать ее к стене, просто чтобы трахнуть жестко и быстро, чтобы снять напряжение, прожигает меня насквозь.

Но я не могу.

Она не из тех женщин, в которых я могу потеряться и просто отослать прочь, прежде чем у нее появятся какие-либо идеи о втором раунде или будущем.

Вплоть до той ночи в заброшенном здании секс был ничем иным, как игрой. Средство для снятия стресса. Это никогда не было чем-то таким, чем можно по-настоящему наслаждаться, в чем можно раствориться, чем можно дорожить.

Но в ту секунду, когда я прикоснулся к ней, все, что я знал раньше, было навсегда разрушено.

Я бы никогда не смог снова быть с женщиной и довольствоваться безымянным трахом в любом темном углу, который смогу найти, в течение нескольких минут.

Все всегда будет сравниваться с ней и той ночью — и ничто никогда не будет достаточно хорошим.

Чертова волшебная киска вуду, а я еще даже не испытал этого в полной мере.

— Господи, Кэл, — бормочу я, когда она проводит зубами по моей челюсти, ее язык облизывает жесткую щетину, покрывающую ее.

Ее губы спускаются по моей шее, и сильная дрожь пробегает по моему телу, когда я веду нас в свою спальню.

— Черт, — рывкаю я, когда ее зубы впиваются в мою кожу. — Ты только что укусила меня, — выдыхаю я, глядя на нее сверху вниз, задаваясь вопросом, кого, черт возьми, я держу в своих объятиях.

Когда она, наконец, отпускает мою кожу, у нее на губах немного моей крови, а в глазах дикий, темный взгляд, который мне более чем знаком.

Кто, черт возьми, та девушка, которая все эти годы пряталась под кружевами и жемчугами?

— Т-т-т... — заикаюсь я, с трудом подбирая слова и проклиная себя за возвращение к старым привычкам.

Ее теплая ладонь ложится на мою щеку, и она удерживает мой взгляд, молча говоря мне сделать вдох.

— Т-ты чертовски совершенна.

Мои руки гладят ее задницу, я немного приподнимаю ее, захватывая ее губы в

обжигаящем поцелуе, прежде чем уложить ее на свою кровать.

Неохотно я отпускаю ее, чтобы полюбоваться на то, как она лежит там, одетая только в мою рубашку, ее кожа покраснела от моих засосов, а следы укусов покрывают ее тело.

Протягивая руку, я провожу пальцами по волосам, едва в состоянии поверить, что я стою здесь с ней прямо сейчас.

Она садится и немедленно тянется к моему поясу.

— Ого, черт, — шиплю я, когда она быстро расстегивает мой ремень и расстегивает пуговицу, стаскивая молнию вниз.

Когда ее пальцы обхватывают ткань, готовые стянуть мои брюки с ног, я паникую и обхватываю ее руки, останавливая ее.

Ее глаза немедленно поднимаются на мои, и они сужаются в замешательстве.

— Ты не хочешь— Она обрывает себя, нервно сглатывая, когда стыд захлестывает ее.

Обхватив ее подбородок, я провожу большим пальцем по ее нижней губе.

— Б-больше, чем ты когда-либо могла себе представить. Я-я-я п-просто пытаюсь поступить правильно, — признаюсь я, крепко зажмурив глаза, потому что не уверен, что бы я сделал, если бы она не приняла то, что я предлагаю. Но это Калли. Я должен верить в нее.

— Немного поздновато для этого, тебе не кажется?

Мои глаза распахиваются от ее комментария за мгновение до того, как она без колебаний стягивает с моих ног брюки и боксеры.

У нее перехватывает дыхание, и она прикусывает нижнюю губу, когда ее взгляд останавливается на моем члене.

— Черт возьми, — выдыхает она, изучая металлические шарики по обе стороны от моего члена. — Ты... У тебя п-пирсинг.

— Что я могу сказать? — бормочу я, сбрасывая брюки. — Я садист, который получает удовольствие от боли.

— Не могу сказать, что я удивлена, — шепчет она, почти забавляясь.

— Итак, на чем мы остановились? — спрашиваю я, обхватывая рукой свой член и проводя кончиком по ее полным губам. — Ты хотела обхватить мой член своим прелестным маленьким ротиком, Ангел?

6

КАЛЛИ

Он не дает мне шанса ответить на этот вопрос. Вместо этого, как только мои губы приоткрываются, он подает бедра вперед, вгоняя себя в мой рот.

Его вкус взрывается на моем языке, заменяя мой собственный после его поцелуя, и я жадно сосу его.

На самом деле, я ни хрена не понимаю, что я делаю. Но я полагаю, что быстро учусь и что он быстро исправит меня, если я сделаю что-то неправильно. Я имею в виду, насколько это на самом деле может быть сложно?

Он отстраняется, и я облизываю его снизу, прежде чем обвести языком головку его члена, дразня эти два маленьких шарика с обеих сторон.

Рискнув взглянуть, мои глаза скользят по темной ткани рубашки, которая все еще на нем, пока я не нахожу его приоткрытые губы, а затем его темные, голодные глаза, которые впиваются в меня, как будто он все это себе представляет. Как будто на самом деле я здесь не поклоняюсь его члену, как будто я всю свою жизнь ждала этого шанса.

Я этого не делала. Но я не могу отрицать, что это было то, о чем я думала не раз с момента нашего свидания на Хэллоуин.

В ту ночь он попробовал меня на вкус, и я не могу сказать, что мне не было любопытно, каково это — отплатить ему тем же.

Снова беря его в рот, я опускаюсь на него, пока не могу больше терпеть. Он попадает мне в горло, и мне приходится бороться с желанием подавиться.

— Черт возьми, красавица, — ворчит он, его пальцы запутались в моих волосах, удерживая меня на месте, прежде чем оттащить назад и задать ритм, который он хочет.

Я покачиваюсь вверх-вниз на его длине, наслаждаясь каждым стоном удовольствия, которые срываются с его губ, когда солоноватый вкус его преякулята оседает на моем языке языке.

— Ангел. Черт, — рывкает он прямо перед тем, как вырвать свой член у меня изо рта, наклоняется, обхватывает меня за талию и бросает обратно на свою кровать. — Я не собираюсь кончать тебе в рот. По крайней мере, не в этот раз.

— Э-это было... — Я не успеваю закончить свой вопрос, потому что он заползает на кровать между моих ног, широко раздвигает их и смотрит на мою киску, прежде чем поднять глаза на мое обнаженное тело и сосредоточиться на моих губах.

Протянув руку, он проводит по ним кончиком пальца.

— Идеально, — выдыхает он, прежде чем найти мой взгляд и устроиться у меня между ног.

Он трется головкой своего члена о мою влажность, точно так же, как он делал той ночью, прежде чем был вынужден уйти.

Опуская предплечье рядом с моей головой, он наклоняется надо мной, его нос касается моего нежным движением, от которого у меня в мозгу происходит сбой.

— Скажи мне, что ты все еще девственница, — требует он, его голос такой глубокий, что он почти не похож на него. — Скажи мне, что ты не отдала это ему, когда это всегда должно было быть моим.

Он слегка толкается в меня, но этого достаточно, чтобы все мое тело напряглось в ожидании того, что будет дальше.

У меня слова застревают в горле, когда я думаю об Анте, о том, как мы сюда попали.

Это пиздец.

Я не должна лежать здесь с Деймоном, смотрящим на меня сверху вниз, как будто я именно там, где мне и место, когда всего несколько дней назад я была почти в таком же положении с Антом.

И теперь он...

Я зажмуриваю глаза, и новая волна горячих слез угрожает вырваться, когда я думаю о реальности того, что произошло в пятницу вечером.

— Калли? — предупреждает Деймон, в его голосе появляется тот опасный тон, от которого у меня по спине пробегает дрожь страха и желания.

— Я-я... Это твое. Он... мы никогда...

— Чееерт, — стонет он, когда его бедра двигаются вперед, его член проникает в меня и заставляет мой позвоночник выпрямиться, пока мое тело борется с необычным вторжением.

— О Боже мой, — кричу я, когда боль пронзает мое тело.

Тело Деймона опускается на мое, вдавливая меня в матрас, его бедра неподвижны, когда его рука обхватывает меня сзади за шею, наклоняя мою голову именно туда, куда он

хочет, чтобы он мог завладеть моим ртом.

Он целует меня, пока не проходит боль, и все, что я чувствую, это полноту его внутри меня и непреодолимую потребность в том, чтобы он двигался.

— Николас, пожалуйста, — стону я, желая увидеть, как его глаза вспыхивают желанием каждый раз, когда я называю его настоящим именем.

Я всегда знала, что он это ненавидит — вот почему я использовала это, чтобы подразнить его. Но хотя я ожидала, что это вызовет гнев, я не ожидала, что на его лице отразится голод.

— Мне нужно —

— Доверься мне, Ангел. Я знаю, что тебе нужно.

Его бедра двигаются, и, хотя все еще ощущается небольшая затяжная боль, в основном это просто безумно приятно.

— О Боже, — выдыхаю я.

— Это, вероятно, оскорбило бы его, Ангел. Я никто иной, как гребаный Сатана.

Его губы опускаются на мою шею, и моя спина выгибается навстречу ему, нуждаясь в большем. Нуждаясь во всем.

— Ты хоть представляешь, сколько лет я мечтал об этом, о том, чтобы ты была подо мной, чтобы быть внутри тебя? — он почти стонет напротив моих губ, в то время как его бедра продолжают двигаться, его член толкается в меня самым умопомрачительным образом.

— Лжец. Ты едва замечал мое существование, — говорю я ему, задыхаясь, когда он задевает какую-то глубокую часть внутри меня.

Все его тело замирает, когда мои слова задевают его, и он приподнимается на ладонях, глядя на меня сверху вниз с жестким выражением на лице.

— Ч-что? — спрашиваю я, внезапно занервничав из-за того, что все делаю неправильно.

— Калли, — выдыхает он. — Ты единственная девушка, которую я когда-либо замечал.

Весь воздух вырывается из моих легких от честности в его тоне.

Его губы обрушиваются на мои. Его слова, его прикосновения, его поцелуй, медленное покачивание его бедер полностью поглощают меня.

Он продолжает в том же нежном темпе еще несколько минут, прежде чем его внутренний дьявол начинает брать верх, и он садится, отрывая нас друг от друга, обхватывает руками мои бедра и приподнимает мою задницу с кровати, чтобы придать ему идеальный угол.

— Ты в порядке? — спрашивает он, но, должно быть, читает ответ на моем лице, потому что не дает мне шанса ответить, прежде чем броситься вперед с большей силой, чем я ожидаю.

Если бы не его хватка на мне, я бы опрокинулась на кровать.

Его губы сжимаются в тонкую линию, а мышцы на шее напрягаются и пульсируют, когда он начинает трахать меня, как мужчина на задании. Он все еще носит свою рубашку, и я ненавижу, что он скрывает от меня часть себя.

У меня такое чувство, что я так много видела настоящего Деймона за последние несколько часов, и все же он оставляет эту частичку загадкой.

Мне это не нравится.

Но поскольку он продолжает врезаться в меня, у меня нет никаких шансов что-либо с этим поделать.

Его кончики пальцев резко впиваются в мои бедра, достаточно сильно, чтобы я не сомневалась, что после него останутся синяки.

— Черт возьми, Ангел. Черт, — ворчит он, одна из его рук отпускает меня и скользит вверх по моему телу, пока не находит пристанище на моей шее.

Я задыхаюсь, непривыкшая к жесткой хватке, когда его челюсть дергается.

— Моя, — шипит он. — Ты. Блядь. Моя, — собственнически ворчит он, врезаясь в меня с каждым словом.

— Скажи мне, Калли. Скажи мне, что ты моя.

Я настолько потеряна, что ничего, кроме нашей связи, прямо сейчас не существует, и я ловлю себя на том, что кричу: — Да. Да, я твоя, — когда его хватка на моем горле и бедре усиливается, его член еще больше набухает внутри меня.

— Поиграй со своим клитором, — требует он. — Я хочу посмотреть, как ты кончаешь, прежде чем я наполню твою киску своей спермой.

Мои губы приоткрываются от его грубых слов. Я бессильна что-либо сделать, кроме как следовать приказам, и я обнаруживаю, что моя рука касается нижней части живота, прежде чем я нажимаю двумя пальцами на свой клитор.

— О, черт, — ворчит он, когда я прижимаюсь к нему. — Да. Черт. Щелкни по клитору, красавица. Обкончай весь мой гребанный член.

Я делаю то, что мне говорят, пока он смотрит на мою руку, пока я работаю над собой.

— Вот так, — подбадривает он, когда я начинаю достигать своего пика. — Да. Моя. Моя. Моя, — скандирует он, его темные, затравленные глаза смотрят мне в самую душу. На его губах играет дьявольская улыбка. — И вот так, ангел отдает себя самому дьяволу.

Его зловещие слова становятся последней каплей, и я разбиваюсь вдребезги, мое тело содрогается в течение долгих минут, пока я переживаю лучший оргазм, который я когда-либо испытывала, моя киска доит из него его собственное освобождение.

— Калли. Ангел. Черт возьми, красавица. Чееерт.

Его член дергается внутри меня, наполняя меня своей спермой, как он только что пообещал.

Моя грудь вздымается, когда я смотрю на него, наблюдая, как он испытывает наслаждение. В этом есть что-то от чистой красоты, когда его лицо напрягается, глаза закрываются, а губы приоткрываются. Это момент, в котором я могла бы застыть навечно, когда мое тело безвольно лежит на кровати, совершенно измотанное двумя оргазмами, которые он мне подарил.

Но затем он открывает глаза, темные, затравленные, опасные глаза, за которые я ежедневно ругаю себя за то, что не узнала ночь вечеринки в честь Хэллоуина, и все рушится вокруг меня.

Он отпускает мое горло и поднимает руку к моей щеке, обхватывая ее своей теплой ладонью.

— Моя, — мрачно шепчет он, когда мой желудок тревожно сжимается.

Я сглатываю, пытаюсь подавить эти странные чувства, желая вернуться в любое время за последний час, когда он завладел мной настолько всецело, что я забыла, что что-то существует за пределами этой квартиры.

Но реальность такова, что жизнь снаружи продолжалась, и последствия засады на складе итальянцев повлияют на жизни всех, кто мне небезразличен. И все же, вот я здесь,

валяюсь в постели с парнем, который застрелил хорошего парня, с которым я должна была проводить время, и похитил меня, накачал наркотиками, привязал к своей кровати и объявил своей.

Еще через несколько секунд он вырывается и опускается рядом со мной, немедленно обнимая меня за талию и притягивая к своему телу.

— Ты, черт возьми, все, Калли, — бормочет он мне на ухо, его голос звучит расслабленно и сонно.

И ты, безусловно, нечто, думаю я про себя.

У него так много сторон, больше, чем, я думаю, даже он осознает.

Холодный, темный Деймон жесток, внушает ужас. Но самая приятная его сторона — это... Блядь. Это все массовый трах по голове.

Он утыкается носом в мою шею, вдыхает мой запах, целует и покусывает мою кожу.

— Что случилось? — спрашивает он, когда я не отвечаю и не растворяюсь в нем, как раньше. — Я причинил тебе боль?

Да. Но не физически.

— Нет. Я в порядке, — лгу я. — Мне просто нужно в туалет.

Когда я откатываюсь от него, я с удивлением обнаруживаю, что он отпускает меня.

Натягивая на себя его рубашку, я спешу в ванную и оглядываюсь через плечо прямо перед тем, как поднять руку, чтобы неловко закрыть за собой сломанную дверь.

Я оглядываюсь назад еще раз и обнаруживаю, что он лежит на боку, положив голову на подушку, и смотрит на меня с удовлетворением, которого я никогда раньше не видела на его лице.

Это заставляет мое сердце биться чаще.

Я сделала это. Я сделала этого холодного, бесчувственного парня таким мягким, как плюшевый мишка.

Но какой ценой?

С легкой улыбкой я проскальзываю в комнату и воздвигаю барьер между нами, делая гигантский глоток воздуха.

Когда я направляюсь к туалету, свидетельство того, чему я только что позволила случиться, скользит по моим бедрам, и я съеживаюсь. Я знаю, что сказала ему, что принимала таблетки на Хэллоуин, но он даже не колебался, прежде чем войти в меня без презерватива.

Я только что совершила самую большую ошибку в своей жизни?

Зная, что он, несомненно, придет искать меня, если я задержусь слишком надолго, я не задерживаюсь и просто собираюсь умыться, подхожу к раковине.

Не найдя мыла, я открываю зеркальный шкафчик передо мной в поисках его, только там другой флакон, который бросается в глаза.

Я умываюсь, а затем беру бутылочку поменьше, читая этикетку снотворного, которое было прописано Николасу Деймосу.

Я думаю, имеет смысл, что любой человек с такой темной душой, после всего, что он натворил, испытывает проблемы со сном по ночам.

Прежде чем я передумаю, я откручиваю крышечку и высыпаю четыре маленькие белые таблетки себе на ладонь.

На этикетке написано, принимать не больше одной, но к черту это. Этот парень, блядь, накачал меня наркотиками в своей машине после того, как застрелил моего парня. Ант

никогда не был моим парнем. Но он мог бы быть им. Если бы не наша кровь, наши семьи. У нас могло быть все. Было все.

Еще одно рыдание угрожает вырваться, но я проглатываю его. Наступает время моего неизбежного срыва. Но сначала мне нужно убраться отсюда к чертовой матери и подальше от этого... этого монстра.

Бросив таблетки в карман его рубашки, я расчесываю волосы пальцами и брызгаю водой в лицо.

Его глаза едва открыты, когда я возвращаюсь в спальню.

— Ангел, — бормочет он, протягивая мне руку, чтобы я присоединилась к нему.

— Я просто собираюсь попить. Хочешь что-нибудь? — спрашиваю я, чертовски надеясь, что его милая сторона не выйдет наружу и не предложит пойти и достать это для меня.

— В холодильнике есть бутылка фанты. Стаканы справа от раковины.

Идеально.

Кивнув, я разворачиваюсь на цыпочках и выбегаю из комнаты, приступая к выполнению своей миссии.

Благодарная за то, что он хороший повар, я быстро нахожу его скалку и могу раздавить таблетки на стойке, прежде чем бросить их в один из напитков. Я помешиваю его, стараясь не производить слишком много шума. Как только я уверена, что это достаточно растворилось в пузырьках, я беру их обоих и возвращаюсь в его комнату.

— Вот, — говорю я, забираясь на кровать и передавая ему напиток, в который я добавила его измельченное снотворное.

Мое сердце гроыхает в груди, пока я жду, когда он сделает свой первый глоток.

Он подносит стакан ко рту, и, клянусь, я действительно перестаю дышать.

Но прямо перед тем, как стакан касается его губ, он снова отдает его.

Все мое тело дрожит от нервов.

Если это не сработает, если он что-то заподозрит, мне пиздец.

Полный пиздец.

В тот момент, когда он смотрит мне в глаза, я понимаю, что позволить ему забрать мою девственность, вероятно, было не самым глупым поступком, который я когда-либо совершала.

Это оно.

Потому что, даже если это сработает, когда он проснется, он будет охотиться за мной.

— Я тебя не заслуживаю, — шепчет он, прежде чем снова поднять стакан и залпом выпить все.

Если бы я не была на грани панической атаки, то я могла бы даже быть впечатлена его способностью так быстро осушать газированный напиток.

Когда он выпивает все, кроме последних пары миллиметров, он смотрит в стакан, нахмутив брови, пока я делаю глоток из своего.

— У него странный вкус. Это была новая бутылка, верно? — спрашивает он.

— Да, — говорю я, заставляя себя улыбнуться, прежде чем сделать еще один, больший глоток. — Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, — лгу я, морщю нос и ставлю стакан на прикроватный столик.

— Иди сюда, — говорит он, как только я выпускаю его. Обнимая меня за талию, он притягивает меня к своему телу и разворачивает так, что у меня нет выбора, кроме как

смотреть на него.

Протягивая руку, он заправляет прядь моих волос за ухо и смотрит на меня сверху вниз, как будто я вот-вот растворюсь в воздухе.

Честно говоря, это именно то, что я пытаюсь сделать.

— Я никогда тебе не говорил, но мне нравятся, что ты сделала с волосами. Брюнеткой, ты еще сексуальнее.

— Да? — спрашиваю я, и мое сердце наивно трепещет от комплимента.

— Все в тебе сексуально, Калли. Всю свою жизнь мечтал об этом. Когда ты будешь рядом со мной.

— Кто знал, что дьявол может быть таким милым, — шепчу я, улыбаясь ему.

— Даже у Люцифера есть слабость, Ангел.

Наклоняясь вперед, он касается своими губами моих, и, несмотря на то, что я знаю лучше, я снова попадаю под его чары.

Он одурманивает меня своими ленивыми поцелуями и нежными ласками, пока не отрывает свои губы от моих, чтобы зевнуть.

— Устал? — спрашиваю я.

— Хм... У меня не было секса... некоторое время. Это выбило меня из колеи.

— Как долго? — спрашиваю я, надеясь, что его одностороннее путешествие в бессознательное состояние позволит мне вытянуть из него какую-нибудь правду.

— Перед Хэллоуином, — признается он, его глаза уже закрыты, пока его пальцы рисуют узоры на моем бедре. — Я не мог прикоснуться ни к кому другому после тебя. Это могла быть только ты, красавица.

— Почему той ночью? Что изменилось?

Он на мгновение задумывается, и я начинаю задаваться вопросом, не заснул ли он, но затем его голос пугает меня. — Потому что после Эмми и Стеллы я увидел в тебе что-то новое. Я видел огонь. Сила, о которой я раньше не подозревал. И я начал верить, что ты сможешь справиться со мной.

— Справиться с тобой? — тихо спрашиваю я.

— Да. Я нехороший человек, Ангел. Я совершил много плохих поступков. И я... — Он замолкает, и я снова думаю, что он спит. Но когда он наконец заговаривает, мое сердце разрывается от жалости к маленькому мальчику, все еще прячущемуся за твердой внешней оболочкой. — Я облажался. Я недостаточно хорош для тебя, для любого. Я сломлен.

— Деймон, — вздыхаю я, кладя руку на его щеку.

Есть так много вещей, которые я хочу ему сказать, но все слова застревают у меня в горле.

И когда он начинает тихо похрапывать, я понимаю, что он все равно бы их не услышал.

Я жду пять минут, хотя, пока я лежу и смотрю, как он спит, запоминая его мягкие черты, когда он расслаблен, мне кажется, что прошли часы, прежде чем я наконец выскользнула из его объятий. Все это время мое сердце подступает к горлу, когда я смотрю, как он бездумно тянется ко мне во сне.

— Мне жаль, Деймон. Но я не могу быть твоей.

Мои ноги двигаются так быстро, как будто за мной гонится сам дьявол.

Ну, честно говоря, я в значительной степени так и есть. Просто сейчас он не в том положении, чтобы куда-то бежать. Я надеюсь.

Мое сердце так сильно колотится в груди, что, клянусь, я чувствую это у себя в ушах.

Я не оглядываюсь назад.

Я не могу.

Если он там — если он не так крепко спал, как я думала, — тогда я облажалась. По-королевски облажалась.

Я имею в виду, я в любом случае это сделала.

Когда он проснется, он будет охотиться на меня, как разъяренный бык, я не сомневаюсь.

Я просто надеюсь, что у меня будет достаточно времени, чтобы понять, как с ним справиться.

Черт. Как вы справляетесь с дьяволом?

Мои руки дрожат, а ноги едва держат меня, когда я лечу к лифту, навстречу своей свободе.

Я понятия не имею, что я собираюсь делать, когда выберусь из этого здания. Думаю, я разберусь с этим, как только прохладный весенний воздух коснется моих голых ног.

Все, что я знаю, это то, что я не могу остановиться.

Я нажимаю кнопку вызова лифта, подпрыгивая на носках от нетерпения, не замечая, что он уже поднимался до того, как я нажала на него.

Я должна была заметить.

Мне следовало спуститься по лестнице и убежать от того, кто неизбежно должен был выйти из него.

Я могу добавить эту ошибку ко всем другим, которые я совершила в эти выходные.

— Черт, — шиплю я в ту же секунду, как раздается звонок, объявляющий о его прибытии.

Я собираюсь метнуться вправо, зная, что тот, кто там, не может видеть меня такой. Если кто-нибудь из них узнает... если это Нико...

Черт.

Но я опоздала.

— Калли?

Я оборачиваюсь в ту же секунду, как женский голос достигает моих ушей, и я выпускаю громадный вздох облегчения, когда вижу Брианну, лучшую подругу Джоди, стоящую передо мной с коробкой торта в одной руке и бутылкой розового просекко в другой.

— О... э... привет. Я должна—

Я киваю в сторону опустевшего лифта и бегу к нему.

— Ты в порядке? — спрашивает она, несмотря на то, что она ясно видит, что я не в порядке.

— Да, отлично. Ты никогда не видела меня, хорошо? — Я умоляю ее. Я понятия не имею, насколько она заслуживает доверия, но мне очень, очень нужно, чтобы она не разболтала Джоди и Тоби, как только войдет в его квартиру.

— Не-а. Нет, мы не играем в эту игру.

Прежде чем я понимаю, что происходит, она возвращается со мной в лифт и нажимает кнопку первого этажа.

— Я звоню в Uber. Куда мы направляемся?

— Домой, — шепчу я, моя нижняя губа дрожит, когда я понимаю, что она собирается помочь мне сбежать.

— Э-э... вот, добавь свой адрес. — Она передает мне свой телефон, и дрожащей рукой мне удается ввести свой адрес, чтобы она могла заказать машину.

— Алекс действительно был таким плохим любовником, а? Он вообще позволил тебе кончить, милая?

— Что? Нет. Да. Черт, — рывкаю я, роняя голову на руки и разражаясь рыданиями.

— Вот, — говорит она, и когда я оборачиваюсь, у нее в руке пара трусиков. — Они новенькие, не волнуйся. Это моя пара на всякий случай.

Я смотрю на нее в замешательстве, но решаю не спрашивать подробности прямо сейчас.

— И это. — Она протягивает мне салфетку для лица, как только я натягиваю трусики. — Держи себя в руках и владей этим. Ты распадаешься на части, когда возвращаешься домой и оказываешься вдали от пустого места, которое совершило ошибку, заставив тебя чувствовать себя дерьмово.

Наконец, она вручает мне пару балеток, которые скатаны в маленький шарик.

— Кто ты, Мэри Поппинс? — спрашиваю я сквозь сдавленные рыдания.

— Не, я просто девушка с опытом в этом дерьме на несколько лет больше, чем у тебя. Лучший совет, который я могу тебе дать? Держись подальше от любого парня, который заставляет тебя чувствовать себя такой разбитой, как сейчас.

— Это не так просто, — шепчу я.

— Я знаю. Это никогда не бывает просто.

Лифт звенит, и, к счастью, никто не встречает нас с другой стороны, а Uber уже ждет нас у входа.

Бри придерживает для меня дверь открытой и шокирует меня, запрыгивая ко мне.

— О, тебе не нужно—

— Поехали, чувак. У нас нет целого дня, — огрызается Бри водителю, прежде чем откупорить свой просекко и передать его мне.

Я подозрительно смотрю на нее, прежде чем она, черт возьми, почти сует его мне в руки.

— Теперь скажи мне, насколько маленький член Алекса на самом деле, и я буду смеяться вместе с тобой.

Я болезненно выдыхаю.

— Это был не Алекс.

Я смотрю, как она думает о том, кто еще живет на этаже этого здания, и ее глаза расширяются от шока.

— Нет, — выдыхает она.

Грустная улыбка появляется в уголках моих губ, прежде чем я поднимаю бутылку и делаю больше глотков пузырьков, чем следовало бы.

Но это наименьшая из моих проблем.

Танцуй с дьяволом, и ты всегда будешь обожигаться.

Я думаю, вопрос только в том, насколько сильно это будет больно?

Я пытаюсь держать себя в руках всю дорогу домой, обхватив себя руками за талию, крепко прижимая к телу испорченную рубашку Деймона.

Снаружи может показаться, что я справляюсь, но внутри я быстро разрушаюсь.

— К-какой сегодня день? — спрашиваю я, когда Uber делает последний поворот к дому

моих родителей.

— Воскресенье.

Я киваю, уже предсказывая, что так и будет, хотя и жалею, что прошло не так много времени.

Конечно, люди заметили бы, что я исчезла с лица земли в эти выходные. У меня даже нет моего телефона. Я оставила его и свою сумку в комнате Анта.

Обеспокоенный взгляд Брианны обжигает мне щеку, но я отказываюсь поднять глаза и увидеть печаль в ее глазах, которая, я знаю, там будет.

— С-спасибо тебе, — говорю я, наконец убирая руки от тела, но стараясь не засветить водителю. — Я верну тебе деньги за поездку, мне просто нужно— Тихий всхлип обрывает мои слова, и я быстро захопываю дверь, прежде чем кто-либо из них станет свидетелем моего срыва.

Я почти за углом, моя дверь почти в поле зрения, когда голос Бри разрывает воздух.

— Калли, подожди.

— Черт, — шиплю я себе под нос.

Ее шаги хрустят по гравию позади меня, и через несколько секунд она уже рядом со мной.

— Тебе не нужно этого делать. Я в порядке, — возражаю я.

Она пристально смотрит на меня, хотя я все еще отказываюсь смотреть на нее.

— Я знаю, что ты такая. Но я почувствую себя лучше, если смогу поделиться с тобой остальным. Она поднимает бутылку просекко, из которой я уже сделала пару больших глотков.

— Это действительно не—

— С кем еще ты собираешься поговорить об этом, Калли? — спрашивает она, когда я останавливаюсь у входа в подвал и возношу безмолвную молитву о суперсовременных технологиях отца, которые позволяют мне входить по отпечатку моей руки, а не по ключу, который сейчас Бог знает где.

Страх тяжелым грузом ложится у меня в животе, когда я рассматриваю возможность того, что ключ попадет не в те руки. В конце концов, я оставила его на вражеской территории.

— Ни с кем, — бормочу я, открывая дверь и заходя внутрь, вспоминая, что Бри задала мне вопрос. — Бокалы там. — Проходя мимо, я указываю на один из кухонных шкафов, направляясь напрямик к своему комоду, чтобы найти какую-нибудь одежду, прежде чем запереться в ванной.

— Я собираюсь заказать китайскую кухню, — кричит Бри перед тем, как закрывается дверь. — Что-то подсказывает мне, что тебе это нужно.

Мои губы приоткрываются, чтобы возразить, но я быстро обнаруживаю, что у меня нет слов. Вместо этого огромный комок застревает у меня в горле, и раскаленные слезы снова наполняют мои глаза.

— Спасибо, — выдавливаю я, мой голос хриплый от эмоций, прежде чем защелка закрывается, и я приваливаюсь спиной к двери, опуская лицо на ладони.

Мое тело дрожит, когда я прерывисто дышу, а образы последних двух дней проносятся в моем сознании так ясно, как будто я смотрю фильм.

Если бы я только поступила правильно и отказалась встречаться с Антом в пятницу вечером.

Я знала, что нас поймают. Я знала, что у нас было время, взятое взаймы. Но этого все равно было недостаточно, чтобы помешать мне подвергнуть его риску.

А еще есть Деймон.

Часть меня рада, что меня нашел не Нико. Но это не очень большая часть.

Это мог быть Алекс, или Тоби, или Себ. Они бы не так сильно взбесились. Они могли бы помочь мне сбежать. Они, конечно, не вытащили бы меня, не накачали наркотиками и не заперли в своем логове. Ладно, может, Алекса и мог бы. Но, по крайней мере, он не стал бы...

— Черт, — выдыхаю я, когда все больше и больше сожалений захлестывают меня.

Наконец, я отталкиваюсь от двери, позволяю рубашке Деймона упасть на пол и натягиваю позаимствованные трусики до лодыжек, морщась от того, во что превратилась моя жизнь в эти выходные.

У меня уже было достаточно секретов от моих лучших друзей, и теперь их только становится больше. И я только что втянула Брианну прямо в гущу событий.

Включив душ, я вхожу под воду задолго до того, как она успевает нагреться. Моя потребность смыть свои ошибки, его запах с моего тела слишком силен, чтобы отрицать.

Я задыхаюсь, когда от ледяной воды буквально перехватывает дыхание, но я заставляю себя оставаться там, чтобы вынести боль от своих ошибок.

Я закрываю глаза, когда вода начинает нагреваться, и образы Деймона, мирно спящего на своей кровати, заполняют мой разум.

Мои руки дрожат, когда я отчетливо вспоминаю, как измельчала те таблетки и смотрела, как он их пьет, даже не задавая мне вопросов. Чувство вины одолевает меня, скручивая желудок, пока у меня не остается другого выбора, кроме как выскочить из кабинки, упасть на колени и плюхнуться в унитаз.

Мой желудок сжимается в конвульсиях, извергая завтрак, которым Деймон накормил меня несколько часов назад. Воспоминания о том, каким милым он был, когда заботился обо мне по-своему, вызывают у меня еще больше слез.

— Калли? — кричит Бри. — Ты в порядке?

Все мое тело дрожит, и я прислоняюсь лбом к сиденью унитаза, чувствуя слабость и безнадежность.

— Да, — слабо отзываюсь я в ответ.

— Калли, — предупреждает она, понимая, что я лгу ей.

Откидываясь от унитаза и вытирая рот тыльной стороной ладони, я выдыхаю.

— Я в порядке. К счастью, на этот раз мой голос звучит немного сильнее, почти достаточно сильно, чтобы убедить ее.

— Ужин будет через десять минут, — говорит она мне, но что-то подсказывает мне, что это не то, что она на самом деле хочет сказать.

— Хорошо, я скоро выйду.

— Ты хочешь, чтобы я пошла и надрала ему задницу? — предлагает она, заставляя мои губы растянуться в улыбке.

Образ того, как она врывается к нему и делает именно это, слишком забавен, чтобы игнорировать. Ну, пока я не вспомню, что он, вероятно, все еще без сознания и не в состоянии защитить себя.

— Все в порядке. Я справлюсь с этим.

Это ложь. Огромная гребаная ложь. Когда он проснется и придет за мной... дрожь

пробегают у меня по спине.

Я думала, что он был плохим в ту ночь, когда он забрал меня от Анта и прижал спиной к машине. Гнев, какого я никогда не испытывала, исходил от него волнами, но, боюсь, я едва коснулась поверхности порочности Деймона — и, если судить, по его словам, за последние несколько дней, его одержимости.

То, что он сказал мне о том, что я единственная девушка, которую он когда-либо видел, о том, что он не хочет никого другого с тех пор, как ему исполнилось шесть.

Поднимаясь на ноги, я, спотыкаясь, возвращаюсь к все еще работающему душу и подставляю лицо воде.

Миллион и один вопрос крутятся у меня в голове, но самый насущный связан с тем, что он сказал о том, что хочет меня, наблюдает за мной, страстно желает меня.

Это была чушь собачья... верно?

Он никогда даже не смотрел в мою сторону, никогда. Он едва ли даже проводит время с парнями, не говоря уже о том, чтобы знать о моем существовании.

Выкидывая мысли о нем из головы, я беру шампунь и принимаюсь смывать его со своего тела.

Я хочу сказать, что чувствую себя лучше, когда надеваю леггинсы и толстовку большого размера, но я этого не делаю. Моя голова и мое сердце все еще разбиты событиями последних сорока восьми часов, и более чем очевидно, что это отражается на моем лице, когда я выхожу обратно в гостиную моего нового дома в подвале.

Улыбка Бри исчезает, когда я подхожу к ней, мой взгляд прикован к контейнерам, которые она раскладывает на моем кухонном столе.

— Пожалуйста, не смотри на меня так. Поверь мне, я знаю, что облажалась. Мне не нужно читать это на твоём лице.

— Что — я не... Нет, я так не думаю — я даже не знаю, что произошло, — утверждает она.

— Уверена, ты разобралась в основах, — бормочу я, когда беру спринг-ролл и разламываю его зубами пополам.

— Часто все не так просто, как кажется. Ты ведь знакома со своей семьей и людьми, которые тебя окружают, верно? — говорит она, пытаясь смягчить ситуацию.

— Печально, — признаюсь я, начиная накладывать на тарелку больше еды, чем я, вероятно, смогла бы съесть за неделю, но мне наплевать на то, что я свинья.

Не говоря больше ни слова, я подхожу к диванам и ставлю тарелку на колени, готовая погрузиться в мою любимую комфортную еду.

Я никогда не теряю внимания Брианны, но в равной степени она больше ничего не говорит. Она просто ставит передо мной бокал просекко, а затем устраивается поудобнее на диване напротив меня со своей едой.

Сначала тишина кажется блаженной, но проходит совсем немного времени, прежде чем она меняется, и потребность поговорить о том, что я сделала, становится слишком сильной, чтобы ее игнорировать.

— Ты ведь им не скажешь, правда? — спрашиваю я, умоляя ее глазами.

— Нет, — мгновенно отвечает она, заставляя все мое тело расслабиться. — Но это не значит, что я не думаю, что ты должна кому-то рассказать. Как долго это продолжается?

Я качаю головой, желая, чтобы всему этому было простое объяснение.

— Там... там ничего не происходит. Эти выходные были одноразовыми. — *Ложь.* —

Это была ошибка.

Ее внимание никогда не отходит от меня. Как будто она надеется прочитать все то, о чем я не говорю, в глубине моих глаз.

— Калли, я... — Она выпускает громкий вздох. — Я даже не собираюсь притворяться, что имею какое-либо представление о том, что здесь происходит, но из того, что я видела, я думаю, что ты играешь с огнем.

Я не могу удержаться от смеха над ее словами.

— Ты думаешь? — выпаливаю я. — Нико будет—

— Ему нужно преодолеть себя. Его дерьмовое поведение старшего брата-защитника мило и все такое, но, черт возьми, девочка. Я не могу представить, насколько это, должно быть, невыносимо.

Я пожимаю плечами. Я думаю, так кажется тому, кто не находится в центре событий. Но это моя жизнь, Нико — мой брат, и в глубине души я знаю, что он хочет для меня только самого лучшего. И это все, что я когда-либо знала. Он властный придурок, к которому я давным-давно привыкла.

— Если только ты не делаешь это нарочно, — предлагает она.

— Что? Нет. Он может быть настоящей занозой в моей заднице, но я бы никогда не сделала ничего, что могло бы по-настоящему навредить ему. Не в целях... — Мои слова замолкают, когда я понимаю, что это ложь.

Я встречалась с Антом уже несколько месяцев. Пробираться в его комнату на складе и выходила из нее. Возможно, это никогда не было ответным ударом по Нико, но у меня никогда не было иллюзий, что он был бы рад этому. Черт возьми, я знала, что Нико убьет Анта в ту же секунду, как узнает, но я все еще не могла остановиться.

— Я бы не винила тебя, если бы ты была. Иногда таким парням нужно преподать урок. Я просто не уверена, что делать это прямо у него под носом — в буквальном смысле — лучший путь.

— Нико есть Нико. Ни у кого из нас нет ни малейшего шанса преподать ему урок. Он упрям, как мул.

— Ты чертовски права, — бормочет она, заставляя меня улыбнуться снаружи, в то время как внутри меня все сжимается, зная, что она была с ним, видя, в каком напряжении они сейчас находятся.

Между нами снова воцаряется тишина, пока мы продолжаем есть. Я хочу наслаждаться этим, набивать лицо, пока все, о чем я могу думать, это какая я свинья и насколько набит мой живот. Но я не могу. Потому что, пока мысли о нем продолжают крутиться у меня в голове, мой аппетит практически отсутствует.

— Я не могу поверить, что ты оказалась с ним. Особенно когда Алекс уже несколько недель ходит за тобой по пятам, как маленький грустный щенок, — наконец говорит она.

Я пристально смотрю на нее, действительно не желая идти туда, но опасаясь, что она не собирается давать мне никакого выбора теперь, когда она знает правду.

— Это сложно.

— О, поверь мне. Я понимаю. Но только один вопрос.

— Хорошо, — вздыхаю я, надеясь, что она говорит серьезно, и не собирается затем задать еще миллион в ту секунду, когда я отвечу ей.

— Почему он не здесь, не выбивает твою дверь? Ты сбежала, и у меня не складывается впечатления, что кто-то из этих мальчиков позволил чему-то вот так ускользнуть у них из

рук.

Без команды своего мозга я оглядываюсь через плечо на внешнюю дверь, через которую мы вошли, а затем на раздвижные стеклянные панели, открывающие вид на огромный сад за ней.

Мой желудок сжимается от беспокойства, все ли они заперты. Это бессмысленно. Они всегда такие. Но все равно, мысль о том, что он появится здесь после того, что я сделала, сводит мой желудок.

Он собирается убить меня, когда догонит.

Меня пронзает приступ страха, но за ним быстро следует что-то другое. То, что я действительно не должна чувствовать. Волнение.

— Ты хочешь его?

— Это второй вопрос, — указываю я, приподнимая бровь в ее сторону.

Она закатывает глаза. — Прости, я просто—

— Не имеет значения, чего я хочу, — с грустью признаюсь я.

Я уверена, что ее губы приоткрываются, чтобы задать другой вопрос, но, к счастью, она передумывает.

— Мне нравятся вон те косметички. Ты их делала? — спрашивает она, переводя вопросы на мое новое хобби.

Отбрасывая мысли о мальчиках, о которых мне не следует думать, не говоря уже о том, чтобы оказаться где-то рядом, я сосредотачиваюсь на той малости своей жизни, которая на самом деле делает меня счастливой прямо сейчас.

8

КАЛЛИ

Брианна неохотно ушла после того, как Джоди начала взрывать ее телефон, желая знать, на кого она отвлеклась. Я видела по ее глазам, что на самом деле она хотела остаться и попытаться вытянуть из меня еще немного информации, но у меня ничего для нее не было. Что касается меня, то чем меньше кто-либо знает о дерьмовом шоу, которым сейчас является моя жизнь, тем лучше.

Мне не нужны чьи-либо осуждающие взгляды или мнения о том, как мне удалось принять несколько серьезно сомнительных решений за последние несколько месяцев.

Прижимая планшет к груди, я забираюсь в кровать, когда ко мне возвращаются воспоминания о ночи Хэллоуина.

В ту секунду, когда он прикоснулся ко мне, это не было похоже ни на что, что я когда-либо чувствовала раньше.

Я хочу сказать, что все пошло бы по-другому, если бы я знала, кто это был, если бы я могла видеть сквозь маску и опасность, которая скрывалась под ней. Но я не могла. Я была слишком пьяна, слишком полна решимости покончить со своей маленькой невинной жизнью, и я прыгнула в нее, не задумываясь о последствиях.

Я просто хотел бы пожалеть об этом. Но я не могу. Те несколько минут в той темной комнате, даже не зная, с кем я была... Это было все. Возбуждение, безрассудство, желание. Все это вернуло меня к жизни так, как я никогда раньше не испытывала, и я была там ради этого. Черт возьми, очевидно, что я все еще здесь из-за этого, потому что я влюбилась в него по уши в эти выходные, несмотря на то, что он только что сделал. Несмотря на то, что с той ночи он едва ли сказал мне два слова.

Я дура. Я знаю, что я такая. Желая того, что никогда не произойдет.

Мы не можем быть вместе, я это знаю.

Мы бы не только никогда не сработались, Нико и Тео, мои родители, никогда бы этого не допустили.

У них у всех есть очень твердые представления о том, с кем я в конечном итоге буду, и, хотя Деймон, возможно, и является бесценным членом семьи, я знаю, что никто из них не поставил бы меня рядом с ним, чтобы я рожала маленьких солдатиков для тренировки моего отца и брата.

Я издаю болезненный вздох, когда включаю свой планшет и вхожу в секретную учетную запись, которую я создала для Анта.

Мое сердце колотится, а руки дрожат, когда открывается приложение.

Я понятия не имею, что произошло после того, как Деймон вывел меня из его комнаты. Все, что я знаю, это то, что он застрелил его. Моей первоначальной реакцией было то, что он убил его, но с тех пор прошло уже несколько часов, и что-то внутри меня хочет верить, что он этого не делал.

Деймон может быть кем угодно, но он не глуп. Он должен был знать, что я никогда не прощу его, если он его убьет.

Но достаточно ли его это волнует?

Весь воздух вырывается из моих легких, когда я смотрю на наш краткий разговор в пятницу вечером и не нахожу ничего нового.

— Нет, — хнычу я. — Нет, пожалуйста.

Калли: Ант? Ты в порядке? Пожалуйста, пожалуйста, скажи мне, что с тобой все в порядке? Мне жаль. Мне очень, очень жаль.

Слезы капают на мой экран, когда я нажимаю отправить и просто смотрю, молясь, чтобы это было доставлено. Что это будет прочитано.

Но этого никогда не происходит.

Отбрасывая планшет, я опускаю голову на руки и рыдаю.

Мои глаза едва реагируют, когда я пытаюсь открыть их, когда прихожу в себя некоторое время спустя. Они распухли и болят. И когда я переворачиваюсь на спину, чтобы уставиться в потолок, я понимаю, что это только верхушка айсберга, потому что все мое тело болит. Моя внутренняя поверхность бедер напрягается, а моя киска... это так больно, как я никогда раньше не чувствовала.

Мои щеки вспыхивают, когда я вспоминаю, как смотрела на Деймона, когда он входил в меня, заявляя права на мою девственность, как будто он действительно верил, что она принадлежит ему.

Я вздыхаю, снова закрывая глаза, желая снова погрузиться в небытие, которое предлагает мне сон.

К сожалению, я не получаю ничего похожего на такой покой, потому что где-то на кровати начинает звонить мой планшет.

С разочарованным вздохом я откидываю одеяло и начинаю поиск.

Я съеживаюсь, когда обнаруживаю, что меня ждет видеозвонок со Стеллой. Я понятия не имею, как я выгляжу — возможно, задняя часть мертвого носорога, — но что-то подсказывает мне, что игнорировать ее будет хуже.

Проводя пальцем по экрану, чтобы соединить звонок, я ворчу: — Доброе утро, — и

падаю обратно на подушки.

— Любой бы подумал, что ты провела все выходные на вечеринках, — говорит она со смехом.

— Если бы только, — стону я, изо всех сил стараясь выкинуть из головы образы того, на что действительно были похожи мои выходные. — Что случилось?

— Ничего. Просто проверяю, что ты все еще жива. Ты вроде как была не в сети.

Черт.

— Э... да. Мне просто нужны были выходные для себя, понимаешь? У меня была куча работы, которую нужно было сделать и—

— Это абсолютно круто. В любом случае, в эти выходные все было немного... сумасшедшим.

— О, да? — Бормочу я, уже зная, что она собирается рассказать мне только краткие сведения о том, что произошло на самом деле. Кажется, даже мои новые лучшие друзья не думают, что в наши дни я могу вынести всю правду.

— Черт, Кэл, — вздыхает она, в ее тоне слышится сожаление. — Дело не в том, что я не хочу тебе рассказывать. Босс сказал—

— Я поняла, хорошо? Это моя жизнь.

— Джоди и Джоанна были похищены Джоном после его побега, и итальянцы помогли организовать все это.

— Что? — Выпаливаю я, резко выпрямляясь.

— Да, я знаю. Это пиздец.

— С Джоди все в порядке? — спрашиваю я. — Тоби?

— Да, все в порядке. Ну, кроме этой гребаной пизды и его маленького итальянского друга.

— Он умер? — Я вздыхаю с еще большим облегчением, чем ожидала, услышав наконец эту новость.

— Ага. Мы, наконец, отправили его в путешествие в один конец в ад. Тоби взорвал этот дом до небес.

— Он... он взорвал...

— Дом Джоди.

— Христос.

— Все кончено, это все, что имеет значение. Они собираются поселить Джоанну в нашем здании.

Я киваю, пытаюсь представить, что они могли бы чувствовать прямо сейчас.

— Когда все это произошло?

— Вечер пятницы. Я нервно сглатываю, когда до меня доходит, почему Деймон тогда был на складе у итальянцев. — Прости, что мы не рассказали тебе больше. Мы знали, что итальянцы были вовлечены и что они потенциально наблюдали за нами. Дэмиен и твой отец требовали, чтобы мы все были как можно более нормальными.

— Нормальными? — Я спорю, пытаюсь забыть тот факт, что все они лгали мне. — Если бы вы все начали вести себя нормально, они бы поняли, что что-то не так.

— О, заткнись.

— Что происходит с итальянцами? — спрашиваю я, нуждаясь в чем-нибудь, во всем, что могло бы помочь мне узнать, что случилось с Антом. Я же не могу просто подойти и спросить.

— Честно говоря, я действительно не знаю подробностей, но парни пошли и совершили налет на их маленькую тусовку в пятницу вечером. Взяли в заложники пару их ключевых парней в надежде передать сообщение. Я не знаю, что они на самом деле планируют, чтобы все выглядело так, будто у них самые большие члены. Что я точно знаю, так это то, что все они вернулись, выглядя так, словно побывали на войне.

— Они убили их? — Спрашиваю я, кровь заметно отливает от моего лица, заставляя меня пожалеть, что она позвонила мне по видео. Возможно, я стала лучше скрывать вещи, хранить свои секреты, но у меня нет игрового лица.

— Я не думаю, что кто-то умер, нет. Однако, если судить по количеству крови на парнях, от засады пострадало несколько человек.

Мои губы приоткрываются, когда на кончике языка вертится миллион вопросов о событиях пятничной ночи, но я быстро проглатываю их все, боясь выдать слишком много.

— Кэл, ты в порядке? Ты выглядишь немного... бледной. — Ее глаза обшаривают мое лицо, и я в панике поднимаю руку, чтобы прикрыть шею. Судя по тому, какими яркими были эти засосы, когда я вчера стояла перед зеркалом в ванной, я знаю, что они не могли чудесным образом исчезнуть за одну ночь.

— Да, я просто не очень хорошо спала, — лгу я. По правде говоря, я спала как убитая. Вероятно, это была ошибка. С этого момента я должна спать с одним открытым глазом, ожидая, когда Деймон нанесет ответный удар. Я не сомневаюсь, что он это сделает. В Семье он известен как бугимен. Тот, кто, вероятно, подкрадет к вам, когда вы меньше всего этого ожидаете. Он смертельно опасен, жесток, полная противоположность человеку, которого вы хотите, преследующему вас в темноте.

Мой желудок сжимается, а глаза устремляются к окнам от пола до потолка, которые открывают меня любому, кому захочется побродить здесь. Мне действительно следовало опустить жалюзи до того, как я завалилась спать прошлой ночью.

Солнце быстро встает, но вокруг все еще достаточно темных уголков, где кто-то может спрятаться.

Дрожь пробегает у меня по спине.

Рискнул бы он прийти сюда? Шанс попасться моему отцу? Нико — если он когда-нибудь вернется?

— Калли? — кричит Стелла, возвращая меня к реальности.

— Черт, да. Извини.

— Ты действительно плохо спала, да?

Я пожимаю плечами, держа руку на шее, я уверена, выглядя подозрительно.

— Ты идешь в школу, верно?

— Да, я буду там, — говорю я со вздохом.

— Ладно, потрясающе. Теперь все вернется в норму.

— Правда? — спрашиваю я скептически. Если у папы и дяди Дэмиена где-то заперта парочка Мариано, то я действительно сомневаюсь, что все станет проще.

Мой желудок переворачивается при мысли о том, что у них есть Ант. Я понятия не имею, штурмовали ли они это место в пятницу вечером с определенной целью, но после того, как он нашел меня в комнате Анта, я могу только представить, что Деймон охотился за ним.

— Увидимся в школе, хорошо? — Я рывкаю на Стеллу, прежде чем прервать звонок и побежать в ванную.

Я стою посреди своего подвала, мое сердце колотится в груди, а руки дрожат по бокам. Я смотрю на дверь, из которой, я знаю, мне следовало выйти больше пяти минут назад, но мне действительно трудно заставить себя двигаться.

Я не хочу выходить. Я не хочу рисковать, наткнувшись прямо на него в коридоре, или чтобы он сидел в общей комнате и ждал меня.

Делая глубокий вдох, я заставляю себя двигаться вперед и выбросить его из головы. Если повезет, он все еще спит после действия этих таблеток.

Собравшись с духом, я бегу вверх по лестнице, которая приведет меня в главный дом, чтобы я могла одолжить машину, чтобы добраться до школы.

Я стараюсь не думать о том, где мой телефон или о чем-либо еще, что я взяла с собой к Анту в пятницу вечером.

— Мама? — зову я, когда поднимаюсь по лестнице, но неудивительно, что ответа нет. Прошло много времени с тех пор, как я заставляла ее на кухне, готовящей наш завтрак и следящей за тем, чтобы мы вовремя добрались до школы, но время от времени я не могу перестать надеяться, что она может просто показаться, чтобы убедиться, что я делаю то, что я должна.

Даже Джослин отсутствует этим утром, вероятно, она занята каким-то безумным заданием, которое поставила перед ней мама.

Я прикладываю руку с ключами от машины к сканеру рядом со шкафом — полный перебор, если вы спросите меня, но папа заботится о безопасности в этом месте — и просматриваю черные брелки в поисках вариантов. Хватаю тот, что для маминой Audi, захлопываю дверцу, оставляю короткую записку, сообщающую ей, что я одолжила ее, и ухожу.

Вероятно, мне следует беспокоиться о том, что признание в том, что я одолжила ее машину, вызовет вопросы о местонахождении моей, но на самом деле шансы на то, что она даже увидит это, невелики, не говоря уже о том, что она заметит пропажу одной из своих наименее любимых машин. Так что я рискну. Думаю, я смогу справиться с мамой. Моя самая большая проблема прямо сейчас — вернуть свою машину и телефон — или придумать способ получить замену — и избежать гнева Деймона.

Только когда я спускаюсь по лестнице, ведущей к нашей входной двери, я поднимаю взгляд и, черт возьми, чуть не спотыкаюсь о собственные ноги.

Моя машина.

Я замираю на месте, уставившись на свой белый Mercedes, припаркованный на своем обычном месте, и мой лоб в замешательстве хмурится.

Оглядываясь через плечо, я оглядываюсь в поисках виновника, когда ужас просачивается по моим венам.

Кто-то нашел мою машину на итальянской территории и вернул ее.

Кто-то знает. Или, по крайней мере, подозревает.

— Черт.

Не имея достаточно времени или мозгов, чтобы вернуть мамин ключ обратно, я бросаю его в школьную сумку и направляюсь к своей машине.

Открыв водительскую дверь, я обнаруживаю, что там лежит моя сумочка, которая зловеще ждет меня.

Если бы у меня хватило духу съесть или выпить что-нибудь с тех пор, как меня в

последний раз вырвало его содержимым, я бы сделала это снова, глядя на доказательства, которые мне действительно не нужны, что кто-то знает, где я была в пятницу вечером.

Чувствуя себя совсем не готовой к встрече с кем бы то ни было, я бросаю свою сумку на пассажирское сиденье и сажусь на водительское.

После того, как я ставлю телефон на зарядку, он быстро загорается от входящих сообщений.

Я начинаю задаваться вопросом, как Стелла и Эмми позволили мне исчезнуть на выходные, но я быстро узнаю правду, когда открываю наш чат и обнаруживаю, что на самом деле я никогда не исчезала.

Я прокручиваю назад, обнаруживая, что я отвечала на сообщения за последние пару дней, делая вид, что со мной все было хорошо. И, к моему крайнему изумлению, я даже привела тот же предлог для спячки, что и Стелле этим утром.

Это не более чем совпадение, но оно чертовски странное.

— Кто это сделал? — бормочу я себе под нос, возвращаясь к своим сообщениям в поисках подсказок. Но их нет. И это оставляет у меня только больше вопросов, чем у меня уже было.

Это не могли быть папа, Нико или Тео. У них наверняка нашлось бы что сказать по поводу обнаружения моей машины на вражеской территории и моих вещей в одной из их спален.

Это был Ант? Или кто-то, кому он доверял вернуть это? Хватит ли у них смелости въехать прямо на подъездную дорожку Эвана Чирилло? Хотелось бы думать, что нет. Но почему один из парней отца сделал это и ничего не сказал?

Одно имя всплывает у меня в голове.

Алекс.

Недавно у нас завязалось нечто вроде дружбы.

Я с трудом терпела друзей Нико на протяжении многих лет, но недавно что-то изменилось. Мы нашли что-то общее, и я обнаружила, что помимо глупых шуток и намеков, он на самом деле довольно приличный парень.

Не то чтобы я когда-либо призналась бы ему в этом.

Но что-то подсказывает мне, что он прикроет мою спину.

Он хотел бы защитить меня, я уверена в этом.

Есть только один способ выяснить, права я или нет.

Я возвращаю свою машину к жизни и отправляюсь в путь, готовая провести еще один радостный день в окружении элиты Найтс-Риджа.

9

КАЛЛИ

К счастью, консилер, который я более чем щедро нанесла на область под глазами и шею, казалось, сделал свое дело, и никто даже не поинтересовался, чем я занималась в выходные. Все более чем счастливы купиться на мою историю о том, как я была дома, выполняла задания и готовилась к экзаменам.

Я была уверена, что Джером мог что-то увидеть во время нашего совместного занятия за обедом, но даже он, казалось, не обратил внимания, поскольку я сосредоточила весь наш разговор на работе.

И за весь день не было никаких признаков Деймона.

Нет ничего необычного в том, что я не вижу его в школе. В отличие от остальных из нас, он посещает школу только неполный рабочий день, но даже для этого потребовалось некоторое убеждение и шантаж со стороны дяди Дэмиена, когда наше время в 11 классе подходило к концу.

Деймон был более чем счастлив отказаться от образования и просто окунуться в жизнь солдата Чирилло. К несчастью для него, по мнению дяди Дэмиена и папы, это был невозможный вариант. В конце концов, они согласились на неполный рабочий день, но это была битва, в которой я был рада, что не участвовала.

Я могу ненавидеть, когда они диктуют мне почти каждую секунду моей жизни, но иногда я не могу отделаться от мысли, что, соглашаясь с этим, в долгосрочной перспективе просто облегчаю себе жизнь.

Борьба с ними кажется слишком тяжелой работой.

Не готовая идти домой и слушать музыку, а также отчаянно желающая поговорить с Алексом, я нахожу себе место под ранним весенним солнцем после школы и наблюдаю за ними всеми на футбольном поле.

Я не единственная шестиклассница, которая сидит и наблюдает за парнями, и я не могу не закатывать глаза, когда они откровенно их разглядывают.

Они храбрые, особенно две отчаявшиеся девочки из младшей шестой группы, которые сидят там и открыто говорят о Себе и Тео. Очевидно, никто не сказал им, насколько смертоносны обе мои лучшие подруги. Либо так, либо они просто глупы.

— Снимайте футболки, — кричит рыжая, и я цокаю немного слишком громко.

— Проблема? — шипит на меня блондинка.

— Кто, я? — спрашиваю я, указывая на себя. — Нет, я в порядке. — Движение за ее плечом привлекает мое внимание, и я не могу побороть ухмылку, которая растягивается на моих губах. — Хотя, возможно, тебе стоит пересмотреть, кому ты кричишь.

Блондинка встает, ее лицо краснеет, когда она готовится вступить со мной в словесную перепалку.

— Ты просто завидуешь, потому что они никогда не посмотрят на тебя дважды, — выплевывает она. — Они— какого хрена, — визжит она, когда ее голову откидывают в сторону, и у нее нет другого выбора, кроме как упасть на колени.

— Ты хочешь проблем? — Эмми кипит, подходя к Стелле, которая рычит на блондинку, которая сейчас на грани слез.

— Н-нет, — заикается рыжая.

— Забавно, потому что мне показалось, я слышала, как ты требовала, чтобы наши парни сняли рубашки для тебя, — заявляет Стелла.

— М-мы просто веселились, — хнычет блондинка.

— И они горячие, — добавляет рыжая, у которой яйца явно больше, чем у ее подруг.

— Хорошо, а как насчет того, чтобы вместо этого пойти и повеселиться, наблюдая за командой по регби? — предлагает Эмми. — Я думаю, они больше на твоём уровне.

Рыжая пристально смотрит на Эмми, и злобное замечание вертится у нее на кончике языка.

Однако она мудро проглатывает это и тянется к своей подруге.

— Пошли, Лекс. Давай выбираться отсюда. Они того не стоят.

— Вот тут вы ошибаешься, — говорит Стелла, упирая руки в бедра и бросая на них обеих убийственный взгляд. — Они более чем, блядь, того стоят.

Две девушки смотрят на Стеллу и Эмми так, словно они самые сумасшедшие сучки на планете. Гордость переполняет меня, когда я смотрю на двух своих лучших друзей. Да, они могут быть самыми разными гребаными сумасшедшими, но они для меня все.

— Идите, — говорит Эмми, отмахиваясь от них двоих, как будто они ничего не значат.

— Кто-нибудь еще хочет сунуть свой нос туда, где ему не место? — Стелла спрашивает небольшую группу девочек, сидящих на другой скамейке.

Парочка из них качает головами, прежде чем все они подхватывают свои сумки и крадутся прочь, как будто их здесь никогда и не было.

В ту секунду, когда они оказываются вне пределов слышимости, Стелла и Эмми начинают хохотать, прежде чем опуститься на скамейку для пикника по другую сторону от меня, их взгляды прикованы к своим парням.

— Я уверена, что тебе не стоило так сильно наслаждаться этим, — бормочу я, все еще забавляясь их маленьким представлением.

— До смерти пугать наших одноклассников? Черт возьми, да, нам это нравится, — смеется Эмми.

Я качаю головой, мою кожу начинает покалывать, когда Стелла отрывает взгляд от Себа и обращает свое внимание на меня.

— Что нового, малышка Си? — спрашивает она, ее глаза сверлят мои, как будто она сможет получить ответы, которые хочет.

— Ничего, — вру я. — Просто подумала, что было бы неплохо учиться здесь. Я была заперта все выходные.

Мои слова заставляют Эмми тоже повернуться ко мне.

— Мы беспокоимся о тебе, Кэл.

— Так волновались, что не хотели рассказать мне правду о том, что происходило на прошлой неделе? — пошутила я.

— Кэл, это несправедливо, — возражает Стелла.

— Нет, — огрызаюсь я, мой кулак сжимается от разочарования. — Что несправедливо, так это то, что ты присоединяешься и держишь меня на обочине моей собственной жизни, моей собственной семьи.

— Кэл, это не было—

— Не оправдывайся. Вы обе говорили мне в прошлом, что я заслуживаю лучшего. — Схватив свою сумку, я перекидываю ее через плечо, поскольку мое разочарование растет. — Может быть, тебе стоит подумать об этом, прежде чем слепо ставить слова ваших парней выше нашей дружбы.

Я ухожу, прежде чем у них появляется шанс ответить. Часть меня гордится тем, что я смогла постоять за себя. Но есть большая часть, которая просто хочет разрыдаться.

Весь день я оглядывалась через плечо, ожидая, что Деймон покажет свое лицо и снова перевернет мой мир с ног на голову. Начинает сказываться давление моего вчерашнего опасного решения.

— Калли, подожди. Мы сожалеем, просто—

Звук множества бот, стучащих по дорожке впереди, отвлекает мое внимание от извинений, и когда я поднимаю глаза, я вижу трех потных, перепачканных грязью футболистов, направляющихся в мою сторону.

— Все в порядке, малышка Си? — спрашивает Алекс, его брови сходятся вместе, когда он изучает меня.

Подавляя эмоции, угрожающие выплеснуться наружу, я заставляю себя смотреть ему в глаза, отчаянно пытаюсь понять, тот ли он, кто знает, где я была в пятницу вечером.

— Д-да. — Я ругаю себя за то, что звучала не так уверенно, как хотелось.

— Наши девочки снова создают проблемы? — Себ спрашивает рядом с ним.

— Обычные вещи, — говорю я, к счастью, это звучит немного сильнее. — Просто отпугивают еще нескольких девчонок, которые не могут держать язык за зубами.

— Знаешь, — бормочет Алекс, — я думал, это предназначено для парней, которые становятся собственниками и ревнуют.

— Да, ну, это может быть как-то связано с тем фактом, что у тебя никогда не было такой свирепой девушки, как Стелла и Эмми, — указывает Тео.

— Э-э... неправда.

— Братан, мы видели девушек, с которыми ты встречался. Мы все знаем, что ты слабак для тихони, невинной девушки, — указывает Себ, переводя взгляд с Алекса на меня.

— Алекс не трахает Калли, — предсказуемо огрызается Тео.

— Кузен, тебе нужно остановиться, — огрызаюсь я, более чем сыта по горло их глупыми мнениями о том, с кем я должна и не должна проводить время. И, честно говоря, если бы он знал, с кем я *была* в последнее время, он, вероятно, довольно быстро изменил бы свое мнение, потому что Алекс — более безопасный вариант. Я думаю, просто грустно, что он не тот, кто зажигает меня изнутри, несмотря на то, что он выглядит практически идентично парню, который зажигает.

Я понятия не имею, что я вижу в Деймоне такого, чего не вижу в Алексе, но что-то есть. Что-то, что просто говорит со мной на уровне, которого я не понимаю.

— Просто уходите, — говорит Алекс, сражаясь за меня, как он часто делает. — Вас ждут две похотливые девчонки. Идите трахните их в раздевалке или что-то в этом роде, — бормочет он, прежде чем обнять меня за плечи и увести от них.

— Деймос, — предупреждает Тео.

— Отвали, Чирилло. — Его рука на мгновение покидает мое плечо, и мне не нужно оглядываться, чтобы знать, что Алекс отмахивается от него. — Давай, малыш Си, ты можешь рассказать мне все о том, что тебя так взбесило.

— Я в порядке, — утверждаю я.

Он смотрит на меня сверху вниз, и этот взгляд говорит больше, чем могли бы сказать любые слова.

— Правда, я в порядке.

— Хочешь отвезти меня домой? Тео подвез меня этим утром, и я не думаю, что он сейчас испытывает такие уж милосердные чувства.

— Конечно. Только постарайся, чтобы мои сиденья не пахли потным мальчиком.

— О, тебе это нравится, — говорит он, запуская пальцы в мои волосы и притягивая меня ближе к своему телу.

— Фу, не будь мерзким, — кричу я, у меня нет выбора, кроме как вдохнуть его, и, черт возьми, от него совсем не мерзко пахнет.

— Иди разогрей машину, я сейчас буду, — обещает он, отпуская меня и бросаясь к двери, которая ведет прямо в раздевалку и туда, где мой брат, вероятно, рассказывает остальной команде о каких-то отвратительных действиях, которыми он занимался в эти выходные.

Я смотрю, как он уходит, с улыбкой, играющей на моих губах, и гнев, который

вспыхивал не так давно, начинает утихать.

Это было иррационально. Я знаю, что Стелла и Эмми всего лишь выполняли приказы, приказы, которым у меня не было бы другого выбора, кроме как следовать, если бы от меня их потребовали. Но это не мешает всей ситуации выводить меня из себя.

Мой телефон жужжит, когда я сажусь в свою машину. Меня так и подмывает проигнорировать это, но возможности того, что это может быть Деймон или Ант, достаточно, чтобы я вытащила его из внутреннего кармана своего блейзера.

Стелла: Нам действительно жаль. Позвонишь мне позже?

Я постукиваю по панели своего телефона, пытаюсь придумать, что ответить.

Калли: Прости, что я накричала. Я просто борюсь со всем, что происходит вокруг.

Стелла: Я здесь. Все, что тебе нужно. x

Мое сердце переполняется от ее слов, потому что я знаю, что они правдивы. С первого дня, когда мы встретились, она не проявляла ничего, кроме поддержки. Вот почему я чувствую себя такой виноватой из-за того, что накинулась на нее, на них.

— Переверни это хмурое выражение лица с ног на голову, малышка Си. Ты слишком хорошенькая, чтобы грустить, — искренне говорит Алекс после того, как закидывает свои сумки на заднее сиденье моей машины и плюхается на пассажирское сиденье, вытягивая свои длинноногие ноги.

— Я в порядке, — лгу я, заставляя себя улыбнуться.

— Хм... Я тебе не верю.

Я бросаю на него взгляд после того, как завожу машину, желая, чтобы он сказал что-нибудь, что намекнуло бы на то, что он знает, где я была в пятницу вечером.

— Итак, что заставило тебя смотреть, как мы бегаем по футбольному полю? Обычно ты не из тех, кто присоединяется к нашей стае поклонниц.

— Стае? — спрашиваю я.

Алекс просто пожимает плечами. — Бесстыдные шлюхи, так лучше?

Я фыркаю от смеха, выезжая со стоянки. — Примерно подводит их итог, — бормочу я.

— Ой, да ладно, малышка Си. Ты же знаешь, что тоже хотела, чтобы я снял футболку, — поддразнивает он.

Мои щеки пылают, когда я возвращаюсь к прошлым выходным, когда мы ворвались в маленькую грязную поездку Тоби и Джоди. Я была пьяна, и меня поймали, когда я пялилась на него. Я имею в виду, вряд ли это преступление века. Любой девушке было бы трудно не опустить глаза, когда вся эта загорелая кожа была прямо перед ними. Но это ничто по сравнению с воспоминаниями о том, как мы проснулись после того, как я посмела спать в его постели.

Я качаю головой, прогоняя этот образ из головы. Мне нужно сосредоточиться, и не позволить этим бабочкам завладеть мной, когда я вспоминаю, как его тело отреагировало на мое тем утром, это не поможет ситуации.

Неправильно ли с моей стороны задаваться вопросом, будет ли быть с ним иначе, чем с его близнецом? Черт возьми, да, это так. Но я не могу отрицать, что теперь, когда я почувствовала вкус того, чего мне не хватало все эти годы, я полностью за продолжение моих исследований.

В конце концов, это то, что ребята делали каждый день этой гребаной недели, сколько я себя помню. Почему я не должна развлекаться? Особенно теперь, когда моя визитная карточка была полностью уничтожена.

Мой желудок сжимается, а кожу покалывает, когда воспоминание о его обжигающих прикосновениях, его крепкой хватке на моих бедрах, когда он входит в меня, заполняет мой разум и заставляет мою температуру взлететь.

Я на мгновение зажмуриваю глаза и заставляю себя вернуться к реальности.

— Раздевайся сколько хочешь, Деймос, но не ожидай того же взамен. Я просто подвезу тебя.

— Ты хороша. Я не был настолько пьян, чтобы забыть о нашем небольшом купании нагишом в прошлые выходные.

Мои щеки горят еще жарче.

— Возможно, это к лучшему, что ты пытаешься забыть, — бормочу я. — Нико тебя трахнет, если ты хотя бы подумаешь о моих сиськах.

— Если бы это было правдой, я бы давно был на шесть футов ниже.

— Ты бесстыдный ловелас, Александр.

— Это может быть правдой, Каллиста. Но что-то подсказывает мне, что тебе это нравится.

Я вздрагиваю, когда его палец касается моего уха, заправляя за него прядь темных волос.

Я нервно сглатываю. Мне действительно не нужно, чтобы он слишком усердно изучал меня. Возможно, мне все сходило с рук в школе, и я одурачила девочек и Джерома, но, боюсь, моего тонального крема хватит ненадолго.

— Ты хочешь, чтобы я остановилась перекусить? — предлагаю я, зная, что путь к сердцу любого из парней лежит через их желудки.

— Что я сделал, чтобы заслужить такое обращение сегодня?

Разве не в этом вопрос?

— Ничего. Я голодна, и я знаю, что ты тоже, так что...

— Бургеры?

— Идет.

Я поворачиваю направо и направляюсь к любимому парнями кафе с бургерами, когда Алекс делает наш заказ.

— Никуда не уходи, — говорит он после того, как я останавливаюсь возле Burnt Coals, заведения, где готовят лучшие бургеры в городе.

— Ты принесешь еду. Вряд ли я брошу тебя сейчас.

— Сколько угодно притворяйся, что хочешь меня ради бургеров, малышка Си. Мы оба знаем, что у тебя слюнки текут от моего тела.

— Ты бредишь, — кричу я, прежде чем он закрывает за мной дверь.

Я смотрю, как он уходит, мои глаза бесстыдно опускаются на его задницу в футбольных шортах.

— Черт возьми, прекрати это, — рывкаю я на себя. Один оборот на простынях, и я уже превращаюсь в одну из шлюх, которые повсюду бегают за парнями с высунутым языком.

Я не хочу Алекса. Черт возьми, я не хочу никого из них. Или я просто не хочу этого делать.

Откидывая голову назад, я закрываю глаза, позволяя своим мыслям вернуться к тому времени, когда я была с Деймоном.

Каждая частичка меня знает, что я не должна была позволять себе так легко поддаваться его чарам, как это произошло.

Но это было невозможно.

Одно касание. Один шепот мне на ухо. Один легкий намек на ранимого маленького мальчика, прячущегося за темной маской, и я, блядь, влюблена в него.

Я не могу отрицать, что у меня всегда была некоторая слабость к мальчику, который никогда не вписывался. Раньше мне было жаль его, когда я наблюдала издали, как остальные ребята играли в футбол, сражались в Xbox или что там еще делали тупые мальчишки, а он сидел в стороне. Его всегда приглашали присоединиться — в отличие от меня, — но он почти никогда этого не делал.

Я всегда задавалась вопросом, почему. Почему он чувствовал, что не может быть вовлечен, быть частью их группы.

Мы все знаем, что он был другим, что его интересы лежат в других местах, но это не имело значения. Он был — и остается — частью их. Он просто держится на периферии по какой-то причине, которую мне все еще предстоит выяснить.

Из-за меня?

Я выбрасываю эту мысль из головы в ту же секунду, как она появляется.

Я никоим образом не имею к этому никакого отношения. Я все еще пытаюсь заставить себя поверить в те слова, которые он сказал мне в эти выходные.

Он не мог иметь их в виду. Несомненно.

10

КАЛЛИ

— Где был Деймон сегодня? — Спрашиваю я, чертовски надеюсь, что это звучит не так подозрительно, как кажутся слова, слетающие с моего языка.

Я почти ожидала, что Алекс скажет мне ехать к дому Стефаноса. Ребята продолжают дразнить его за то, что он еще не до конца переехал. И я должна признать, что возвращение сюда после побега менее двадцати четырех часов назад заставляет меня немного нервничать.

Мне действительно следовало подумать об этом. Как и обо всем остальном, что я делала в последнее время.

— Черт его знает, — бормочет Алекс, закидывая в рот еще две картошки фри.

— Я думаю, он остается дома по понедельникам.

Глаза Алекса встречаются с моими через кофейный столик, разделяющий нас, пока мы едим, и мое сердце подскакивает к горлу.

— Ты не хуже меня знаешь, что он делает то, что хочет.

Я пожимаю плечами, пытаюсь сделать вид, что мне все равно.

— У тебя, похоже, болят костяшки пальцев, — говорю я, меняя тему.

Он опускает взгляд на свои разбитые руки, прежде чем потянуться за бургером.

— Гребаные итальянцы. Они слишком упрямы для их же блага.

— Что там происходит?

Алекс делает паузу на середине пережевывания.

— Малышка Си, ты знаешь, что я не могу тебе этого сказать.

Низким движением я наклоняюсь вперед, упираясь локтями в колени и сводя вместе сиськи, зная, что он сможет заглянуть прямо под мою рубашку.

— Ах, да? Потому что я думаю, ты можешь рассказать мне все. Ты просто слабак, который выполняет приказы, как хороший маленький мальчик.

— Калли, — рычит он, его взгляд предсказуемо опускается на мою грудь. — Если ты

чего-то хочешь, просто скажи это. Я не в настроении для игр. Я дам тебе все, что угодно. — Он подмигивает, прежде чем соблазнительно прикусить нижнюю губу.

— Я просто хочу знать, что происходит. Стелла сказала, что у вас где-то заперты двое итальянцев.

— Да. Пара гребаных пезд тоже плакали по этому поводу, как младенцы, — с гордостью говорит он.

— Кто они? Капо, или... — Я настаиваю, отчаянно пытаюсь узнать что-нибудь, хоть что-нибудь об Анте.

— Один из них. Другой — солдат. Двоюродный брат Рикардо, или племянник, или что-то в этом роде.

Мне приходится бороться, чтобы подавить свою реакцию.

— Я не участвовал в планировании. Только часть казни.

— Итак, я предполагаю, что в какой-то момент они собираются нанести ответный удар в ближайшее время, — говорю я, впечатленная тем, насколько ровным звучит мой голос, несмотря на панику, которая бушует внутри меня.

— У нас есть пара парней внутри. Мы узнаем, когда они нанесут удар, — говорит он, проглотив полный рот. Все это время моя еда стоит на кофейном столике, в основном нетронутая.

Я солгала о том, что проголодалась, чтобы подняться сюда, и теперь у меня нет аппетита.

— Я чувствую приближающееся предупреждения о том, что нужно оглядываться через плечо, — бормочу я.

— Мы не собираемся запирать тебя, Кэл. Хотя, — бормочет он, погруженный в свои мысли, — я уверен, что мог бы более чем развлекать тебя здесь в течение нескольких недель. — Он поднимает брови, глядя на меня, и я качаю головой.

— Ты невыносим.

— Ненасытный. — ухмыляется он.

— Иисус. Я не буду трахаться с тобой, — шиплю я.

— Разве я говорил, что ты будешь? — Его дерзкая улыбка — это все, что мне нужно, чтобы отступить. — Серьезно, просто держи свой телефон включенным и, возможно, откопай что-нибудь из тех украшений, которые твой отец дарил тебе на протяжении многих лет, — говорит он, его взгляд снова опускается на мою грудь, туда, где должно сидеть мое ожерелье.

Я закатываю глаза. Я более чем осведомлена о том, что каждое украшение, которое мне когда-либо дарили родители, отслеживается. Это заняло несколько лет, и парни появлялись тогда, когда я меньше всего ожидала, но я это сделала.

В основном, я стараюсь избегать носить их любой ценой. Но бывают моменты, когда у меня нет другого выбора, кроме как серьезно отнестись к угрозам, нависшими над нашей семьей, и я неохотно надеваю на себя ожерелье или браслет на всякий случай.

Благодаря их отказу обучать меня, как Стеллу, я, по сути, легкая добыча для любого из наших врагов.

Я чувствую себя немного более подготовленной к такого рода ситуациям с тех пор, как Стелла работает со мной в Misky's и учит меня наносить приличный удар. И мы пробрались на стрельбище, когда мальчишки отвлеклись, так что, по крайней мере, я наполовину уверена, что смогу кого-нибудь уложить, если понадобится. Не то чтобы кто-то из них позволил мне

носить оружие.

Иногда я ненавижу быть девушкой в мире мужчин.

— Можешь сейчас перестать пялиться на мои сиськи, Алекс?

— О, так теперь, когда у тебя есть информация, которую ты хотела, ты убираешь товар? — издевается он. — У тебя хорошие сиськи. Ты должна гордиться.

Я откидываюсь назад, скрещиваю ноги и складываю руки, глядя на него.

— Что? Если бы у меня была такая пара, я бы играл с ними весь день напролет.

— Потому что ты недостаточно играешь со своим членом, — съязвил я.

— Я бы предпочел, чтобы ты с ним поиграла.

— Почему я с тобой дружу? — бормочу я.

— Я не знаю, задавал себе тот же вопрос.

— Очевидно, ты покорила меня своим остроумием и искрометной индивидуальностью, — говорю я, когда он берет свою пустую тарелку и уносит ее на кухню, прихватив при этом горсть моей оставленной картошки.

— Ну, да. Это очевидно.

— Ты большой придурок.

— Не такой большой, как мой—

— Возьми выходной, ладно? — Я смеюсь, наблюдая, как он ставит тарелку в посудомоечную машину и достает из холодильника новую банку кока-колы, открывает ее и выпивает залпом.

Я смотрю широко раскрытыми глазами, живо вспоминая, как кто-то другой делал то же самое. Только когда Алекс заканчивает, он раздавливает банку и выпускает мощную отрыжку.

— Сексуально, — бормочу я.

— Чертовски верно, детка.

Потянувшись за спину, он стаскивает свою ранее пропотевшую рубашку и бросает ее в стиральную машину рядом с ним.

— И я весь твой, если ты хочешь меня, — предлагает он, его руки опускаются под стойку, прежде чем он наклоняется.

— Скажи мне, что ты не просто—

— Не хочешь присоединиться ко мне в душе? — спрашивает он, выходя из-за острова полностью, блядь, голым, лишь прикрывая рукой свое барахло — спасибо, блядь.

— Нет, спасибо. Я в порядке. Вероятно, мне следует просто—

Его телефон жужжит на прилавке, и он немедленно тянется к нему, игнорируя то, что я говорила, когда его брови хмурятся.

— Все в порядке?

— Д-да, конечно. Не уходи. Мы можем выполнить задание по английской литературе или что-то в этом роде, да? — Он одаривает меня одной из своих фирменных улыбок, которая достаточно сильна, чтобы заставить почти любую девушку последовать его примеру, и я быстро ловлю себя на том, что киваю.

— Просто надень какую-нибудь чертову одежду.

— Не, мне очень нравится, когда ты смотришь на меня так, словно хочешь облизать каждый дюйм моего тела.

— Что? — визжу я. — Я не—

— С тобой слишком легко, малышка Си. Я буду через пять минут.

Он уходит, и мне ничего не остается, как смотреть, как он уходит, с голой задницей и всем прочим.

— Я знаю, что ты смотришь, — бросает он через плечо.

— Да, потому что твоя задница ужасна, — вру я.

— Конечно, детка. Сфотографируй, если хочешь.

В ту секунду, когда он исчезает из виду, я вскакиваю с дивана и бросаюсь туда, где он оставил свой телефон, молясь, чтобы он не успел заблокироваться.

— Да, — вздыхаю я, когда обнаруживаю, что экран все еще горит. Когда я просматриваю приложения на его экране, появляется еще одно сообщение, но я не обращаю на это внимания. Моя самая большая забота прямо сейчас — найти, где находится Деймон.

Моя рука дрожит, когда я открываю приложение для отслеживания, и мое сердце колотится где-то в моем чертовом горле, пока я жду, когда оно загрузится.

Через несколько секунд на экране появляются одиннадцать точек в группе братьев и шлюх Алекса. Мое сердце колотится о ребра, когда я прокручиваю вверх и просматриваю список людей, пока не нахожу его имя.

Деймон Деймос: в нулевых милях отсюда: сейчас.

Черт.

Мои глаза поднимаются от экрана к стене кухни Алекса, которая, я знаю, соединяет его с квартирой Деймона.

Я подпрыгиваю на чертову милню, когда из коридора, где исчез Алекс, доносится грохот, но, когда я больше ничего не слышу, я набираюсь храбрости.

Закрываю трекер, открываю его сообщения и нахожу его недавний разговор с Деймоном.

Алекс: Братан, ты пойдешь завтра в школу?

Алекс: Чувак, ты в порядке?

Алекс: Не заставляй меня приходить и, блядь, искать тебя.

Ответа нет, и от этого у меня сжимается живот.

Алекс: Братан, скажи мне, что ты жив.

Это последнее сообщение было отправлено, когда мы ехали сюда в машине.

Впервые с тех пор, как я это сделала, меня охватывает леденящий кровь страх, что я, возможно, перестаралась.

На бутылке была указана «принимать одну таблетку». Я дала ему... я думаю, четыре. Черт. Я даже толком не помню, я была в такой панике, что хотела убраться оттуда ко всем чертям.

Что, если у него передозировка?

Что, если я убила его?

— О, черт. Черт. Черт.

Я изо всех сил пытаюсь втянуть воздух, который мне нужен, когда у меня начинает кружиться голова.

Мои пальцы сжимаются вокруг края прилавка, когда я пытаюсь заставить свои ноги держаться и взять себя под контроль.

Дальше по коридору вода прекращается, и я знаю, что мне нужно двигаться. Я не могу быть поймана на слежке. Я уже по уши в дерьме. Потенциально чертовски намного больше, чем я рассчитывала, когда вчера увидела способ выбраться из квартиры Деймона. Но это все, чего я хотела. Побег. Я не хотела—

Из моего горла вырывается рыдание, боль пронзает грудь от суровой реальности этой ситуации.

Но затем, как раз, когда я собираюсь закрыть приложение и вернуться на диван, чтобы притвориться, что ничего не произошло, на экране начинают прыгать точки.

— О Боже мой, о Боже мой.

Ожидание появления слов длится целую вечность, поскольку звуки передвижения Алекса позади меня усиливаются. Он может появиться здесь с минуты на минуту, и меня поймают и—

Деймон: Я в порядке. Долгие выходные. Проглотил таблетку и вырубился.

— Черт возьми, — выдыхаю я.

— Если тебе нужно с кем-то поговорить, тебе более чем рады в моем будуаре, малышка Си.

На мгновение зажмурив глаза, я пытаюсь взять себя в руки.

— Я справлюсь и без визита в твою зараженную герпесом постель, большое тебе спасибо, — отвечаю я, к его большому удивлению.

Наконец, я закрываю приложение и перевожу его телефон в спящий режим. Я съеживаюсь от того, что Алекс не увидит это сообщение и все еще будет беспокоиться о своем брате, но прямо сейчас я мало что могу с этим поделать.

Я все еще стою на кухне, как запасная деталь, когда появляется Алекс, одетый в серые спортивные штаны и белую футболку в обтяжку.

Я смотрю на него с ухмылкой.

— Хороший выбор одежды, — бормочу я, стараясь не пялиться на более чем очевидные очертания его члена сквозь ткань. — Хотя ты мог бы надеть нижнее белье.

— Зачем мне это делать? — самодовольно спрашивает он. — Ты в порядке? — спрашивает он, его глаза прыгают между моими.

— Да, я просто хотела стакан воды. — Я мило улыбаюсь ему, надеясь, что он купится на мою чушь.

Он изучает меня на мгновение, и я задерживаю дыхание, ожидая, что он окликнет меня, но он ничего не говорит. Вместо этого он делает шаг вперед. В нос мне ударяет его свежeweымытый аромат сексуального парня, и черт возьми, если от него у меня не текут слюнки.

Я так потерялась в нем на мгновение, что не замечаю, что его внимание исчезло с моего лица. Так было до тех пор, пока жар его пальцев не обжег мою шею.

— Калли? — рычит он, его брови хмурятся, когда он смотрит на—

— Черт, — шиплю я, когда его большой палец касается того, что, как я знаю, является одним из самых ярких засосов, с которыми мне пришлось бороться, чтобы скрыть этим утром.

— Кто это сделал?

Мое сердцебиение учащается, и я не сомневаюсь, что он чувствует это своими пальцами, которые сейчас обхватывают мою шею сбоку.

Я смотрю в его обеспокоенные и, возможно, ревнивые серые глаза, умоляя его не делать этого.

— Алекс, пожалуйста, можем мы не—

— Кто, Калли? Кто пометил тебя? — выдавливает он сквозь стиснутые зубы.

Его хватка на мне усиливается, и это мало помогает успокоить мое бешено колотящееся

сердце.

— Это не имеет значения. Пожалуйста, просто оставь это.

Я пытаюсь выскользнуть из его объятий, но он ничего из этого не допускает. Другая его рука сжимает мое бедро, его хватка слишком жесткая, чтобы быть дружеской.

— Чем ты на самом деле занималась в эти выходные, Каллиста?

Я скриплю зубами от раздражения.

— Не твое, блядь, дело, — шиплю я, прилагая еще немного усилий к движению. К счастью, на этот раз он отпускает меня, и я стремительно пересекаю комнату, перегибаюсь через диван и хватаю свою сумку. — У тебя нет права судить меня. Не после того, как вы все ведете себя так, трахая разных девушек каждую ночь недели.

Когда я оглядываюсь назад, я нахожу его стоящим посреди своей кухни с озабоченным лицом.

— Я не осуждаю, Калли. Я просто присматриваю за тобой.

— Чушь собачья. Ты такой же, как Нико и Тео. Это одно правило для вас и совершенно другое для меня. Кучка лицемеров.

Я подхожу к двери и берусь за ручку, прежде чем он снова заговаривает.

— Прости, — он прерывисто дышит, прежде чем тепло его тела согревает мою спину.

Я вздыхаю, не желая отступить, когда он ведет себя как придурок, но также не в состоянии сдержать свое раздражение. Алекс может быть таким щенком, когда хочет, и трудно сказать ему «нет», когда он включает свое обаяние.

Его рука проскальзывает под мой блейзер и оказывается на моей талии, его прикосновение обжигает меня через тонкую рубашку.

У меня перехватывает дыхание, когда он разворачивает меня и прижимает спиной к двери, через которую я собиралась сбежать.

— Я обещаю, я не осуждаю тебя. Ты можешь пойти туда и переспать с каждой существующей задницей, если хочешь. — То, как его глаза вспыхивают гневом, говорит мне, что это не совсем так. — Я просто... — Он сжимает их, на секунду разрывая нашу связь. — Он хорошо к тебе относился?

Его глаза снова встречаются с моими, и комок подступает к моему горлу от того, что я вижу, глядя на него в ответ.

Почему это не мог быть Алекс?

Я спрашиваю себя об этом не в первый раз, и я уверена, что это не будет последним.

Но хотя я могла бы согласиться с остальным женским населением Найтс-Риджа и подумать, что он горячий и милый, разве я сказала горячий? Он просто не заставляет меня чувствовать то, что заставляет меня чувствует его вторая половина.

— Он сделал твой первый раз особенным?

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не дать правде вырваться наружу.

— Черт, — рывкает он, когда я не отвечаю. — Он причинил тебе боль? Был ли он слишком грубым? Просто назови мне его имя, и я пойду убью его для тебя.

Поднимая руку, я прижимаю ладонь к его груди.

— Нет, тебе не нужно этого делать. — Хотя, я не сомневаюсь, что, если — когда — он узнает правду, он надерет Деймону задницу за это. Это если Нико и Тео дадут ему шанс. — Он был... — Я сосредотачиваюсь на более приятных моментах моего общения с Деймоном. — Милый.

Большой палец Алекса касается моего живота, когда он смотрит на меня сверху

вниз. Его взгляд на мгновение опускается на мои губы, и мое сердце замирает в груди при мысли о том, что он собирается меня поцеловать.

К счастью, он передумывает и делает шаг назад, давая мне немного пространства для дыхания.

— Итак, это задание по английскому, — говорит он несколько нервно, проводя пальцами по влажным волосам.

Я должна уйти. Но одной мысли о том, чтобы переступить порог этой двери и столкнуться с Деймоном головой вперед, достаточно, чтобы оттолкнуть меня, поэтому, в конце концов, я просто улыбаюсь ему и отталкиваюсь от двери, говоря: «Конечно».

11

ДЕЙМОН

Мое тело тяжелое, мозг затуманен, когда я снова прихожу в себя, чертовски сбитый с толку.

К счастью, когда я открываю глаза, я обнаруживаю, что нахожусь в своей спальне. Хотя это не объясняет, почему я спал как убитый, когда обычно мне с трудом удается поспать больше пары часов за ночь.

Я переворачиваюсь. Мне требуется каждая унция энергии, которой я обладаю, чтобы пошевелить затекшими мышцами, и я падаю на другую подушку.

В течение трех секунд все спокойно, затем ее сладкий аромат наполняет мой нос, и все обрушивается на меня с силой ветра, блокирующего гребаную стену.

— Калли? — зову я, во мне все еще горит какая-то глупая, жалкая надежда, что она, возможно, все еще здесь, несмотря на реальность, в которую я не хочу верить, витающую на периферии моих мыслей. — Калли? — Я кричу громче, но ничего не слышно. — ЧЕЕЕЕРТ.

Гнев, отчаяние и паника — все это сталкивается внутри меня в водовороте, над которым у меня нет власти.

Несмотря на мое затянувшееся истощение и туман в мозгах, мое тело действует инстинктивно.

Я едва держусь на ногах, когда, спотыкаясь, бреду в ванную. Я хватаюсь за сушилку для полотенец, чуть не обжигая кожу на ладони в процессе.

— Черт, — шиплю я, обхватывая руками раковину и опускаю голову, когда она кружится, как будто я выпил все до единой бутылки водки в мире.

Моя голова раскалывается, сердце ноет, и все мое тело дрожит от гнева из-за моей потребности найти ее, притащить ее обратно сюда, найти способ, черт возьми, доказать ей, что все, что я ей сказал, было правдой.

Но она там, где ей суждено быть.

Где-то там, живет своей жизнью без меня.

Рев, который я едва узнаю, срывается с моих губ, когда боль разрывает мою грудь. Отчаяние, потеря, это обычное чувство того, что я просто недостаточно хорош, бушует во мне, когда мои пальцы сжимают раковину.

Я делаю глубокие успокаивающие вдохи, пытаюсь взять себя в руки, прежде чем рискну поднять глаза и обнаружить свое отражение в зеркале.

Я задыхаюсь от незнакомого лица, которое смотрит на меня в ответ.

Несмотря на часы сна, мои глаза темные и затуманены. Мои губы все еще опухли от ее поцелуев, но ярко-красная царапина на моей щеке усиливает боль.

Проводя кончиком пальца по царапине, я позволяю своим мыслям вернуться к тому, как она бесилась на заднем сиденье моей машины. Она была порочной, жестокой и красивой. Я никогда не видел в ней огня, и черт возьми, если это не поставило меня на колени, даже если я был объектом всей ее ненависти.

Если бы мы были где-нибудь в другом месте, я бы не впал в крайности, на которые пошел. Но мне нужно было вытащить ее оттуда. Мне нужно было, чтобы мы оба были подальше от других.

Я знал, что это мой шанс ненадолго оставить ее при себе. Не для того, чтобы убедить ее быть со мной или попытаться заставить ее влюбиться в меня. Просто чтобы она была здесь, со мной, рядом со мной хотя бы на короткое время.

Я боролся с этим. Я сделал все возможное, чтобы убедить себя, что она не та, для кого бьется мое черное и изодранное сердце, но это бессмысленно.

Это — она.

Она — все, что я вижу. Все, чего я жажду.

Но только посмотрите, что это сделало со мной.

Открывая шкафчик передо мной, я смотрю на маленькую бутылочку с едва прикрытой крышечкой.

Мне не нужны были доказательства, чтобы знать, что она сделала. Я чувствовал подобное раньше, и я знаю причину этого.

Просто в прошлом это всегда было моей виной, когда я сгибался пополам от отчаянной потребности немного отдохнуть.

Я никогда не думал, что кто-то — Калли — будет использовать их против меня.

Она действительно так сильно меня ненавидит?

Неужели ей так отчаянно нужно было сбежать от меня, что единственным способом, которым, по ее мнению, она могла этого добиться, было накачать меня наркотиками?

Стыд прожигает меня насквозь.

Но я не жалею об этом. Ни единой секунды этого. Потому что, пока она была здесь, даже когда она боролась со мной, у меня было все, чего я когда-либо хотел. Я просто должен надеяться, что этого будет достаточно, чтобы держаться подальше, потому что независимо от того, насколько сильно я, возможно, уже жажду повторения, что-то подсказывает мне, что она не примет это добровольно.

Я отступаю назад и бесцеремонно падаю на унитаз. Я опускаю голову на руки в надежде, что, когда я снова подниму ее, мой разум чудесным образом прояснится и у меня появится четкое представление о том, как с этим справиться.

Как бы сильно я ни должен был держаться от нее подальше, теперь, зная, что она в постели с врагом — буквально — означает, что я не могу.

Она не может проводить время с итальянцами. Она просто не может. Это подвергает ее слишком большому риску. И я отказываюсь позволять ей находиться в любой ситуации, где ее могут поймать.

К сожалению, когда я снова встаю, я не чувствую себя намного лучше.

Натянув пару боксеров, я отправляюсь на кухню за чашкой самого крепкого кофе, который может выплюнуть моя кофемашина, и ищу свой телефон.

Я нахожу его на стойке рядом с беспорядком, который я оставил, готовя нам завтрак поздним воскресным утром.

Проснувшись, я нахожу поток сообщений от Алекса, одно от папы и более чем

несколько от Айлы, требующей объяснить, почему я ее игнорирую.

— Господи, — бормочу я, когда смотрю на дату и обнаруживаю, что меня не было больше двадцати четырех часов.

Сколько из этих таблеток она мне дала?

Доказательства того, что что-то случилось, когда она вернулась с нашими напитками, были более чем очевидны. Я мог видеть, что что-то было не так в ее глазах, в том, как она нервно покусывала нижнюю губу. А затем вкус фанты. Это было ненормально. Если бы на моей кровати сидел кто-то другой в одной моей испорченной рубашке, то я, возможно, задался бы вопросом, почему у нее такой странный вкус. Но это была Калли. Мой гребаный ангел. Я бы никогда ничего о ней не заподозрил. Очевидно, я недооценил нашу невинную маленькую принцессу. Но тогда, я думаю, в ее жилах течет кровь Чирилло, и яблоко от яблони падает не так уж далеко.

— Святое дерьмо, что с тобой случилось? — спрашивает Алекс, когда я захожу в его квартиру несколько часов спустя.

Ее аромат поражает меня, и это злит меня в равной степени, насколько и заводит.

В ту секунду, когда я загрузил приложение для отслеживания и обнаружил, что она здесь, всего в нескольких футах от меня, я почти забыл обо всем и просто хотел ворваться к нему, чтобы поговорить с ней.

Но это не то, как я работаю. Я не позволяю своей вспыльчивости взять верх, и только потому, что в этой ситуации замешана Калли, это не значит, что я могу забыть все, что делает меня чертовски фантастическим солдатом, каким я и являюсь.

Итак, я ждал. И ждал. Это было чертовски больно делать, поскольку образы того, что, черт возьми, они вдвоем могли делать по ту сторону стены, живо пронеслись в моем сознании.

Недавно Алекс очень ясно выразил свой интерес к ней. Я всегда думал, что это просто игра, чтобы позлить Нико и Тео. Я имею в виду, что это все, что было раньше. Но с ним что-то изменилось. То, как он смотрит на нее в эти дни, более осмысленно, более серьезно.

Вид того, как он это делает, заставляет ревность, о существовании которой я даже не подозревал, вспыхивать во мне подобно смертоносному вулкану.

Это неправильно. У меня нет никаких прав на Калли, и не должно быть.

Я смирился с тем фактом, что она найдет другого мужчину, лучшего, чем я, чтобы провести с ним свою жизнь много лет назад.

Но Алекс? Мой близнец?

Это дерьмо выходит на другой уровень.

— Ничего, — ворчу я, направляясь прямо к его кофеварке и готовлю себе еще один двойной эспрессо.

— Ты выглядишь так, будто только что восстал из мертвых, братан.

— Чертовски верно, — бормочу я себе под нос.

— Так что же тогда происходит? — спрашивает он, когда я падаю на диван и смотрю в кружку с жидким золотом в моих руках.

— Понятия не имею. Я проглотил пару таблеток снотворного. Я отсутствовал... некоторое время...

— Демон, — предупреждает Алекс, прекрасно зная, что я не должен принимать больше одной.

— Все прекрасно. Это были тяжелые несколько недель. Мне просто нужно было отключиться.

Он пристально смотрит на меня, и через несколько секунд я поднимаю глаза, чтобы встретиться с ним взглядом.

Я люблю его больше всего на свете. Но, черт возьми, иногда я его еще и чертовски ненавижу.

Все в нем так... просто. Жизнь для него такая... легкая.

Полная, блядь, противоположность моей. И сколько я себя помню, все, чего я хотел, это быть больше похожим на него. Смотреть на мир сквозь его розовые очки. Выдерживать удары и не относиться к жизни слишком серьезно.

Но это не моя реальность.

В то время как он весь такой легкий и смеющийся, я темная, потерянная душа, которая просто не подходит ему.

Всю свою жизнь мне приходилось слушать, как люди сравнивают нас двоих.

Почему я не могу играть в футбол, как он? Почему я не могу получать оценки и преуспевать в школе, как он?

Это утомительно — быть второсортным близнецом. Но сейчас это тоже нормально. Я знаю свое место и делаю все, что в моих силах. Все это время я боролся за то, чтобы занять свое место в семье, доказать свою состоятельность и найти будущее, в котором мои оценки и академические способности не будут иметь значения.

— Тебе нужно прекратить это дерьмо, чувак. Это плохо для тебя.

— Это то, что есть. Здесь пахнет девчонкой, — указываю я, желая добраться до сути своего визита.

Алекс закрывает ноутбук, стоящий рядом с ним, за которым он, должно быть, работал, когда я ворвался, и снова изучает меня.

— Я просто тусовался с Калли. Делали кое-какую школьную работу.

Я прищуриваюсь, глядя на него.

— Что? Почему ты так на меня смотришь?

— Нико выпотрошит тебя, как рыбу, если ты тронешь ее хоть пальцем, — говорю я ему, даже не съеживаясь от того факта, что я заслуживаю такого конца после того, что я с ней сделал.

Часть меня удивлена, что я не проснулся от того, что Нико и Тео дышали на меня сверху вниз с занесенными ножами.

Но по какой-то причине она, кажется, пока держит в секрете все, что произошло между нами.

Чего я не могу понять, так это почему.

У нее нет ко мне привязанности, не совсем.

И не то чтобы я хорошо к ней относился.

Я увел ее на Хэллоуин и ушел, не сказав больше ни слова. То, что мне действительно было чертовски больно делать. А потом еще эти выходные.

Почему бы ей не побежать к старшему брату и не позволить ему разобраться со мной? Конечно, это было бы проще, чем ждать, пока я появлюсь глубокой ночью, чтобы отомстить.

Она должна знать, что это грядет.

Она снова и снова доказывала, что не так уж наивна, когда дело касается меня. Она

также показала нам обоим, что у нее явно есть способность справиться и со мной.

Так что, возможно, это то, чего она хочет.

Может быть, она ждет.

Возможно, именно поэтому она была здесь.

Она хотела, чтобы я нашел ее. Знать, что она тусовалась с Алексом. Чтобы мучить меня.

— Я могу справиться с Нико, — ворчит он, проводя рукой по волосам, в то время как мой живот болезненно скручивается.

— Ты серьезно, не так ли? Ты действительно идешь за ней?

Он пожимает плечами. — Ты знаешь меня, Брат. Я не собираюсь строить планы или принимать что-либо всерьез. С ней весело тусоваться. Посмотрим, к чему это нас приведет. К тому же, она чертовски сексуальна, чувак. Тебе следовало поехать с нами в прошлые выходные.

— Что произошло в прошлые выходные? — спрашиваю я, хотя уже знаю, что пожалею об этом.

Я знаю, что они уехали, но я не слышал никаких подробностей, и я давно понял, что лучше просто держаться подальше от общества моего брата.

— Купались нагишом, чувак. Клянусь, ее изгибы чертовски греховны. Она выросла хорошенькой.

Мои кулаки сжимаются по бокам, и я борюсь с тем, чтобы моя ревность не отразилась на моем лице.

— Она разделась с тобой?

— Да. В это так трудно поверить? Я не законченный мудака. Она тоже спала в моей постели.

Весь воздух вырывается из моих легких при его словах.

Если он и замечает мою реакцию, то не комментирует. Вместо этого его самодовольная ухмылка становится еще шире.

— Лучшая гребаная ночь сна, которая у меня была за всю мою жизнь. Я бы посоветовал тебе попробовать, но тогда мне пришлось бы поделиться, а этого, блядь, не произойдет.

Я поднимаю бровь, глядя на него.

— Снова. Это *снова* не повторится.

— Ты полон дерьма, братан, — говорю я, откидываясь на спинку стула и потягивая кофе, как будто в моем мире все в порядке. Все это время я втайне задаюсь вопросом, каково это — на самом деле заснуть с Калли в моих объятиях.

— Я не трахал ее, если ты к этому клонишь.

Я не могу отрицать, что облегчение не наполняет мои вены при этом заявлении.

— Не удивлен. Если она увидела тебя голым перед тем, как лечь к тебе в постель, она, вероятно, решит, что твой маленький член не стоит затраченных усилий.

Он отмахивается от меня, но решает не вступать в этот спор.

— Тем не менее, она с кем-то встречается. У нее засосы по всей шее.

Его челюсть тикает от раздражения при этом.

— Она разгуливала со следами парня по всему горлу, и Нико просто позволил этому пролететь?

— Нет, она проделала довольно приличную работу по сокрытию этого. Я просто был немного ближе, чем все остальные.

Моя кровь закипает от его комментария, но я сдерживаю свою реакцию.

Калли имеет полное право тусоваться с Алексом. Она может проводить время с кем захочет. При условии, что они не итальянцы.

Я мог бы захотеть заявить на нее свои права, но я знаю, что этого никогда не произойдет.

В любом случае, ей было бы лучше с таким парнем, как Алекс. Кто-то, кто может заставить ее смеяться, правильно с ней обращаться.

Не такой холодный, мрачный засранец, как я, который мечтает запереть ее и оставить себе.

12

КАЛЛИ

В ту секунду, когда я подъезжаю к дому, мою кожу покалывает, как будто за мной наблюдают.

Мое сердце подскакивает к горлу, когда я сижу там, смотрю и жду.

Теперь я знаю, что он проснулся, я в полной боевой готовности.

Он не собирается спускать то, что я сделала, на самотек. Выхода нет. Деймон работает не так.

Моя рука дрожит, когда я протягиваю руку, чтобы заглушить двигатель, мое беспокойство только растет.

Дом рядом со мной погружен во тьму. Машины мамы и папы отсутствуют на подъездной дорожке.

Может быть, мы все еще в городе, но земли Чирилло огромны, и, если кто-нибудь доберется до меня здесь, никто никогда не услышит моего крика.

Зная, что я не могу сидеть в своей машине всю ночь, я собираю свои сумки и открываю дверь, проглатывая свой страх.

Я могу справиться с Деймоном.

Что самое худшее, что он собирается сделать? Скажет мне, что я принадлежу ему, и трахнет меня снова? Уверена, что в жизни бывают вещи и похуже.

Делая глубокий вдох, я огибаю дом, мои глаза вглядываются в темноту, готовясь к тому, что он выпрыгнет на меня.

Кусты рядом со мной шелестят, заставляя мое сердце биться чаще, но, когда ветер развеивает мои волосы, я убеждаю себя, что там никого нет.

Пока нет...

— О боже... — Мое сердце колотится в груди, несмотря на то, что я знала, что это произойдет.

Теплая рука накрывает мой рот, обрывая крик, прежде чем мои ноги отрываются от пола и меня прижимает к твердому, знакомому телу.

Его запах наполняет мой нос, и рыдание вырывается сквозь его ладонь.

— Открой свою дверь, — рычит он мне на ухо, и я делаю это без колебаний.

Через несколько секунд мы в моем подвале, и я освобождена.

— Ант, — кричу я, бросаясь к нему, обнимая его, крепко прижимая.

Он стонет, когда мы сталкиваемся, но тот факт, что ему может быть больно после того, как его подстрелил Деймон, едва заметен сквозь мое облегчение.

— Ты в порядке, — выдыхаю я, прижимаясь щекой к его груди, позволяя своим слезам впитаться в его рубашку.

— Мне так жаль, Калли. Если бы я имел хоть малейшее представление о том, что—

— Тсс, все в порядке, — уверяю я его, глядя на его избитое лицо затуманенными, полными слез глазами. — Я знаю, что ты не знал. И мне тоже жаль. Я была так напугана, что он... что т-ты был...

— Я в порядке, Солнышко. — Он отталкивает меня, и мои руки опускаются с его тела, когда он обхватывает ладонями мои щеки и наклоняется, чтобы посмотреть мне в глаза. — Я в порядке. Потребовалось бы нечто большее, чем пуля в плечо, чтобы держать меня подальше от тебя.

— Ант, — вздыхаю я, падая в обморок от его слов. Я пытаюсь бороться с этим. Я не могу попасть под его чары прямо сейчас — это слишком опасно. — Ты не должен быть здесь, — говорю я ему, обхватывая его предплечья, пока он продолжает удерживать меня.

— Мне нужно было тебя увидеть. Нужно было знать, что ты в безопасности.

— Я в порядке. Деймон не причинил бы мне вреда, — говорю я, морщась. Может, он и не причинит мне физической боли, но он более чем согласен накачать меня наркотиками, привязать к своей кровати и разорвать мое сердце на куски.

— Что случилось? Куда он тебя отвез? — Он ищет ответы в моих глазах. — Я знаю, что тебя здесь не было. Я весь субботу ждал твоего появления.

— Он привел меня к себе домой. Спрятал меня от других, — частично лгу я.

— И он не причинил тебе вреда?

— Нет, Ант. Он этого не сделал.

Весь воздух вырывается из его легких, мятным потоком обдавая мое лицо, когда он принимает мои слова.

Отпуская мое лицо, он обхватывает мое тело руками и притягивает меня обратно к себе.

— Черт. Я так беспокоился о тебе. Он рассказал кому-нибудь еще?

— Я-я так не думаю. Я не знаю. Черт. Я так рада, что с тобой все в порядке.

Я обнимаю его крепче, испытывая облегчение от того, что Деймон не сделал того, что он так легко мог сделать в пятницу вечером.

— Я могу придумать способы и похуже. Моим последним воспоминанием была бы твоя ки—

— Не говори этого, — я наполовину съеживаюсь, наполовину смеюсь. — Боже, это было унижительно.

Я утыкаюсь лбом ему в грудь, желая забыть тот момент, когда Деймон ворвался в комнату, в то время как Ант собирался нырнуть мне между ног.

— Прости, что я позволил кому-либо найти тебя такой. Я думал, мы в безопасности—

— Это не твоя вина.

Высвобождаясь из его объятий, я бросаю взгляд на окна. Если бы кто-нибудь заглянул внутрь...

— Мы должны пойти куда-нибудь еще. Если мой папа вернется домой или... *Деймон придет, чтобы найти меня*, — думаю я про себя.

— Твой отец занят.

Ужас скручивает мои внутренности, и это должно быть видно на моем лице.

— Черт, нет, ничего плохого. Я просто знаю, что он имеет дело с последствиями вечера пятницы. Мирные переговоры или еще какая-то хрень, я не знаю. Я не вмешивался.

— Я ненавижу это, — бормочу я, подходя к панели управления на стене и на всякий случай опуская затемняющие шторы.

Его не должно быть здесь. Это опасно. Я могла бы отгородиться от мира и запереть двери, но это не значит, что он в безопасности. Насколько я знаю, папа уже видел его на камерах слежения и направляется обратно, чтобы убить любого парня, у которого хватит смелости спуститься сюда.

— Что, если тебя уже видели? — выпаливаю я, выпуская свои мысли наружу.

— Это не так. Поверь мне, Солнышко. Я не собираюсь доставлять тебе еще больше неприятностей. Я, блядь, обещаю.

Он сокращает расстояние между нами и берет мою руку в свою.

— Черт, я так волновался за тебя, — говорит он, обхватывая мою челюсть и наклоняясь к моему лбу. — У меня в голове крутились все эти безумные мысли о том, что они сделали бы с тобой, если бы узнали.

— Моя семья не причинила бы мне вреда, Ант.

— Физически нет. Но у них более чем достаточно власти, чтобы контролировать тебя. Чтобы остановить это. Нас.

— Нас не может быть.

— Я знаю. Черт возьми, я знаю. Но это не мешает мне хотеть этого.

Боль пронзает мою грудь, как будто мое сердце разрывается надвое.

Прежде чем у меня появляется шанс придумать ответ на это, его губы находят мои, и я бессильна, кроме как потеряться в его нежном поцелуе.

Это мягкий, нежный, любящий поцелуй, и он такой, каким я должна хотеть видеть поцелуй.

Но я не могу отрицать, что чего-то не хватает.

Край тьмы, прикосновение боли. Я испытываю трепет от осознания того, что мне не следовало этого делать, но это не то же самое, что было с Деймоном.

При этом, когда он прижимает мое тело к своему, я выбрасываю из головы все мысли о человеке, который похитил меня, накачал наркотиками и привязал к своей кровати, и растворяюсь в милом парне, который ничего не делал, кроме как заботился обо мне с тех пор, как мы впервые встретились.

Если бы ситуация была другой, он был бы идеальным парнем. Тот, которого я бы с радостью привела домой, чтобы познакомиться со своими родителями и представить своим друзьям. Но я не могу. То, что он выжил в пятницу вечером, уже чудо. Я могу только предположить, что Деймон решил сохранить ему жизнь, потому что даже я знаю, что он стреляет лучше, чем это. Он был почти на расстоянии выстрела в упор — Ант ни за что не стоял бы здесь прямо сейчас, если бы Деймон хотел его смерти.

Я думаю, единственный вопрос в том, почему он этого не сделал?

Ант ведет меня задом наперед, пока мои икры не упрутся в кровать. Он опускает меня на спину, и я счастливо опускаюсь, пока он не стонет от боли.

— Черт, ты в порядке?

— Прямо сейчас мне чертовски идеально, — говорит он, заползая на меня в ту секунду, когда я оказываюсь под ним.

Его рука проскальзывает мне под рубашку, удерживая за талию, но он не делает движения, чтобы поднять ее выше, похоже, просто довольствуясь тем, что целует меня.

— Я так боялся, что он накажет тебя за то, что ты была со мной, — бормочет он, покрывая поцелуями мою челюсть и спускаясь вниз по шее.

— Он не такой, не со мной. — Я съеживаюсь от своих слов, но не могу отрицать, что

они правдивы.

— Я все еще не доверяю ему тебя, даже если ты Чирилло.

— Ант, не надо, — стону я. Мне не нужны напоминания обо всех причинах, по которым его не должно быть здесь прямо сейчас, обо всех причинах, по которым я должна отослать его прочь.

Но я не могу. Я чертовски рада, что он здесь, что он жив, и я слишком потеряна в его поцелуях.

Я приподнимаюсь с кровати, моя рука проскальзывает под его толстовку, моя ладонь касается его пресса.

Нуждаясь в большем, я тянусь к молнии, проходящей по середине его тела, и тяну за нее.

В ту секунду, когда я вижу повязку, покрывающую его грудь и оборачивающуюся вокруг плеча, я останавливаюсь.

— Насколько все плохо? — спрашиваю я.

— Все прекрасно. Просто немного больно, — признается он, садясь прямо и глядя на меня сверху вниз с тоской в глазах.

— Немного.

— Да. — Он стягивает ткань со своих плеч и бросает ее на пол, открывая мне вид на его обнаженный торс.

Садясь, прижимая нас грудь к груди, я провожу пальцами по свежей повязке.

— Он мог убить тебя.

— Это стоило бы того.

— Нет, — говорю я, сжимая пальцами его подбородок. — Не говори так. Никогда не говори так.

Его темные глаза удерживают мои, насыщенно-карие, почти черные, когда он смотрит на меня.

— Но это правда. Ты мне действительно нравишься, Калли. Я просто хотел бы—

— Я знаю, — выдыхаю я, кладя руку ему на затылок и кладя голову на его неповрежденное плечо. — Тебе следует уйти, — с сожалением шепчу я.

— Мне вообще не следовало приходить. Но я не могу оставаться в стороне.

Рыдание вырывается из моей груди, и я обнимаю его крепче в надежде, что это не даст мне развалиться на части в его объятиях.

— Мне просто нужна сегодняшняя ночь, Солнышко. Пожалуйста. Мне просто нужно...

Он опускает меня обратно на кровать и ложится на свою сторону, притягивая мое тело ближе.

— Просто дай мне это, и тогда... — Он грубо сглатывает. — Я попробую поступить правильно.

Он делает ударение на слове «попробую», и, хотя я могла бы согласиться с ним молчаливым кивком, я знаю, что этого никогда не будет достаточно, чтобы он ушел.

Наши ноги переплетаются, и я отпускаю все свои опасения о том, что произойдет, когда взойдет солнце, просто отдаваясь этому милому парню, который рискует всем, чтобы провести время со мной.

Темнота окружает меня, когда я прислонюсь спиной к стволу дерева, мои короткие ногти впиваются в ладони. Боль от этого едва ли сравнима с тем, что мне нужно прямо сейчас, но это все, что у меня есть, не считая ножа, засунутого за пояс. Я не опускаюсь до этого уровня. Во всяком случае, пока.

В ту секунду, когда я увидел, как он вышел из тени и зажал ей рот рукой, мне захотелось сделать то, что, вероятно, следовало сделать в пятницу вечером, и всадить пулю прямо ему между бровей.

Но опять же, я этого не сделал.

И почему?

Из-за нее.

Я никогда раньше не щадил ничью жизнь. Но по какой-то причине, когда я нажал на курок, я подсознательно уже отвел прицел от его головы, зная, что она никогда не простила бы мне, если бы я вышиб ему мозги прямо у нее на глазах.

Я мог бы сделать это позже ночью, когда вернулся, но все же я пощадил его.

Я наблюдаю за ними через окно в двери, которое она никак не может заблокировать.

Я знаю, потому что это не первый раз, когда я сижу здесь и наблюдаю за ней, когда она думает, что спрятана от остального мира.

Это просто пиздец. Но меня это давно не волнует.

Она нужна мне.

Мне потребовалось много времени, чтобы найти подходящее дерево и идеальную ветку, с которой можно было бы наблюдать за происходящим, но оно того стоило.

Их ноги переплетаются на ее кровати, и мне приходится бороться, чтобы оставаться неподвижным и не реагировать слишком остро.

Она не твоя.

Она встает с кровати только для того, чтобы сходить в ванную, а когда выходит, на ней пижама. Кстати, не сексуальная — футболка с длинными рукавами и брюки.

Я не могу сдержаться ухмылку, которая растягивает мои губы.

Возможно, он сейчас внутри с ней, но она держит барьер между ними. Это все, что мне нужно знать.

Я сижу там, пока моя задница не становится более чем мертвой, свет в подвале передо мной гаснет, и мое видение их прервалось.

Я должен идти домой.

Мое тело болит, а голова все еще кружится от силы тех таблеток.

Но я не могу уйти.

Я не могу уйти, зная, что она внутри с ним.

Спрыгивая с моего любимого дерева, листья на земле под моими ногами шуршат, когда в моей голове формируется план.

Проскользнуть в ее подвал легко. Калли, возможно, с радостью заняла место, которое Нико ранее использовал в качестве места для вечеринок, но она никогда не думала об изменении разрешений на биометрическом сканере, чтобы не впускать нас.

Я думаю, у нее никогда не было причин думать, что мы захотим пригласить самих себя.

Как наивно с ее стороны.

Как бы мне ни хотелось сказать, что я впервые проскальзываю внутрь под покровом темноты, это не так.

С тех пор, как она переехала, было пару раз, когда моя потребность быть рядом с ней

пересиливала мой здравый смысл.

В первый раз было чисто любопытство посмотреть, смогу ли я войти, не рискуя пройти через весь дом, чтобы добраться до нее.

Второй и третий — не так уж много.

Глубокой ночью, пока она спит, я могу побаловать себя фантазией о том, что она могла бы быть моей. Я могу притворяться, проводить костяшками пальцев по ее нежной коже, заправлять волосы за ухо и слушать ее успокаивающее дыхание.

Я уверен, что любой другой, сидя рядом с ней, когда она такая спокойная и умиротворенная, заснул бы прямо рядом с ней, но я не кто-нибудь. Я дьявол, поглощенный тьмой, от которого ускользает сон, если только я всерьез не на взводе и не проглотил таблетку. Или две.

По крайней мере, это гарантирует, что я могу наслаждаться своей зависимостью без риска быть пойманным кем-то, кто убил бы меня за вторжение в ее личную жизнь.

Я работаю изо всех сил, прячась в тени, и моя одержимость нашей теперь уже не такой невинной маленькой принцессой ничем не отличается.

Серебристый лунный свет, проникающий через единственное незакрытое окно, освещает пространство достаточно, чтобы я мог видеть, как Ант обнимает ее, пока они спят.

Я должен радоваться, что она повернулась к нему спиной, но это не так. Не с тем, как его рука обхватывает ее тело, как будто она принадлежит ему, а ее задница прижата прямо к его промежности.

У меня болит грудь, когда я стою в изножье кровати, наблюдая за ними.

Тебе следовало убить его, говорит маленький дьяволенок, занимающий большую часть моего подсознания.

Возможно, мне следовало.

Хотя, если бы она плакала, она бы плакала не на моем плече.

Нет. Мне нужно подойти к этому по-другому.

Мне нужно выяснить его точку зрения, потому что он ни за что не пошел бы на такой риск. Должна быть причина для его интереса к ней.

Или так и есть?

Ее сила заставляет меня забыть все, что я всегда говорил себе, что не могу сделать. Может быть, она просто запутала его в своей гипнотической сети, как и меня.

Если бы я был врагом, ушел бы я? Или я был бы точно там, где он сейчас?

Мне даже не нужно успокаивать себя ответом.

Тот факт, что я стою здесь прямо сейчас, — это все доказательства, которые мне нужны.

Калли ерзает, тихий стон вырывается глубоко из ее груди. Тот, который я слишком хорошо помню, когда она спала в моей постели. Я делаю шаг назад, ускользая в тень.

С содержимым моего набора в руке я захожу в ванную и тихо закрываю за собой дверь.

Держа ветку с сухими листьями перед лицом, я достаю из кармана зажигалку и открываю ее, позволяя оранжевому свету пламени осветить комнату.

Мое собственное отражение бросается в глаза в зеркале, мое лицо освещается, как у демона, в отблесках пламени, когда я подношу его к нижнему листку.

На моих губах появляется улыбка, и адреналин разливается по моим венам.

Прощай, Антонио Санторо.

Всего за несколько секунд сгорает каждый лист, с верхушки ветки поднимается дым.

Отходя на середину комнаты, я подношу его к детектору дыма, и не проходит и секунды, как начинает срабатывать сигнализация, за которой быстро следует спринклерная система, которую Эван установил, когда они ремонтировали дом несколько лет назад.

Ледяной туман окутывает меня, когда я тушу огонь и подкрадываюсь к окну, чтобы избавиться от улики.

— О Боже мой, — визжит Калли с другой стороны двери.

— О, черт, — рывкает Ант.

— Тебе нужно уйти. Что, если они узнают, что ты здесь? Что, если это подстава?

Я не могу не улыбнуться ее подозрениям.

Вот и все, Ангел. Подвергни сомнению мотивы этого ублюдка. Я чертовски хорошо знаю, что я так и делаю.

— Подожди. Ты предполагаешь, что—

— Нет, Ант. Не ты. Они.

— Черт. Мне так жаль. С тобой все будет в порядке?

— Да, просто уходи.

Мой телефон жужжит в кармане, как я и ожидал.

Эван: Мне нужно, чтобы кто-нибудь проверил мой дом. Сработала пожарная сигнализация.

Деймон: Я в нескольких минутах езды.

Эван: Калли дома одна. Убедитесь, что она в безопасности.

— Будет, блядь, сделано, босс, — выдыхаю я.

— Папа, да. Я в порядке. Да. Я собираюсь подняться сейчас. — Ее шаги гремят по лестнице, прежде чем хлопает дверь, отрезая ее от меня.

Я жду пару минут, пока вода продолжает заливать и меня, и ванную, прежде чем отправить в ответ еще одно сообщение.

Деймон: Все выглядит прекрасно, босс.

Эван: Я отзову пожарную команду. Зайди внутрь, чтобы убедиться.

Деймон: Конечно.

Внезапно я погружаюсь в тишину, и вода перестает брызгать.

Направляясь к двери, я жду, когда она вернется, мой пульс стучит в ушах.

Было ли замачивание всего дома Эвана чрезмерным способом избавиться от Анта и возбудить ее подозрения? Да. Мне не похуй? Ни единого гребаного шанса.

— Чертов ад, — вздыхает Калли

Мой телефон снова жужжит, и я достаю его.

Нико: Тебе нужно, чтобы я приехал, чувак?

Я улыбаюсь тому факту, что все остальные, кроме меня, сейчас спят и менее чем готовы приступить к действию.

Деймон: Нет, чувак. Я справлюсь.

Нико: Калли может переночевать здесь, если ей нужно выбраться.

Я ухмыляюсь. О да, этого не произойдет.

Деймон: Я буду держать тебя в курсе. Но все выглядит неплохо. Должно быть, произошел сбой.

— Что, черт возьми, мне теперь делать? — плачет Калли. — Разве жизнь и так недостаточно дерьмовая? — она никого конкретно не спрашивает.

Кладу телефон обратно в карман, нажимаю на ручку двери и открываю ее.

Она меня не замечает. Она слишком занята, стоя посреди подвала и недоверчиво глядя на свою кровать.

Я подхожу к ней сзади, бесшумно двигаясь в темноте, прежде чем дать о себе знать.

У нее нет времени закричать, когда я закрываю ей рот одной рукой и обхватываю ее за талию, прижимая ее спиной к себе.

— Я надеюсь, ты не мечтаешь все еще оказаться с ним в этой постели, Ангел.

Она извивается напротив меня, но все, чего она добивается, это прижимается своей задницей к моему быстро растущему члену.

— Мне чертовски нравится, когда ты вся мокрая для меня, красавица.

Я облизываю линию от выреза ее футболки до самого уха.

— Ты чертовски хороша на вкус. Я мог бы есть тебя всю ночь.

Она стонет в моей руке, ее спина выгибается, когда я посасываю чувствительную кожу под ее ухом, прежде чем прикусить, точно так же, как я бы сделал в другом месте. Она, черт возьми, тоже это знает.

— Он ведь снова не заставил тебя кончить, не так ли? — поддразниваю я. — Кажется, у меня безупречный выбор времени, когда дело касается тебя.

Она снова стонет, ее челюсть двигается под моей рукой в попытке что-то сказать. Или укусить меня. Я отчасти надеюсь, что это последнее.

Моя рука на ее губах остается неподвижной. Моя рука, которая удерживает нас вместе, однако, двигается.

Кладя руку ей на живот, я засовываю пальцы под влажную ткань ее топа и поднимаю его выше.

— Тебе следует снять это. Ты простудишься, — шепчу я.

Стон застревает у нее в горле, когда моя рука обхватывает ее грудь, сжимая не слишком нежно, прежде чем я нахожу ее твердый сосок, сжимаю, пока она не вскрикивает.

— Он оставил тебя нуждающейся, да, Ангел?

Она пытается покачать головой, но это не очень успешно.

— Эти итальянские пезды недостаточно мужественны для такой работы. Если ты хочешь настоящего мужчину, тебе не нужно смотреть на врага.

Я дразню ее, дергая за сосок, пока она не начинает хныкать и вздрагивать в моих объятиях, когда ее освобождение от одного этого становится все ближе.

— Он оставил тебя в таком отчаянии, Ангел? Или это я?

Наконец, я убираю руку с ее рта, немедленно хватаюсь пальцами за подол ее рубашки и срываю ее с ее тела.

— Я ненавижу тебя, — кипит она. — Я тебя чертовски ненавижу.

— Да, — соглашаюсь я, обхватывая ее груди обеими руками и сжимая пальцами ее ноющие соски. — Я чувствую это. Но от этого становится чертовски мокро, не так ли?

— Единственное, что сейчас мокрое, — это весь гребаный дом.

Смех вырывается из моего горла.

— Довольно гениальный план, не так ли? Я рад, что ты впечатлена.

— Я, блядь, не впечатлена. Все, что у меня есть, промокло.

— Это высохнет, — говорю я, осыпая поцелуями ее плечо. — Ты ждала меня, Ангел?

— Нет, — шипит она. — Я надеялась, что эти таблетки убили тебя.

— Ой, — рычу я. — Но я думаю, мы оба знаем, что ты не это имеешь в виду.

— Так ли это?

— Ты приходила к Алексу ранее в надежде проверить меня, не так ли?

— Н-нет. Мы делали домашнее задание.

— Это правда? Из того, что я слышал, он подобрался к тебе достаточно близко, чтобы увидеть это, — говорю я, обводя языком один из засосов, которые я оставил у нее на горле. — Он хочет тебя.

— Да, — соглашается она. — Я думаю, что я тоже могла бы пойти на это с ним.

— Близнецы и итальянец. Думаю, мне нравится эта сторона нашей милой маленькой Калли.

Опуская одну руку вниз по ее телу, я засовываю пальцы за пояс ее брюк.

— Деймон, — стонет она, откидываясь на меня.

Если бы она хотела сразиться со мной прямо сейчас, она могла бы. От моего внимания не ускользает, что ее руки безвольно свисают по бокам, пока я не спеша исследую ее тело.

— Тогда расскажи мне об этой фантазии, Ангел. Ты хочешь нас с Алексом одновременно? Мы могли бы, ты знаешь. Мы делали это раньше.

Весь воздух вырывается из ее легких при моем признании.

Я не удивлен, что это шокирует ее. Насколько всем известно, я не очень хорош в групповых мероприятиях. Но с Алексом все по-другому. Мы делились всем со дня нашего зачатия. Просто потому, что мы не так часто тусуемся вместе с другими, это не значит, что мы все еще не близки.

— Нет, — признается она. — Я просто заберу его. Ты можешь посмотреть со стороны, если хочешь—

Она визжит, когда я разворачиваю нас, толкая ее спиной к кухонному столу и заставляя откинуться на него.

— Ты забавная, — выдыхаю я, подходя к ней так близко, что мой нос почти касается ее. — Осторожно, Ангел. Ты выбрала не того человека для этой игры.

— Я не выбирала ничего делать с тобой, на случай, если ты забыл, — огрызается она. — Если бы я знала, что тогда на Хэллоуин был ты...

— Тогда что, красавица? Ты бы не позволила мне съесть тебя, пока ты не кончила бы мне на лицо?

— Нет. Я бы побежала в противоположном, блядь, направлении. Ты дьявол, Николас, и у меня нет намерения танцевать с тобой.

Рычание вырывается у меня из горла, когда она использует мое имя. Я должен ненавидеть это. Я не люблю, когда это слетает с чьего-либо языка. Но с ней все по-другому.

— Ты прекрасная лгунья, Ангел. Возможно, ты не знала правды, но ты бы не прогнала меня той ночью. Особенно когда я попал сюда.

Я снова запускаю руку ей под брюки, обхватывая ее киску.

— Это было сделано для меня. И только меня. Вот почему этот итальянский ублюдок не вошел во вкус. Он знает, что это принадлежит кому-то другому. Кто-то, кто только и ждет, чтобы вышибить ему гребаные мозги.

— П-почему ты этого не сделал? — она заикается, когда я провожу пальцем между ее складочек, потирая клитор.

— Разве это не вопрос на миллион долларов, — бормочу я. — Может быть, мне просто нравится брать тебя на руки после того, как ему не удалось заставить тебя кричать. Скажи мне, Ангел. Он просто пришел сюда сегодня вечером, чтобы уложить тебя в постель и

потискать?

— Пошел ты. Это н-не твоё дело, почему он был здесь сегодня вечером.

— Итак, — говорю я, опускаясь ниже и просовывая два пальца внутрь нее. У меня текут слюнки, когда ее тепло и соки покрывают мои пальцы. — Ты начала с Алекса, сведя его с ума и оставив с посиневшими яйцами, насколько я могу понять. Затем ты перешла к своему маленькому итальянскому другу, и теперь ты здесь со мной — дьяволом — с моими пальцами, погруженными в твою киску. Ты не та невинная маленькая принцесса, за которую тебя все принимают, не так ли, Ангел? Ты, блядь, дразнилка.

— Нет, Алекс — мой друг.

Я не могу удержаться от смеха. — Это та фраза, которую он тебе подбросил? Он хочет быть здесь, Ангел. Ты под запретом, и он хочет попробовать этот фрукт, чтобы узнать, так ли он сладок, как он думает.

— Ты ошибаешься. Ему не все равно, — утверждает она.

— И Антонио. Ему тоже не все равно? Или он разыгрывает тебя? Неужели он околачивается здесь только потому, что у него нет выбора? Он говорит все правильные слова, заставляя тебя влюбиться в него, заставляя верить каждому его слову, когда на самом деле он делает тебя своей змеей?

— Нет, — плачет она, когда я сильнее сжимаю пальцы.

Одна ее рука ложится мне на плечо, в то время как другая обхватывает мое предплечье, как будто она собирается оторвать меня от своего тела.

Чертовски маловероятно, когда я по уши в этом.

— Он не играет со мной.

— Насколько ты уверена? Правда?

— Он не такой, — решительно заявляет она. Я почти верю ей. Почти.

— А потом есть я. Моя маленькая соблазнительница понятия не имеет, что я годами ходил со стояком из-за нее.

Отпуская ее бедро, я сжимаю ее горло, отталкивая ее еще дальше. Одна из ее ног приподнимается, обхватывая мою талию, предоставляя мне лучший доступ к ней.

— Николас, — кричит она, ее глаза расширяются, когда ее голос ударяет по ушам, как будто она не хотела выпускать его на волю.

— О, Ангел. Ты, блядь, понятия не имеешь, что ты со мной делаешь.

— Т-тебе нужно уйти. Тебе нужно уйти и никогда не оглядываться назад.

— Мы оба знаем, что я не собираюсь этого делать, не так ли? Теперь я попробовал тебя на вкус. Я никуда не уйду.

— Что, если я хочу Алекса? Анта?

— Хоти их всех, кого захочешь. Трахни их, если придется. Просто знай, что ты моя. Каждый дюйм твоего тела принадлежит мне, и каждый раз, когда ты оказываешься рядом с ними, они на шаг ближе к смерти. Я позволю тебе так долго забавляться, Ангел, прежде чем я верну то, что всегда должно было принадлежать мне.

— Ты бредишь.

— Во мне чертовски много всего, Ангел. Но «одураченный» — это не один из них.

Деймона прижимаются к внутренней стороне моих бедер, широко раздвигая меня, и его язык проводит по центру меня.

Этому не суждено было случиться.

Я была с Антом. Он был таким милым и—

— Черт, Николас, — кричу я, мои пальцы запутались в его волосах, удерживая его на месте, пока я терзаюсь о его рот, пока он сосет мой клитор, заводя меня все выше и выше.

Я должна была догадаться, что что-то случилось, в ту секунду, когда зазвонила сирена. Я должна был знать, что за этим стоит дьявол. Возможно, подсознательно, я так и сделала. Потому что, когда он подошел ко мне сзади, я и вполтину не испугалась так сильно, как когда Ант прыгнул на меня ранее. Как будто какая-то часть меня знала, что он придет за мной.

Я просто не думала, что в конечном итоге окажусь разложенной на кухонном столе и меня съедят, как будто я его любимое блюдо.

— О Боже, — хнычу я, мое освобождение приближается, моя потребность в нем растет. — Больше, мне нужно больше.

Он стонет, глубокий рокот проходит через меня и подталкивает меня еще ближе.

— Мне н-нужно— Но я срываюсь, мои требования обрываются, когда я выкрикиваю его имя, мой оргазм захлестывает меня и заставляет все мое тело дергаться на стойке с такой силой.

Удовольствие захлестывает меня волна за волной, пока я пытаюсь вдохнуть необходимый мне воздух.

Я задыхаюсь, мой мозг возвращается ко мне, и я просыпаюсь, сидя прямо в постели, моя кожа покраснелась, грудь вздымается, а между ног восхитительно пульсирует.

— Святое дерьмо. Я что, только что... Черт.

Уронив голову на руки, я прокручиваю в голове те образы, которые только что казались такими реальными, когда температура начинает спадать. Мои глаза устремляются к кухонному столу, где он разложил меня для него. Но он никогда не давал мне упасть. Он снова и снова подводил меня к краю, когда его жестокие слова наполняли мои уши, а затем он исчез в ночи.

— Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Я падаю обратно на свою подушку, на мои сухие подушки, и что-то пугает меня, когда касается моей щеки.

— Что за— Я беру маленький листок бумаги, мои брови сходятся вместе, когда я изучаю его.

Это... это летучая мышь-оригами?

Мое сердце учащенно бьется, когда я смотрю на это, мой разум лихорадочно работает, пока я пытаюсь понять, что было сном, а что реальностью.

Кладу фигурку на прикроватный столик, свешиваю ноги с кровати и оглядываюсь. Повсюду видны следы срабатывания разбрызгивателей, и это заставляет мое сердце учащенно биться в груди при мысли, что мой сон, возможно, был просто повторением реальности. Неудивительно, что все это кажется таким реальным.

Я нахожу свой телефон на полу посреди комнаты, под ним небольшая лужица. Поднимая его, я вытираю его о пижаму, которая на мне, которую я не надевала, когда впервые переодевалась, когда Ант был здесь, и я разбудила его.

Я получила целый поток сообщений от папы, который проверяет, все ли на самом деле в

порядке. Но только из-за сообщения от Деймона, мое сердце подпрыгивает к горлу.

Деймон: Продолжай оглядываться через плечо, Ангел. Ты видела меня не в последний раз.

Меня захлестывает прилив желаний, прежде чем я проклинаю себя. Эта угроза не должна быть для меня заманчивой. Я должна хотеть, чтобы он ушел. Но я боюсь, что все, чего я смогу достичь, это фантазировать о том, когда он появится и снова «накажет» меня за то, что я накачала его наркотиками. Если то, что произошло прошлой ночью, вообще можно назвать наказанием.

Только когда я сижу за кухонным столом с чашкой кофе, я наконец смотрю на время.

— О, черт, — выдыхаю я, вскакивая и мчась к ванной. Не то, чтобы это принесло много пользы. Я уже опаздываю.

— Что, черт возьми, произошло прошлой ночью? — лает Нико, когда я после школы бегу в раздевалку для девочек на урок гимнастики. Я опаздываю после того, как наша учебная сессия затянулась, и у меня действительно нет времени на его бред.

Подтягивая рубашку повыше на горле в жалкой попытке скрыть отметины от его любопытных глаз, я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь к нему лицом.

— Мило с твоей стороны показать свое лицо и выяснить все самому.

— Это была середина гребаной ночи. Я был разбит.

— Вот тебе и защита от всех ужасов в мире, — бормочу я, мои глаза закатываются так сильно, что становится больно.

Его губы приоткрываются, чтобы возразить, но он быстро решает воздержаться от того, что собиралось сорваться с его губ.

— Тебе нужно решить, на какой линии всего этого властного, сверхзащитного большого брата ты стоишь, Нико. Ты не можешь пытаться контролировать мою жизнь в одну секунду, а потом наплевать, если в следующую я сгорю дотла в домашнем пожаре.

— Папа сказал, что с тобой все в порядке.

— Не в этом дело, придурок, — шиплю я.

Реальность такова, что прошлой ночью я не хотела, чтобы он приближался к дому или моему подвалу. Но дело не в этом.

Он пытается показать, что он весь такой по-братски защищающий, бросает все силы и следит за тем, чтобы я делала только то, что он хочет, чтобы я ни делала, но его нет рядом, когда он потенциально может мне понадобиться.

— Ты лицемер, — огрызаюсь я. Я не в первый раз произношу эти слова, и я уверена, что не в последний. — Сколько девушек было прошлой ночью? Так вот почему ты не смог прийти мне на помощь? — Я съеживаюсь от своих собственных слов.

— У меня не было—

— Малышка Си, вот ты где, — раздаётся громовой голос из коридора, заставляя мой желудок сжаться.

— Деймос, — рычит Нико, уже предсказывая, что должно произойти.

Рука Алекса обнимает меня за плечо, и он притягивает меня к своему телу, прикасаясь губами к моему уху.

— Ты в порядке, детка? Ты не ответила на мои сообщения.

Поднимая сумку повыше на плечо, я вырываюсь из его хватки и пристально смотрю на него.

— Что? — спрашивает он. — Я забеспокоился, когда увидел групповой чат этим утром.

— Ты в курсе, что если бы там действительно был пожар, мне пришлось бы разбираться с ним в одиночку прошлой ночью, верно?

Очевидно, что это неправда, и я слишком остро реагирую на их бездействие прошлой ночью, но я ничего не могу с этим поделать.

— Деймон сказал — начинает Нико, но обрывает себя, когда мой взгляд становится убийственным.

Благодаря Анту и Дейману — черт возьми, и Алексу тоже — я сумасшедшая. Мои эмоции переполнены, нервы на пределе, и я понятия не имею, что делать дальше. Это означает, что моя обычная реакция на все — слишком остро реагировать и огрызаться на всех.

Хотела бы я быть более уравновешенной во всем этом. Возможно, я буду через несколько дней, как только все уляжется.

— Черт, Кэл, — сказал Алекс, нервно потирая затылок. — Я проспал до утра. Думаю, ты утомила меня, когда приходила ко мне. — Его ухмылка становится шире, когда Нико рычит в гневе.

— Ты была у Алекса прошлой ночью?

— Я покончила с этим. Вы оба просто убирайтесь с моего чертова пути. — Я протискиваюсь мимо Алекса, толкая плечо моего брата, когда он просто стоит там, свирепо глядя на него с пульсирующей раздражающе-кровавой жилкой на виске. — Я уже знаю, что прошлой ночью у тебя не было компании, — бросаю я через плечо. — Ты никогда не бываешь таким невыносимым придурком, когда трахаешься.

— О, братан, она тебя выпорола, — воет Алекс.

К счастью, я пропускаю реакцию Нико, когда вхожу в раздевалку и оказываюсь в окружении бессмысленных девчачьих сплетен.

— Калли, что случилось? — спрашивает Стелла в ту секунду, когда отрывает взгляд от застегивания спортивного лифчика, и обнаруживает, что я стою посреди комнаты, как будто мне здесь не место.

— Н-ничего. Просто Нико ведет себя как обычно, придурок.

— Он весь день был похож на медведя с больной головой, особенно учитывая, что ты избегала всех, как чумы.

— Я чувствую себя не очень общительной, — бормочу я.

— Что случилось? Я думала, что пожар был ложной тревогой.

— Это было... Я просто... — Мои глаза жгут слезы, а в горле образуется комок.

— Черт, Кэл. — Стелла бросается вперед и обнимает меня, пока я борюсь, чтобы не развалиться на части перед командой сук, которая является командой по гимнастике.

— Я в порядке, — шепчу я, когда чувствую себя немного сильнее. — Я просто измотана. Мне нужно убрать подвал, а Нико — засранец.

— Не могу поспорить с последним, — беспечно говорит Стелла. — Но тебе не нужно заниматься этим делом в одиночку. Хочешь бросить это, захватить немного еды и Эмми, пойти и начать?

— Нет, я не могу просить тебя—

— Каллиста Чирилло, — рычит она, в ее тоне звучит предупреждение, которое у меня нет выбора, кроме как воспринимать всерьез.

— Мисс Питерсон будет в бешенстве.

— Трахни ее. Ты важнее. Кроме того, это даст нам возможность поговорить. Что-то подсказывает мне, что ты избегаешь этого с прошлых выходных.

— Я-я не. Я—

— Калли, — выдыхает она. — Не лги мне.

Я вздыхаю, не желая продолжать убегать от всех и скрывать, что я чувствую.

— Просто в последнее время все стало немного не по себе.

— Мне жаль, — говорит она.

— Это не твоя—

— У нас происходило столько дерьма, что мы пренебрегали тобой.

Я качаю головой. — Я привыкла к—

— Нет. Просто нет. Только потому, что парни уже так с тобой обращались, это не значит, что это правильно, и мне жаль.

Она делает шаг назад и оглядывается на остальных членов команды, которые не обратили на нас никакого внимания. Возможно, это как-то связано с тем фактом, что моя лучшая подруга — крутая задница, которая на данный момент ударила не одну из них и в целом снова и снова доказывала, что она намного лучше любой из их элитных задниц.

— Пойдем, пока не появилась мисс Питерсон.

Накинув на плечи толстовку с капюшоном, она засовывает ноги в кроссовки и берет сумку.

— Ты на машине? — спрашивает она, когда мы выскользываем из раздевалки и направляемся по теперь, к счастью, пустому коридору.

— Да.

Стелла достает свой телефон и начинает отстукивать, прежде чем поворачивается ко мне и говорит: «Эмми в деле».

Улыбка растягивает мои губы, когда меня поражает осознание того, как сильно мне нужно было немного времени с моими девочками.

Потребность рассказать им правду о том, что происходит, сжигает меня, но я знаю, что не могу. Я не могу произнести им имя Анта. Если кто-то еще узнает и сплетни распространятся, он может быть мертв до захода солнца. А что касается Деймона. Что ж... Я думаю, мы просто продолжаем притворяться, что там ничего не произошло. Я имею в виду, мы делаем это с Хэллоуина, так что это не должно быть слишком сложно.

Только теперь он не игнорирует тебя.

Я хочу поделиться со своими девочками и сказать им, что я наконец-то потеряла свою V-карту. Но в то же время я не готова к тому, чтобы они узнали.

Стелла берет инициативу в свои руки и открывает мою водительскую дверь, прежде чем у меня появляется шанс приблизиться, но я не жалуясь. Я более чем счастлива, что мне не нужно ни на чем сейчас сосредотачиваться.

Я ожидаю, что она направится напрямик ко мне, поэтому сажусь немного прямее, когда она делает поворот, которого я не ожидаю.

— Куда мы направляемся?

— Встречаемся с Эмми и получаем то, в чем, я думаю, ты отчаянно нуждаешься.

Сбежать?

— Ах, да? — спрашиваю я, любопытствуя узнать, чего, по ее мнению, мне сейчас не хватает — помимо моего здравого смысла, очевидно.

В ту секунду, когда она ведет нас к территории Жнецов, у меня появляется очень

хорошая идея о том, куда мы направляемся. Упомянутое кафе быстро стало любимым местом Стеллы и Эмми в городе, где они могут потусоваться и набить свои лица большим количеством сахара, чем, я уверена, они должны съесть за месяц.

Я была здесь с ними всего пару раз, и я не могу спорить, что Стелла права. Это именно то, что мне нужно.

Я замечаю мотоцикл Эмми на несколько мест впереди нас, когда Стелла паркуется, и мы выходим.

Она подходит к нам, сняв шлем и сунув его под мышку, и мы втроем заходим в вафельную лавку.

Как только мы заходим внутрь, у меня в животе громко урчит от сладкого запаха сахара, и все взгляды обращаются на меня.

— Сожалеешь, что отказалась от обеда сейчас? — спрашивает Стелла с понимающей ухмылкой.

— Я просто не хотела иметь дело с людьми, — признаюсь я. Мысли о том, что мне придется сидеть в центре группы и, вероятно, быть вынужденной выслушивать дерьмо Нико, было достаточно, чтобы заставить меня бежать в убежище библиотеки.

— Мы понимаем, — говорит Эмми, подталкивая меня в плечо, когда мы направляемся к кабинке в задней части небольшого кафе. — Временами с ними трудно смириться.

— Только с ними? — спрашиваю я легкомысленно.

— Ты любишь нас и знаешь это. Представь, какой была бы твоя жизнь сейчас, если бы мы никогда в нее не врезались.

«Проще», — думаю я, когда мы усаживаемся на места. Но это не то, что слетает с моих губ. — Я не хочу думать об этом. Моя жизнь была отстойной до того, как появились вы двое.

— Это то, что нам нравится слышать, — со смехом говорит Стелла. Вынимая меню из подставки, она протягивает их нам, как будто мы действительно собираемся их читать.

— Итак, что нового? — Я спрашиваю их, надеясь обратить это против них, но в ту секунду, когда их взгляды прожигают мне макушку, я понимаю, что мне чертовски не повезло с этим.

— Ничего. На этот раз жизнь спокойна. Тоби счастлив, с Джоди все будет в порядке.

— Что насчет Сары? Последнее, что я слышала, она все еще была в коме после пожара в Ловелле.

Стелла грустно вздыхает.

— В значительной степени все то же самое. Джоди продолжает сообщать, что у нее есть прогресс, но она все еще спит, и они на самом деле не знают, что произойдет.

— Черт, это...

— Да, — печально бормочет Эмми, когда над нами нависает гнетущая тишина.

— Тем не менее, все остальные в порядке, — говорит Стелла, придавая своему тону легкость. — Итак, остаешься только ты.

— Я в порядке, — говорю я, кажется, в миллионный раз за последние два дня. — Я просто устала.

— Мы не идиотки, Кэл, — говорит Эмми. — Мы знаем, что с тобой что-то не так, и мы знаем, что это нечто большее, чем просто быть в стороне от того, что происходило на прошлой неделе. Поговори с нами, пожалуйста, — умоляет она.

— Я-я... — начинаю я, но быстро обнаруживаю, что не могу подобрать ни слова. Я не могу рассказать им об Анте. Я не могу рассказать им о Деймоне. Чувство вины сжимает

меня изнутри, когда я смотрю на них обеих, умоляя их просто бросить это. Чтобы сменить тему.

К счастью, официантка подходит принять наши заказы, давая мне несколько дополнительных минут, чтобы придумать ответ.

Не то чтобы это помогло.

К тому времени, как она снова уходит, я все еще сижу здесь со скрученным желудком и колотящимся в горле сердцем.

И следующие слова Стеллы ничуть не улучшают ситуацию.

— Знаешь, я видела тебя, — тихо говорит Стелла, ее глаза сверлят мои, когда я резко втягиваю воздух.

— Ооо... на чем тебя поймали, малышка Си?

— Не называй меня так, — огрызаюсь я, мое сердце колотится о ребра, пока я жду, когда она расскажет, что она видела.

— Прошлой ночью кто-то выползал из нашего здания, как непослушная маленькая принцесса, — поддразнивает Стелла.

Вздых облегчения, который хочет сорваться с моих губ, почти невозможно сдержать, когда я понимаю, что то, что она видела, — наименьшее из моих преступлений за последнее время.

— Мы с Алексом работали над проектом по английской литературе. Здесь нечему радоваться.

— Но вот тут ты ошибаешься, Кэл, — говорит Эмми, ее глаза блестят от возбуждения. — Если ты была в квартире Алекса, то, вероятно, кто-то был очень, очень взволнован. Этот парень сохнет по тебе, девочка.

Я хочу возразить, но потом вспоминаю, как меня прижали к двери, когда он смотрел на меня сверху вниз, его глаза сфокусировались на моих губах.

Иисус. Я сейчас по уши в дерьме.

— Между мной и Алексом ничего не происходит, — утверждаю я.

— Пока, — добавляет Стелла с ухмылкой. — Я знаю, что, возможно, это неправильно говорить, учитывая ситуацию со старшим братом и все такое, но я думаю, что из вас двоих вышла бы милая пара. И я знаю, что он немного шлюха, но я считаю, что у него есть навыки.

— Судя по тому, что я слышала, это так, — подтверждает Эмми. — Две девушки разговаривали на моем уроке рисования на прошлой неделе—

— Остановись, пожалуйста, остановись, — умоляю я. Я уже вынуждена выслушать более чем достаточно этого дерьма от парней. Мне это не нужно еще и от моих девочек.

— Что? Я просто говорю. Потерять V-карту из-за него было бы предпочтительнее, чем из-за многих, многих других.

Отрывая взгляд от их ухмылок, я отвлекаюсь, когда кто-то знакомый заходит в кафе и оглядывается.

— Могло быть хуже. Это мог быть кто-то вроде него, — шутит Стелла.

— Ты знаешь, кто это, верно? — Спрашиваю я, удивленная тем, что она может быть такой наблюдательной большую часть времени, но присутствие Джерома полностью проходит мимо нее.

— Э-э... ну, судя по его форме, я предполагаю, что это тот, кого я должна знать, но... неа.

— Это Джером, — указываю я. — Его отец — солдат.

— Нет, — выдыхает Эмми, ее глаза впиваются в него.

Он милый, по-настоящему собранный, тихий, занудный. Совсем не в стиле Стеллы и Эмми, если судить по их мальчикам — и, исходя из моего недавнего опыта, я с радостью скажу, что он тоже не мой.

Он спокоен, безмолвен, серьезен. Полная противоположность плохим парням, которыми мы окружены ежедневно.

И он хорошая компания. Он не сует свой нос туда, куда не хотят. Он просто... друг.

— Только не говори мне, что он собирается последовать их примеру. Они съедят его живьем. — Стелла пожимает плечами.

— Понятия не имею, — честно говорю я. Всякий раз, когда мы проводим время вместе, у меня всегда создается впечатление, что он не хочет говорить об этом, и, честно говоря, я тоже, поэтому мы оба просто... избегаем этого.

— Я думаю, каждой преступной организации нужен специалист по ИТ. Он мог бы отлично вписаться, — язвит Эмми.

— Не суди. На самом деле он довольно милый.

Они обе смотрят на меня так, словно я сошла с ума.

— Что? Я знаю его всю свою жизнь. У нас было много совместных занятий. На самом деле он мой партнер по математике. Он—

— Скучный? — предлагает Стелла, фыркая.

— Ты подлая.

— Я знаю, мне жаль. Но это просто еще одно доказательство того, что ты должна позволить Алексу раскусить эту вишенку. Такой хороший парень, как этот, никогда бы не попал в нужное место.

— Аминь.

Я вздыхаю, оглядываясь на Джерома, когда он поправляет очки на носу, его глаза прикованы к меню, как будто он боится посмотреть куда-либо еще, кроме.

— Ты думаешь, он здесь один?

— А что, ты хочешь пригласить его к нам? — спрашивает Стелла.

— Черт возьми, нет, вы двое оставите ему шрам на всю жизнь. Просто немного грустно, если это так.

Официантка, доставляющая три полные вафли с соленой карамелью и горячий шоколад, отвлекает наше внимание от Джерома. Я жадно смотрю на еду, мой рот наполняется слюной, а в животе урчит.

— Боже, мне это нужно, — стонет Эмми, заставляя Стеллу фыркнуть. — Что? — спрашивает она.

— Ты говоришь точно так же, когда выпрашиваешь член Тео.

— Я так не делаю.

— Ты так делаешь.

Качая на них головой, я хватаю вилку и погружаюсь в еду.

— О Боже мой, — стону я.

— И именно так будет звучать голос Калли, когда она будет умолять Алекса.

— Я не буду спать с Алексом, — бормочу я. — О, смотрите, — говорю я, благодарная за то, что мне удалось разрядить обстановку, когда женщина, которую я узнаю, входит в парадную дверь.

— Это его мама? — спрашивает Стелла, когда женщина проскальзывает в кабинку к

Джерому, предварительно поцеловав его в щеку.

— Да. Айрис прекрасна.

— Можете ли вы представить кого-нибудь из наших парней на вафельном свидании со своей мамой? — размышляет Эмми.

— Тоби мог бы, — объявляет Стелла. — Он бы сделал что угодно ради такой сладости.

— Держу пари, Алекс бы тоже, — говорю я, мгновенно сожалея об этом, когда они обе переводят свои взгляды на меня.

— Видишь, ты знаешь его лучше, чем пытаешься показать.

— Я этого не делаю, — дуюсь я. — Я просто знаю, что Джанна потрясающая и что у него не было бы проблем с тем, чтобы проводить с ней время.

— Она права, — указывает Эмми.

К счастью, мне удастся перевести разговор на школу, занятия и наши предстоящие экзамены.

— Ты готова к следующему году? — спрашивает меня Стелла.

— Нет, ни в коем случае, — говорю я, поднося кружку к губам, чтобы добавить еще сахара.

— Тем не менее, ты отправила все свои заявки, верно?

— Ты знаешь, что я это сделала. Я просто... Я не знаю. Не думаю, что я действительно хочу в университет.

— В этом нет ничего плохого, — уверяет меня Эмми.

— Вы знакомы с моими родителями, верно?

— Едва.

Я вздыхаю, ненавидя весь этот груз, который сейчас давит на мои плечи.

Их ожидания изнуряют. Хорошие оценки, уважаемый университет, стоящая ученая степень, достойный муж и как можно больше маленьких мальчиков, которых я смогу заставить выйти из своей вагины, чтобы продолжить империю.

Я думаю, это звучит не так уж ужасно. Жизнь, безусловно, могла быть хуже, но это не значит, что я рада тому, что меня ждет в будущем прямо сейчас.

Я хочу делать свой собственный выбор. Не то чтобы я знала, какими они были бы прямо сейчас. Я просто знаю, что хочу их. Я хочу контролировать свою жизнь, а мне постоянно кажется, что она утекает у меня сквозь пальцы, как песок.

— Вы, ребята, готовы отправиться в путь? — спрашиваю я, отодвигая свою кружку, в то время как мой желудок немного скручивается. Возможно, я немного перестаралась со сладостями. Или это может быть просто ужас от того, что мне придется перебирать все в своей комнате и видеть, что этот идиот испортил, когда решил провернуть этот трюк прошлой ночью.

— Да, у меня сейчас хороший уровень сахара, — объявляет Эмми.

— Тогда пошли.

Я выскальзываю из кабинки и предупреждаю Айрис о своем присутствии.

— Калли, — зовет она, широкая улыбка растягивает ее губы.

Подходя, я приклеиваю на лицо собственную улыбку.

— Привет, как дела? Привет, Джером.

Он поднимает на меня взгляд, и я клянусь, что его щеки пылают в моем присутствии, несмотря на то, что он провел большую часть дня со мной в библиотеке.

— У нас действительно все хорошо, милая. Мне нравится твоя новая прическа.

— О, спасибо. Мама не в восторге от этого, — бормочу я.

— Это действительно тебе подходит. Ты так не думаешь, Джером?

Я уверена, что, если бы я могла видеть через стол, я бы увидела, как она пнула его в голень.

— Э... да. Это выглядит... красиво.

Кто-то позади меня кашляет, чтобы подавить смех. Я бы поставила деньги на то, что это Эмми.

— С-спасибо тебе, — шепчу я, ерзая на ногах и более чем готовая убежать.

— Я должна связаться с твоей мамой, посмотреть, сможем ли мы снова организовать семейный ужин. Прошло слишком много времени.

Я бормочу что-то вроде согласия, прежде чем Стелла подходит ко мне.

— Привет, я Стелла.

— Дукас, верно? — спрашивает Айрис.

— Единственная и неповторимая. — Она широко улыбается, ее глаза переводятся с них обоих — не то чтобы Джером действительно отрывал взгляд от стола.

— Так приятно наконец познакомиться с тобой. Я так много слышала.

— Надеюсь, все хорошо, — поддразнивает Стелла. — Извините, что мы отвлекаем, но нам нужно украсть Калли. У нас просто перерыв перед тем, как мы пойдем учиться.

— О, конечно. Вы, ребята, идите и делайте свое дело. На самом деле, мы делаем то же самое. Джером тоже испытывает давление из-за предстоящих экзаменов. Мы понимаем.

— Спасибо. Скоро увидимся, — говорю я в спешке, прежде чем Стелла вытаскивает меня из кафе.

— Господи, что, черт возьми, это было? — спрашивает Эмми, как только дверь за нами плотно закрывается. — Он как... Я даже не знаю.

— Задушен. Он единственный ребенок в семье, так было всегда, — объясняю я. — Если вы останетесь с ним наедине, он на самом деле не такой...

— Жалкий? — Стелла услужливо подсказывает.

— Он хороший парень, он просто раздавлен своей семьей и их ожиданиями от него.

Кое-что, что я понимаю слишком хорошо.

15

ДЕЙМОН

Я издаю болезненный вздох и падаю обратно на диван, прикрывая глаза рукой, чтобы заслониться от света.

Моя голова все еще чертовски затуманена от этих таблеток, и моя потребность снова быть с ней почти невыносима, чтобы игнорировать.

Я надеялся, что она сможет связаться со мной сегодня утром. Хочу кое-что сказать о том факте, что прошлой ночью я довел ее до очень тонкой грани освобождения, прежде чем исчезнуть в темноте почти так же быстро, как и появился.

Звуки ее разочарованных криков до сих пор звучат у меня в ушах.

Мой член набухает, когда я думаю о ней, сидящей на кухонном островке и доводящей себя до оргазма мыслями обо мне, заполняющими ее голову.

Засовывая руку под спортивные штаны, я сжимаю основание своего члена, мое раздражение на самого себя растет. Я так сильно хотел ее прошлой ночью. Когда ее вкус

покрыл мой язык и заполнил рот, все, о чем я мог думать, это заставить ее кричать и чувствовать, как ее влагалище сжимается на мне, позволяя ей чувствовать каждый жестокий толчок моего члена, проникающего глубоко в нее.

Я вздрагиваю, когда моя входная дверь захлопывается за секунду до того, как женский голос достигает моих ушей.

— Милый, я дома.

Быстро перестраиваясь, чтобы она не могла видеть мой очевидный стояк, я слушаю, как ее легкие шаги приближаются ко мне.

— О нет, что случилось? Не убил сегодня достаточно придурковатых гангстеров, чтобы удовлетворить свою извращенную потребность стать мрачным жнецом? — В ее голосе звучит веселье, и я не могу сдержать ухмылку, которая подергивается на моих губах, когда я опускаю руки и моргаю, глядя на нее.

Ее светлые волосы убраны с лица, макияж, как всегда, в точку, и, хотя она может быть одета только в толстовку с капюшоном и джинсы, ее собранность заставляет меня съежиться.

— Ты забавная, — бормочу я, наблюдая, как она подходит к моему дивану и пристально смотрит на мои ноги, пока они не двигаются.

Подтягивая свое ноющее тело, я откидываюсь в угол и убираю ноги.

В ту секунду, когда ее задница касается подушки, она поворачивается ко мне, сморщив нос от отвращения.

— Тебе нужно пойти в душ.

— Спасибо, я знаю. Я тоже рад тебя видеть, — съязвила я.

— Ты знаешь, что я люблю тебя, Ди, но от тебя воняет, и ты весь в крови.

Яжимаю плечами. Кровавая часть не совсем необычна.

— С кем ты дрался? — спрашивает она, ее глаза находят каждый синяк и порез, которые у меня остались.

— Алекс.

— Я должна была догадаться, — говорит она, закатывая глаза.

Моя улыбка становится шире, когда я вспоминаю, как нанес Алексу пару крепких ударов в челюсть. Ему сейчас больно намного больше, чем мне, в этом нет сомнений. Забавно то, что он понятия не имеет, почему я так жестоко обошелся с ним сегодня.

Он просто предполагает, что у меня «один из тех дней», когда я хочу разорвать мир на части больше, чем обычно.

Но дело совсем не в этом.

Это она. Мой ангел.

И каждый раз, когда я узнаю, что он сблизился с ней, становится все хуже.

Потому что она моя.

Она может ублажать его, наполнять его маленькие грязные фантазии всем, что ей нравится. Но мы оба знаем, что, когда дойдет до этого, она будет согревать мою постель.

— Иди, смой эту вонь со своего тела, и я, возможно, просто закажу нам еду.

— Сделка. — Я вскакиваю, прежде чем повернуться к ней, запускаю пальцы в ее волосы и целую в лоб. — Ты лучшая, Айла.

— Фу, отстань от меня, грязный, потный мальчишка, — визжит она, впиваясь ногтями в мое предплечье в попытке заставить меня отпустить ее.

— Тебе это нравится, и ты это знаешь, — поддразниваю я, наконец отпуская ее волосы.

— Пфф, ты ничего не знаешь, маленький мальчик.

— О, так эти синяки у тебя на шее от какого-то милого и невинного ботаника, да?

Ее рука поднимается к горлу, а брови сжимаются в замешательстве.

— Я-я не понимаю, о чем ты говоришь.

Мой смех наполняет мою квартиру, и я направляюсь к своей спальне, сбрасывая одежду на ходу, а затем в душ.

Я оставляю его горячим, пока моюсь, а затем убавляю температуру до минимума и просто стою там, пока не могу больше терпеть.

Неважно, как холодно становится, как сильно начинают стучать мои зубы, мой стояк никогда не ослабевает.

Моя потребность в ней слишком сильна.

Но я отказываюсь обхватывать себя руками и поддаваться этому желанию.

В любом случае, это бы меня не удовлетворило.

Ничего, кроме того, что быть внутри нее, не сделало бы этого.

— Еда здесь, — кричит Айла через мою спальню, ее голос доносится через приоткрытую дверь ванной.

Я вздыхаю, запрокидывая голову навстречу ледяному потоку, который обрушивается на меня.

Айла была моим спасением на протяжении последних нескольких лет.

Она старше нас, уже учится в университете и живет своей лучшей жизнью. Но для нее не всегда было так.

Ее отец — солдат.

Ее брат был солдатом.

Я помню ночь, когда он умер, как будто это было вчера.

Меня не должно было там быть. Папа сказал мне держаться подальше. Но я просто знал, что в глубине души что-то пойдет не так в работе, на которую они направлялись.

Какие-то тупые ублюдки с другого конца города решили, что было бы хорошим решением заскочить на нашу территорию и начать продавать гребаные наркотики.

Чертовски плохой ход.

Папа организовал налет на их лагерь, но что-то было не так. Я чувствовал это.

И я оказался прав, когда они вошли прямо в зону боевых действий.

В ту ночь я усовершенствовал свой прицел из снайперской винтовки.

Я выскользнул из дома после ухода папы и сумел проникнуть в здание напротив, из которого была почти приличная обзорная площадка над внутренним двором, где, как я был убежден, вот-вот разверзнется весь ад.

Я помню, как смотрел, как Дрю упал на землю, и я мог видеть, как парни, которые это сделали, набросились на отца Айлы следующим.

Адреналин, который пронзил меня, когда я совершил это убийство, не был похож ни на что, что я когда-либо испытывал раньше.

Никто, блядь, не знал, где я был. Черт возьми, они не знали, кто я такой. Но я был там, я помогал. И это было все, чего я хотел в этом гребаном мире.

Алекс спал, когда я вернулся домой. Он даже понятия не имел, что я сбежал. Однако, когда папа вернулся, он знал. Это был первый раз, когда я увидел настоящую гордость, сияющую в его глазах. И это значило все, черт возьми.

Я провел свою жизнь, будучи второсортным близнецом. Тупой, не занимающийся спортом, темный. Внезапно у меня появилась причина, цель, и, хотя мы могли потерять Дрю той ночью, не было сомнений, что я спас нам множество жизней.

Та ночь изменила ход моего будущего. Спасибо, черт возьми.

Наконец, папа выслушал меня о том, что я не хочу учиться в шестом классе, чему, я знал, были рады остальные. Я не мог придумать ничего хуже, чем еще два года на дневном обучении.

Возможно, я не вышел из этого полностью, но сделка, которую мы заключили, была в миллион раз лучше, чем то, к чему я шел.

И это было не единственное, что изменилось. После того, как Айла узнала, что я был тем, кто спас жизнь ее отцу, у нас завязалась невероятная дружба, и это связь сохранилось.

Честно говоря, я понятия не имею, что она во мне нашла. Но она часто говорит мне, что я помогаю сделать ее жизнь более сносной. Черт знает, как, это не может быть связано с моей искрометной личностью. Но, черт возьми, если меня это волнует, когда одно мое присутствие, кажется, делает ее счастливой. После жизни, в которой мое нахождение в комнате имело противоположный эффект, это приятная перемена.

Натянув чистые спортивные штаны и футболку, я позволяю своему носу указывать дорогу, аромат томатного соуса и плавленого сыра становится сильнее с каждым моим шагом.

Смех срывается с моих губ, когда я заворачиваю за угол в свою кухню и нахожу Айлу, сидящую за моим столом, вытаскивающую изо рта кусок пиццы, к подбородку прилипли кусочки сыра, а на губах — соус.

— Напомни мне еще раз, почему ты одинока? — Спрашиваю я, выдвигая табурет рядом с ней и подтаскивая свою коробку, откидывая крышку и позволяя соблазнительному аромату окутать меня. — Мое любимое, — размышляю я, как будто она заказала бы что-нибудь другое.

— После этого комментария мне не следовало беспокоиться.

— Ты недостаточно храбра. — Отрываю кусочек собственной пиццы, я впиваюсь в нее зубами и стону.

Пылающая. Прямо как глубины ада.

Острый вкус хлопьев чили попадает мне на язык, и я быстро проглатываю остаток ломтика, превозмогая боль.

— Итак, была ли какая-то причина, по которой ты выбил дерьмо из Алекса?

— Больше причин, чем у меня обычно есть? — бормочу я с набитым ртом.

— Хорошо, дай мне угадать... это из-за девушки.

Я пристально смотрю на нее поверх следующего куска, мой лоб морщится от того, насколько чертовски прозрачным я, по-видимому, являюсь.

— Когда мы когда-нибудь ссорились из-за девушки?

— Я не знаю. — Она пожимает плечами. — Но с тобой что-то было не так в последнее время. Что-то, на что я не смогла указать пальцем. И единственное, что имеет смысл, это то, что это связано с девушкой.

— Ты можешь перестать подвергать меня психоанализу? — рычу я. — Ты знаешь, я ненавижу это дерьмо. Я, блядь, не задание для университета.

— Спасибо, черт возьми. Что-то подсказывает мне, что я не уложусь в срок, потому что, вероятно, потребуется целая жизнь, чтобы по-настоящему расколоть тебя.

Мои глаза сужаются, когда я смотрю на нее.

— Я не настолько облажался, знаешь ли.

— Конечно, — говорит она, одаривая меня ухмылкой. — Так ты собираешься это отрицать, или...

Закатывая глаза, я ублажаю ее полуправдой о ситуации. Она будет как собака с костью, если я ей что-нибудь не дам.

— Алекс охотится за тем, за кем не должен.

Она несколько секунд обдумывает мои слова.

— И ты что, пытаешься защитить добродетель этой девушки? Это очень... благородно с твоей стороны.

— Я просто пытаюсь поступать правильно.

— Конечно. Тогда, наверное, мне лучше начать называть тебя Матерью Терезой? — язвит она, ее бровь удивленно приподнимается. — Или ты мог бы просто сказать мне правду.

— Это правда. И дело не в девушке. — Ложь. — Это об Алексее. Он совершает ошибку, и я хочу увидеть, как он осознает это, прежде чем окажется в центре событий, из которых не сможет выбраться.

— Правильно.

— Хочешь выпить? — спрашиваю я, мой рот горит, а глаза угрожают начать слезиться, если я продолжу есть пиццу так быстро.

— Конечно. Однако я докопаюсь до сути.

— Не в чем докопаться до сути. Я просто присматриваю за Алексом. Так что с тобой происходит? Эти отметки любезно предоставлены кем-то серьезным? — спрашиваю я, поставив пиво рядом с ней.

Да, моя лучшая подруга, может быть, и девушка, но, когда она со мной, она просто один из парней, только с более соблазнительным телом. Не то чтобы я когда-либо туда ходил. Между нами никогда не было и никогда не будет ничего подобного.

— Пфф, я не занимаюсь серьезными отношениями, и ты это знаешь.

— Кто-то в конце концов заставит тебя изменить свое мнение.

— Они должны быть чем-то действительно чертовски особенным. Ты же знаешь, что у меня нет никакого желания участвовать во всей этой чепухе про женатых и детей, которую хотят для меня мои родители.

— Я знаю, знаю. Но ты заслуживаешь кого-то достойного. Твои связи — это придурки.

Она смеется, потакая мне, как будто мы не говорили об этом миллион раз.

— Кто бы говорил, Ди?

Я качаю головой. — Я не такой, и ты это знаешь.

— Трахаешь безликих женщин, чтобы получить кайф? Да, это именно то, на что похоже. Тебе не нужно ничего приукрашивать для меня.

— Не-а, у меня сто лет ни с кем такого не было.

Мои глаза устремляются к ней, поскольку шок лишает меня дара речи. Я не хотел говорить это вслух.

Поднимая руку, я потираю заднюю часть шеи.

— Продолжай говорить. Я, блядь, знала, что там была девушка.

— Нет, — отступаю я. — Я просто был слишком занят, и никто на самом деле не привлекал меня.

— Значит, ты не думал о ней, когда я вошла сегодня сюда? Не из-за нее твои спортивные штаны выглядели подозрительно тесными.

— Нечего рассказывать.

— Ты такой никудышный лжец. Может, мне просто позвонить Алексу, — насмехается она, доставая телефон из кармана толстовки. Но я знаю, что она просто пытается разоблачить мой блеф. Она не стала бы ему звонить. У них двоих происходит какая-то странная связь между любовью и ненавистью, в которой я так и не разобрался по-настоящему.

— Тогда продолжай. Хотя он, вероятно, слишком занят зализыванием своих ран.

— Или, может быть, девушка, из-за которой ты так запутался, делает это для него. Целует его синяки и дует на раны, чтобы все стало лучше. — Она приподнимает брови, глядя на меня, и я улыбаюсь. Хотя все это время я умираю внутри от того образа, который она только что нарисовала.

16

КАЛЛИ

— Каллиста, ты там, внизу? — Зовет пронзительный мамин голос.

Это бессмысленно. Она, должно быть, увидела мою машину, припаркованную снаружи, когда вспомнила, что она здесь живет, и, очевидно, меня нет дома. Где, черт возьми, мне еще быть?

Стелла и Эмми стонут при звуке ее голоса. Ни одна из них не знает ее достаточно хорошо — у них никогда не было шанса, — но они многое узнали благодаря мне.

Раньше я чувствовала себя виноватой, обливая ее грязью, потому что все могло быть намного хуже. У меня всегда был дом, еда, одежда, больше денег, чем у большинства, и все привилегии, которые с этим связаны. Но я останусь при своем мнении, что моя мама не была создана для того, чтобы быть матерью. Я не думаю, что в ее теле есть хоть одна материнская косточка.

Нас с Нико в основном воспитывали няни. Несколько нянь, потому что большинство из них не могли смириться с мамиными идеалами в отношении того, как она хотела, чтобы о нас заботились. Возможно, она была невнимательна к нам, но это не означало, что она не была самоуверенной. Во многом такая, какой она остается сейчас.

Я бросаю взгляд через плечо на своих девочек, но мне не нужно произносить слова, которые вертятся у меня на языке. Вместо этого они немедленно приступают к действию, скрывая свидетельства моего нового хобби, пока мамы шаги спускаются по лестнице.

В ту же секунду, как появляется ее голова, ее глаза осматривают комнату, прежде чем остановиться на мне, и она неодобрительно фыркает.

На мне шорты и укороченная толстовка с капюшоном. В моем собственном доме.

— Серьезно, Каллиста? В этом ты выглядишь так, как будто тебе следует быть в Ловелле.

— Добрый вечер, миссис Чирилло, — говорит Стелла, пытаясь разрядить ситуацию, — не то чтобы я когда-либо что-то сказала бы ей в ответ. Я недостаточно храбра.

— Эстелла. Эмми, — приветствует она сквозь стиснутые зубы.

— Они просто помогают мне прибраться после прошлой ночи.

— Джослин не приходила, пока ты была сегодня в школе? — спрашивает она, имея в

виду нашу экономку, также известную как многострадальная женщина, которой мама ежедневно руководит. Я могу только предположить, что она платит ей кучу дерьмовых денег, потому что не может быть никакой другой причины, по которой она продолжала бы работать на тирана.

— Я оставила ей записку, чтобы сообщить, что ей следует сосредоточиться на остальной части дома. Я подумала, что ты захочешь, чтобы все было идеально перед возвращением.

Мама улыбается этому, но ее нос все еще задран от состояния моей комнаты.

— Хорошо, хорошо, я предлагаю тебе разобраться с этим, или я пришлю ее сюда завтра, чтобы она сделала это за тебя.

— В этом не будет необходимости.

— Ты поела? — спрашивает она. Кому-то другому может показаться, что она спрашивает об этом, потому что ей не все равно. Но затем она продолжает: — Ты выглядишь худой и бледной. Я собираюсь поговорить с Джослин о твоей диете.

— Я в порядке, мам. И я скоро поднимусь, чтобы поужинать.

Обе ее брови взлетают вверх от моего выбора слов, но, к счастью, она решает больше ничего не говорить на эту тему.

— Кстати, я сказала Селене, что ты посидишь с детьми в пятницу вечером.

— Верно, — бормочу я. — Что, если у меня есть планы? — Недовольно спрашиваю я.

— Отмени их, — говорит она, пренебрежительно пожимая плечами, от чего моя кровь начинает закипать.

Это чушь собачья, у меня нет никаких планов. Но дело не в этом.

Она кивает, как будто мое молчание означает согласие, и направляется обратно вверх по лестнице, не сказав больше ни слова.

Только когда этажом выше закрывается дверь, я выпускаю дыхание, которое задерживала.

— Она мне не нравится, — бормочет Стелла. — И я ненавижу, что ты чувствуешь, что должна скрывать все это от нее.

— Она скрывала это от нас еще несколько часов назад, — указывает Эмми.

— Да, например это, — говорит Стелла, поворачиваясь ко мне с одной из толстовок, которые я разработала и сшила в ее руках.

— Мне просто нужно было что-то, чтобы отвлечься от... жизни. Я просто балуюсь со всем этим. — Это тот же аргумент, который я использовала с тех пор, как они пришли за мной и обнаружили, что все, над чем я работала последние несколько недель, сохнет по всей комнате.

— Это должно быть больше, чем просто развлечение, Кэл. Это невероятно.

— Тебе следует открыть магазин Etsy или что-то в этом роде. Может быть, ты сможешь заработать достаточно собственных денег, чтобы уехать от Круэллы де Виль, — предполагает Эмми.

— Как будто они позволили бы это. Единственная причина, по которой я смогу съехать, — это когда у меня будет идеально подходящий будущий муж, к которому я смогу переехать.

— Это чушь собачья, — выплевывает Стелла.

— Тебе не нужно мне этого говорить. Тот факт, что они позволили мне переехать сюда, — маленькое долбаное чудо.

— Итак, я предполагаю, что Алекс не является достойным поклонником для тебя? — спрашивает Эмми.

— Честно говоря, ее стандарты настолько высоки, я не думаю, что кто-то будет достоин.

— Ты когда-нибудь приводила домой мальчика? — спрашивает она, хотя я не уверена, почему ее это беспокоит. Она, должно быть, уже знает ответ.

— Я стараюсь не приводить вас двоих сюда, когда знаю, что она может показать свое лицо. Я вряд ли собираюсь подвергать этому парня.

— Нико понятия не имеет, как легко ему это дается, не так ли? — спрашивает Стелла, складывая толстовку и переходя к следующей. — Кстати, мне понадобится одна из них. — Она прижимает темно-синюю ткань к груди, и Эмми смеется, читая текст на спинке.

Не обычная принцесса.

— Возьми это. Я в основном разработала это для вас. Ты тоже, Эм.

— Я не надену ничего с надписью «принцесса» и гребаной короной, — дуется она.

— Отлично, а как насчет этого? — Я роюсь в стопке, которую уже сложила, пока не нахожу черную рубашку с длинными рукавами с надписью: «*Осмелся, недооценить меня*» спереди.

— Это больше похоже на то, — говорит она с улыбкой, протягивая цепкие руки, чтобы взять ее. — Спасибо.

Она быстро снимает свою школьную рубашку и натягивает ее через голову.

— Идеально сочетается с моим лицом сучки, тебе не кажется?

— Ты идиотка, — смеется Стелла. — Тем не менее, она права насчет Etsy. Ты могла бы легко продать все это.

Я пожимаю плечами. — Возможно. Посмотрим. У меня и так достаточно забот. Это был просто побег от реальности.

— Это может быть ответом на твои вопросы о твоём будущем.

— Я не уверена, что запираение себя здесь и изготовление толстовок и прочего каким-то образом оправдывает ожидания Чирилло от меня, — печально бормочу я. Если бы мои родители были похожи на кого-то из них, то я уверена, что это было бы возможно. К сожалению, это не моя реальность.

— Тебе следует заниматься дизайном и бизнесом, если это вообще возможно. Узнай все, что нужно, чтобы запустить это в работу.

— Я бы хотела, — бормочу я. — Ничего, кроме моего стандартного диплома по бизнесу, не подойдет.

— Но ты не хочешь этого делать.

— Тебе не нужно мне этого говорить, — возражаю я.

— Просто провали свои экзамены. Проведите еще один год в Найтс Ридж с нами. Удваивай искусство и дизайн и заставь это действовать.

— С той скоростью, с которой я иду, мне, возможно, не придется слишком стараться.

— Калли, — вздыхает Стелла. — Не будь так строга к себе. Ты справишься потрясающе.

— Потрясающе в их глазах или в твоих?

— Пошли они к черту, Калли, — выплевывает Эмми. — Нам насрать на их стандарты. И тебе тоже следует, хотя я знаю, что это легче сказать, чем сделать. Это твое будущее, твоя жизнь.

— И тебе скоро восемнадцать. Вам не нужно слушать ни слова от них.

— Я уверена, что они нашли бы способ заставить меня, — печально вздыхаю я.

К счастью, телефон Стеллы прерывает тяжелую тишину, которая следует за моими словами, за которыми быстро следует громкое: «Да».

— Что это? Себ, наконец, видит результаты от таблеток для увеличения члена, которые он купил? — Эмми спрашивает так серьезно, что я не могу не фыркнуть.

— Что? — Стелла бледнеет. — Вы оба знаете так же хорошо, как и я, что Себ не нуждается ни в какой поддержке в этом отделе. Я счастливая девушка.

— Убейте меня, — бормочу я.

— Ой, извини, малышка Си. Больше никаких разговоров о члене, мы обещаем.

Я закатываю глаза на Эмми и снова перевожу внимание на Стеллу.

— Так что же это было?

— Сюрприз на следующей неделе.

— О, они перезвонили тебе? — Взволнованно спрашивает Эмми, прекрасно понимая, чем занималась Стелла.

— Да, и это все наше.

— Черт возьми, да. Это будет потрясающе.

— Кто-нибудь хочет сказать мне, что будет потрясающе?

Они обе поворачиваются ко мне, на их губах играют злые улыбки.

— Все, что тебе нужно знать, это то, что ты должна очистить свой дневник в течение первых нескольких дней каникул. Судя по всему, нас ждет весенняя жара, и мы собираемся максимально использовать ее с шиком.

— Мне нужно больше, чем это, — бормочу я.

— Нет. Просто знай, что это будут лучшие несколько дней в твоей жизни, и...

— И, если ты правильно разыграешь свои карты с Алексом, может быть, ты могла бы—

— Скажи мне, что ты не планировала вечеринку «давай трахнем Калли», умоляю я.

— Нет, это может быть просто счастливым совпадением.

— Он так страстно влюблен в тебя, и несколько дней вдали от дома, возможно, как раз то, что тебе нужно. В конце концов, это привело тебя в его постель в прошлые выходные.

— Я не отдам Алексу свою V-карту.

Потому что я уже отдала ее дьяволу.

— Посмотрим. Тебе понадобится самое горячее бикини, которое у тебя есть. К черту все, нам нужно пройтись по магазинам. Купим несколько новых вещей, которые действительно сведут наших мальчиков с ума.

— А мой брат? — Спрашиваю я, приподнимая бровь.

— Будет почти так же интересно наблюдать, как он, наконец, сорвется, как и наблюдать, как Алекс пускает слюни на твое чертовски горячее тело.

— Вы двое — проблема.

— С большой буквы «П», детка.

— Ты закончила, милая? — Спрашивает Джослин, подходя, чтобы забрать мою пустую тарелку.

— Это было потрясающе, спасибо, — говорю я с благодарностью.

— Я надеюсь, ты извлекла из этого максимум пользы. Твоя мама внесла изменения в твой рацион с завтрашнего дня.

— О Боже, что теперь? — Спрашиваю я, с ужасом представляя, какую глупость она

прочитала онлайн на этот раз, которая исправит цвет моего лица и сделает мой мозг более эффективным.

— Ничего слишком сумасшедшего... пока. В основном, более широкий выбор фруктов и овощей. Еще рыба.

Я пытаюсь скрыть свое отвращение, но у меня не получается. Джослин не хуже меня знает, что рыба — это не мое.

— Я найду способы заставить это сработать. — Она подмигивает мне, и моя улыбка становится шире, когда я думаю о маленьких секретных лакомствах, которые она годами оставляла в моей спальне.

Если бы мама когда-нибудь узнала, она, вероятно, вздернула бы Джослин за это, но, похоже, это не смущает нашу неунывающую экономку.

— Я не знаю, как ты это делаешь, — говорю я. — Конечно, ты могла бы найти работу получше где-нибудь в другом месте.

— Все не так плохо, Калли. Иногда лучше тот дьявол, которого ты знаешь.

— Наверное, — бормочу я, спрыгивая со стула и направляясь к холодильнику за лимонадом.

— Наслаждайся этим. Завтра ты на воде.

— Ты шутишь?

— К сожалению, нет.

— Мне нужно съехать, — шиплю я, открывая крышку банки и в знак благодарности целую Джослин в щеку.

Она была с нами с тех пор, как мама решила, что нам с Нико больше не нужны няни. Я думаю, ей за пятьдесят, и, по сути, она добрая, нежная бабушка, которой у меня никогда не было.

Что бы она ни делала, ее белая рубашка всегда безупречна, брюки идеально отглажены, и в ее шиньоне никогда не выбивается ни один волосок. Я более чем понимаю, почему маме нравится, когда она рядом. Она воплощение совершенства даже через тридцать секунд после мытья пола.

— Ты пока не можешь уйти. С кем я буду разговаривать?

Мое сердце болит за нее. Насколько я знаю, она никогда не была замужем, а ее единственный сын умер незадолго до того, как она начала здесь работать. Она одинока, это более чем очевидно.

— Я бы взяла тебя с собой, если бы могла, — уверяю я ее.

— Однажды, милая, — обещает она, как всегда. Мы уже подробно говорили о том, как она последует за мной в мой семейный дом и поможет мне вырастить тех маленьких солдатиков, в которых так отчаянно нуждается папа. Знать, что она готова быть на моей стороне, — это, пожалуй, единственное, что кажется терпимым во всем этом.

— Ты уверена, что тебе не нужно, чтобы я осмотрела твою комнату? Я уверена, что эти разбрызгиватели здорово испортили все твои... вещи.

— Все под контролем, — уверяю я ее. — Мне нужно сделать домашнее задание, но если тебе станет одиноко, ты знаешь, где я.

— Спасибо тебе, милая. Но я почти закончила, если я тебе не нужна.

— Иди и наслаждайся вечером. Никогда не знаешь, может, сегодня тебе повезет, — поддразниваю я ее.

— Пфф. — Она машет мне рукой. — Я уже слишком стара для всего этого, юная леди.

— Никогда. Тебе просто нужно найти правильное... вдохновение.

— Ты, Каллиста Чирилло, почти такая же плохая, как твой брат.

Я смеюсь над ее притворно строгим выражением лица, когда она думает о Нико и его выходках.

— Я не буду предлагать тебе услуги своих друзей, не волнуйся.

Ее щеки заливаются ярким румянцем, когда она вспоминает предложение Нико однажды утром, когда он отказался держать рот на замке о том, что именно повлекла за собой его предыдущая ночь.

— Иди делай свою работу, юная леди. И, возможно, позже проверьте нижнюю полку в вашем шкафу. — Она подмигивает мне, прежде чем я ускользаю.

Я запираю главную дверь в подвал. Это никого не остановит, если они действительно захотят попасть сюда, но это заставляет меня чувствовать, что я получаю хотя бы немного контроля над своей жизнью.

Я слишком погружена в свои мысли, чтобы что-то заметить, когда спускаюсь по лестнице и вхожу в свой подвал, направляясь прямо к шкафу. Но я делаю всего несколько шагов, когда шок от человека, сидящего на моей кровати, заставляет меня кричать.

— Вау, это всего лишь я, — говорит он, поднимая руки в знак капитуляции и отодвигаясь к краю кровати.

— Какого черта ты здесь делаешь, Алекс? И что случилось с твоим лицом?

— Ах, это? — спрашивает он, указывая на себя. — Это ничего, малышка Си. Тебе стоит посмотреть на другого парня.

Качая головой, я отодвигаю кровать и иду к своему шкафу, чтобы посмотреть, что Джослин спрятала для меня.

— Это был Нико, не так ли? — предполагаю я, основываясь на коротком разговоре, который у нас состоялся ранее возле раздевалки, когда казалось, что Алекс напрашивался на драку, насмехаясь над ним.

— Кое-что из этого, да. Остальное было от Деймона.

Я замираю, услышав его имя.

— Деймон? Почему? — спрашиваю я, не в силах не клюнуть на эту приманку.

Я оборачиваюсь и пристально смотрю на него.

У него хватает порядочности выглядеть немного виноватым.

— Не знаю. Он был чем-то зол. Я помог ему выпустить пар. — Он пожимает плечами как будто это ничего не значит. — Лично я думаю, что ему нужно потрахаться. — Весь воздух вырывается из моих легких без разрешения. К счастью, Алекс, похоже, этого не замечает. — Я думаю, что он переживает период засухи.

— Почему ты здесь, Алекс? — шиплю я.

— Ну, во-первых, чтобы извиниться. Мне жаль, что я намекнул в присутствии Нико, что между нами что-то произошло прошлой ночью. Его просто слишком легко вывести из себя, но мне следовало подумать об этом получше.

Я пристально смотрю на него, отказываясь показать ему, что принимаю его извинения. Черт знает, что я сделала достаточно за эти годы, чтобы Нико сорвался с катушек. Я просто ненавижу, когда все они набрасываются друг на друга и в конечном итоге причиняют друг другу боль. Все они могут довести меня до грани безумия своим собственническим, чрезмерным дерьмом, но я все равно не хочу, чтобы им было больно.

— И... — подсказываю я, когда он останавливается, его глаза сосредоточены на моих

голых ногах, а не на лице. — Я могу прикрыть их, если ты не способен мыслить здраво.

— Э-э... черт. Черт. Извините. — Подняв руку с колен, он проводит пальцами по волосам, убирая их с лица.

На мгновение, глядя на меня с его полными желанием глазами и разбитым лицом, я почти думаю, что передо мной сидит Демон.

— Я был дома, работая над заданием по английскому, и это было чертовски скучно. Я надеялся, что, возможно, мы сможем продолжить с того места, на котором остановились прошлой ночью. Общая проблема — это проблема, уменьшенная вдвое, верно?

Он улыбается мне, но быстро морщится, когда его губа снова трескается, и капелька крови стекает по подбородку.

— Ты хотя бы обработал их? — Спрашиваю я со вздохом.

— Нет ничего, с чем я не мог бы справиться, малышка Си. Я большой мальчик. — Он подмигивает мне, и я не могу не покраснеть. Черт возьми.

— Дай-ка я возьму аптечку первой помощи, — бормочу я, разворачиваюсь и направляюсь в ванную вместо шкафа, к припрятанному сладкому угощению.

Я собираю все, что мне нужно, и возвращаюсь.

— Серьезно? — Спрашиваю я, возвращаясь и обнаруживая, что Алекс устроился на моей кровати как дома. Его кроссовки были сброшены на пол, его рубашка рядом с ними, пока он ждет меня.

— Что? — невинно спрашивает он. — Я обещаю быть лучшим пациентом, которого ты когда-либо лечила.

— Ну, учитывая, что до этого я лечила только Нико, это не должно быть проблемой. Он гребаный ребенок.

Алекс залиvisto смеется, когда я кладу набор на край кровати.

— Это больно? — Спрашиваю я, кивая на рану от ожога на его предплечье.

— Ничего такого, с чем я не мог бы справиться.

— Разыгрывай большого человека сколько хочешь, но одна из вещей, которые я знаю о той ночи в Ловелле, это то, что ты побежал к мамочке, чтобы она тебя подлатала.

— Нет ничего плохого в том, чтобы хотеть, чтобы лучшая медсестра в стране подлатала мою задницу, — с гордостью заявляет Алекс.

— Конечно. Тогда сядь на край, и я — АЛЕКС, — визжу я, когда его огромные руки обвиваются вокруг моей талии, и меня поднимают с ног и сажают к нему на колени. — О нет, я не —

— Продолжай шевелиться, и все станет намного... больше, — рычит он.

— Иисус Христос, — бормочу я, мое тело мгновенно застывает.

Его руки опускаются ниже, когда он уверен, что я не собираюсь убежать. Он кладет их мне на бедра, его кожа обжигает мои крошечные шорты.

— Тогда продолжай. Очисти меня, детка.

— Я думаю, что твой разум слишком грязен, чтобы его очистить, — бормочу я, доставая аптечку.

Рычание вырывается из его горла, когда я нависаю над ним, и мне приходится сдерживать ухмылку. Может, я и не хочу заходить с ним дальше в этом вопросе, но я не могу не любить власть, которая приходит с моим положением прямо сейчас.

— Обязательно было снимать рубашку? — Невинно спрашиваю я, все время задаваясь вопросом, каково это — сидеть вот так с Демоном.

— Просто заставляю все свои лучшие черты работать на меня.

— И ты думаешь, что твой пресс — это лучшее, что в тебе есть?

— Конечно, нет. Лучшая часть, это то, что я скрываю... пока.

— Ты кошмар.

— Тебе это нравится. Бьюсь об заклад, ты чертовски мокрая для меня прямо сейчас, малышка Си.

— Серьезно? — Я спрашиваю. — Ты пришел учиться, помнишь?

— Ой, ублюдок, — рывкает он, когда я прижимаю антибактериальную салфетку к порезу у него на брови.

— Все в порядке, детка. Будь большим мальчиком для меня.

— О. — Он толкается подо мной, гарантируя, что я не упущу именно то, что он скрывает. — Там тебе не о чем беспокоиться.

Мой телефон звонит на кухонном столе, и я игнорирую его, пока заканчиваю, отказываясь смотреть Алексу в глаза.

В ту секунду, когда я заканчиваю, я вскакиваю с его тела и, черт возьми, почти убегаю. Он хихикает позади меня, и это заставляет мои зубы скрипеть от раздражения.

Меня раздражает, что он играет в эту игру. Но еще больше меня бесит то, что я даже не уверена, игра это или нет.

Очевидно, что он хочет меня. Мне не нужно было чувствовать... его ниже пояса, чтобы знать это. Но мы говорим об Алексе. Он почти такой же большой мужчина-шлюха, как и мой брат, так что я не сомневаюсь, что у него был бы стояк, если бы чья-нибудь киска находилась прямо над его членом.

Я вздыхаю, выбрасывая мусор в мусорное ведро и открывая шкаф в поисках напитков, или, скорее, повода, чтобы не смотреть на него.

— Что случилось, малышка Си? — спрашивает Алекс, чувствуя, что что-то не так.

— Ничего, — шиплю я, ненавидя то, что звучу как чрезмерно эмоциональная девочка-подросток.

Звук того, как он ворочается на моей кровати, достигает моих ушей, но я отказываюсь поднять глаза и посмотреть, что он делает.

— Не вешай мне лапшу на уши. Скажи мне правду.

— Это. Ты, — огрызаюсь я.

— Вау, я сказал не лгать, а не приукрашивать, — шутит он.

Мои глаза находят его с раздраженным вздохом.

Мой телефон снова звонит, и, желая спрятаться от пронизательного взгляда Алекса, я подхожу к нему.

— Почему ты здесь, Алекс?

— Чтобы выполнить наше задание по английскому.

— И это подразумевает, что ты снимаешь рубашку, почему? — Я имею в виду, нетрудно смотреть на него полуодетым, но дело не в этом. То, что он здесь, так похожий на... Нет. Я отбрасываю эти мысли прямо сейчас.

Он пожимает плечами.

— Ты действительно серьезно относишься ко всему этому, или ты просто делаешь все возможное, чтобы разозлить Нико? — спрашиваю я, указывая между нами.

Он колеблется, и это тот ответ, который мне нужен.

— Ты можешь уйти, если ты здесь только для того, чтобы играть в игры. Меня не

интересует ваше соревнование с парнями по измерению члена.

— Нет, это не... Это не то, что—

Наконец, я беру телефон, и мой желудок проваливается к ногам, слова Алекса уходят в небытие.

Деймон: Осторожно, Ангел. Кажется, ты забываешь, кому ты принадлежишь.

У меня вырывается вздох, рука дрожит, когда я сжимаю телефон до боли.

— Кто это? — спрашивает Алекс, но я слишком погружена в свою панику, чтобы быть в состоянии ответить.

Он наблюдает.

Недолго думая, я подхожу к стене с окнами. Чем ближе я подхожу, тем больше у меня мурашки по коже от осознания.

Но я ничего не вижу.

Почти стемнело, последние лучи солнца проглядывают сквозь деревья, отбрасывая оранжевые тени, танцующие по всему саду и обширному внутреннему дворику за моей маленькой гаванью.

— Калли? — Я едва слышу голос Алекса или его шаги, когда он сокращает расстояние между нами. — Калли?

Отказавшись от поисков его в тени, я поворачиваюсь обратно к Алексу. У меня волосы встают дыбом от осознания того, что он не только потенциально здесь со скрытыми мотивами, но и того, что за нами тоже наблюдают.

— Давай просто выполним это задание. Затем ты можешь идти домой. — Я не хотела, чтобы это вышло так резко, как получилось, и я ненавижу, что это заставляет боль мелькать в его чертах, но теперь слишком поздно.

Все хорошее, что было после вафлей с девочками, было решительно уничтожено моей мамой и близнецами Деймос.

17

ДЕЙМОН

— Где ты, черт возьми? Я сказал тебе быть здесь час назад, — рычит папа в трубку менее чем через две секунды после того, как я завел машину и звонок был получен.

Моя хватка на руле усиливается, костяшки пальцев белеют, когда я закрываю глаза, образ Калли, сидящей на Алексе, — единственное, что я могу видеть.

— Я в пути, — выдавливаю я, отчаянно пытаюсь сохранить хладнокровие.

Проиграть Алексу на ринге ранее — это одно, но, если я позволю отцу увидеть во мне хоть какую-то слабость, тогда мне крышка.

Он ожидает, что я буду действовать определенным образом, напялю холодный вид и не поддамся своим эмоциям.

Обычно у меня с этим нет проблем, поскольку мне похуй на большинство вещей в моей жизни. Но Калли — это совершенно другая история.

И видеть, как она прижимается к Алексу...

Звонок прерывается, не сказав больше ни слова, и я опускаю руку на руль.

— Черт. ЧЕРТ, — реву я, моя ярость отказывается оставаться сдерживаемой внутри.

Я сижу там еще десять секунд, разговаривая сам с собой, заставляя их образы собраться у меня в голове, прежде чем, наконец, завожу машину и выезжаю на улицу.

Видеть ее с Алексом совсем не то, что видеть ее с Антом.

Обнаружить его у нее между ног в пятницу вечером было как удар под дых, но в глубине души я знал, что даже если бы он попробовал ее на вкус, это не могло продолжаться долго. Никто бы этого не допустил, и, если каким-то чудом это станет серьезным, что-то подсказывает мне, что вскоре Ант окажется мертвым и положит конец всей ситуации.

Но Алекс...

Если между ними что-то есть, если он заботится о ней хотя бы вполнину так сильно, как я, несмотря на то, что не позволяю себе обладать ею, тогда это вполне возможно.

Эван и Кассандра одобрили бы... ну, может быть. Он не совсем тот безусловно воспитанный греческий мальчик, которого, я уверен, они хотят для своей маленькой принцессы. Но он чертовски намного лучше Анта, и я бы предположил, что он предпочтительнее меня.

Возможно, я провел все эти годы, наблюдая за ней из тени, убеждая себя, что ей было бы лучше с кем угодно, но не со мной. Но мог ли я стоять в стороне и смотреть, как она влюбляется в Алекса?

Я качаю головой, когда машина передо мной внезапно нажимает на тормоза, заставляя мое сердце подпрыгнуть к горлу.

Мне едва удается вовремя остановиться, прежде чем из-за машины как ни в чем не бывало выскакивает собака.

— Чертов тупой пес, — бормочу я себе под нос. — Езжай уже, — шиплю я, когда водитель впереди колеблется, трогаться ли снова.

К тому времени, когда я подъезжаю к старому складу в лесу на окраине города, где, я знаю, меня ждет папа, каждый мускул в моем теле напряжен, а пальцы сводит судорогой от руля и необходимости найти им лучшее применение.

Алекс, возможно, помог мне снять напряжение раньше, но с тех пор он неосознанно разбудил во мне монстра, который постоянно борется за то, чтобы вырваться наружу.

— Давно, блядь, пора, — рывкает папа, когда я толкаю дверь в комнату, которую мы оборудовали для наших заключенных.

За стеклом к стулу привязаны трое итальянцев. Все избитые, в синяках и крови.

Один из них был связным Джонаса, который помог ему сбежать из нашего подвала и, черт возьми, чуть не убил его любовницу и дочь, а двое других — это те, кого папа забрал из их лагеря в пятницу вечером. Из которых мы надеемся узнать больше подробностей о планах поглощения Рикардо.

Но пока они не проболтались больше, чем мы уже знали от нашей крысы изнутри.

Война неизбежна, и, хотя мы, возможно, готовы к ней, мы чертовски уверены, что хотели бы получить немного больше информации о том, когда именно они планируют нанести по нам удар.

— Я здесь, не так ли? — рычу я, засовывая разбитые костяшки пальцев в карманы брюк.

Не то чтобы, то, что он нашел меня с боевыми ранениями, было необычным или неожиданным, но я действительно мог бы обойтись без лекции прямо сейчас, если он узнает, что мы с Алексом боролись. Он мог бы поощрять нас к спаррингу, улучшать наши навыки, но он хочет, чтобы наша агрессия была оставлена для работы. Чтобы мы могли направить свой гнев на тех, кто этого заслуживает. Как те пезды, которые едва цепляются за жизнь за окнами.

Было время, когда я бы никогда не стал ему перечить. Всю нашу жизнь наши отец и дед были настоящими главарями мафии. Опасные мужчины, которыми я жаждал стать, но мне

сказали, что я никогда этого не достигну.

Ни один из них никогда не считал меня достойным.

Я был слишком маленьким, слишком слабым, слишком глупым.

Я тоже им верил. Верил, что Алекс был единственным, кем когда-либо мог бы гордиться мой отец. Я имею в виду, это все еще может быть так. Он единственный, кто чего-то добился в учебе. У меня мало шансов сдать экзамены через несколько недель, и еще меньше, поскольку я трачу все свое свободное время либо на то, чтобы заикнуться на девушке, которой я не могу обладать, либо на работе в надежде, что, хотя бы несколько часов в день я смогу подумать о чем-нибудь другом.

— Ты выглядишь так, будто жаждешь крови, — замечает босс, в то время как папа продолжает сердито смотреть на меня за то, что я ему перечил.

— Что тебе нужно? — шиплю я, мои кулаки сжимаются от желания обрушить ярость на этих ублюдков и, наконец, получить ответы, которые нам нужны.

— Один из них умрет сегодня ночью, если мы не начнем получать ответы, — наконец говорит папа.

— Меня это устраивает.

Снимая куртку, я бросаю ее на пустой стул и расстегиваю манжеты. Закатав рукава, я бросаю на отца последний взгляд, прежде чем протискиваюсь в дверь.

Запах их смешанных телесных жидкостей ударил в меня, как только я переступил порог комнаты.

Здесь нет ничего, кроме старого стола, который был обрызган кровью больше раз, чем я могу сосчитать, и грязных бетонных полов, и стен.

Воздух пререзает болезненный стон, вонь мочи становится сильнее, когда они смотрят, как я иду к столу, чтобы выбрать свое первое оружие.

Схватив плоскогубцы, я оборачиваюсь, встречаясь с каждым из них взглядом в течение ужасающе долгих секунд. Конечно, для них это ужасно. Единственное, что они найдут в моих темно-серых глазах, — это возбуждение и жажду крови.

Я думаю о своей девушке, о той, которую я никогда не смогу назвать своей, кроме как в своей голове, и я подхожу к самому слабому на вид члену трио.

— Один из вас не увидит завтрашнего восхода солнца. Хотя, — бормочу я, оглядываясь в поисках несуществующих окон, — на самом деле это не должно быть проблемой для тебя. Ты скучаешь по этому? — спрашиваю я. Это риторический вопрос, и, к счастью, они, кажется, это понимают. — Вы, должно быть, действительно жалеете, что пошли против нас сейчас, да?

Они все молчат, когда я прохожу перед ними, переключая плоскогубцы взад-вперед между моими руками.

— Итак, кто из вас это будет? Или вы хотите, чтобы я выбрал?

И снова никто ничего не говорит... пока я снова не останавливаюсь перед тем, кто выглядит измученным, и с его губ срывается всхлип.

— О, посмотри на это. Твой мальчик пытается защитить тебя от моего гнева, выдвигая себя вперед.

Быстро, как удар хлыста, я отвожу руку назад и замахиваюсь тяжелым инструментом в своей руке, целясь ему в голову. Он сталкивается с тошнотворным хрустом, прежде чем кровь разбрызгивается повсюду, покрывая нас обоих.

Вытирая лицо рукой, я убираю теплую жидкость.

— Грязный ублюдок, — выплевываю я, пока он безвольно сидит на своем стуле.
— Верно, джентльмены. У нас впереди веселая ночь. Надеюсь, вы хорошо спали.

Точно как я и обещал, когда я наконец выхожу из этой комнаты, я оставляю только двух мужчин, дышащих позади меня.

Возможно, они наконец-то дали нам какую-то свежую информацию, но это все еще было далеко не так много, как мы знали, что они скрываются.

Только папа остался посмотреть все мое шоу, и он поднимает усталые глаза от экрана своего ноутбука.

— Ты закончил, мальчик?

Он даже не бледнеет от количества крови, покрывающей меня. Но тогда, почему он должен? Это была его жизнь дольше, чем моя. И он был рядом со мной, наблюдая, как я творю свою магию, больше раз, чем я могу сосчитать, с тех пор как он впервые поставил меня перед одним из наших врагов, когда мне было... может быть, одиннадцать, и сказал мне сделать все возможное, чтобы заставить его заговорить.

Я сделал.

Это был первый раз в моей жизни, когда папа посмотрел на меня без презрения и разочарования.

— Ты не был в школе на этой неделе, — говорит он, когда я не отвечаю, как будто я не в курсе этого факта.

— Я был занят.

— Это не было нашей сделкой.

— Мы собираемся начать войну с гребаными итальянцами.

Мои слова не производят того эффекта, на который я надеялся, когда он откидывается на спинку стула и складывает руки на груди.

— Неудача не была частью нашей сделки, Деймон. Если ты потерпишь неудачу, то в сентябре вернешься туда на полный рабочий день, как и должен был сделать с самого начала.

— Это чушь собачья, — выплевываю я. — Мне не нужны гребаные пятерки для этого дерьма. — Я выбрасываю руку назад в направлении двух вырубившихся и одного мертвого парня позади меня.

— Прямо сейчас, может быть, и нет. Но у тебя блестящее будущее в этой Семье, мальчик.

— Это забавно, — усмехаюсь я. — В течение многих лет ты, казалось, верил, что я бесполезен. Никчемный.

— Твои навыки просто нужно было использовать. Но это не значит, что ты не добьешься успеха в Найтс-Ридж.

— Неважно, — бормочу я, устремляясь к двери.

— Я здесь не шучу, Николас.

Мои шаги замедляются, весь воздух вырывается из моих легких, когда имя, которое я презираю, срываясь с его губ, гремит у меня в голове.

Всего одно его слово заставляет меня почувствовать себя тем молодым, бесполезным ребенком, в котором он меня обвинял.

Впитывая немного силы — силы, которой этот маленький мальчик никогда не обладал, — я высоко поднимаю голову и ухожу от него.

Мое сердце колотится в груди, руки дрожат, когда я возвращаюсь к машине.

Мы здесь у черта на куличках, и мне нечего слышать, кроме моих собственных демонов и неуверенности.

У меня нет ни единого шанса сдать экзамены. Я едва продержался прошлый год, но в этом году я чаще отсутствовал, чем нет, несмотря на папины насмешки и протесты. На данный момент невозможно что-либо большее, чем провал.

— Черт, — шиплю я, опускаясь на водительское сиденье и откидывая голову назад.

Моя голова раскалывается, глаза горят от желания уснуть, которое, я знаю, никогда не придет, и мои мышцы болят от того, что я так сильно избивал этих пезд.

Есть только одна вещь, которая облегчает все это, и прежде чем я понимаю, что делаю, я завожу машину и направляюсь обратно в город.

К моему ангелу.

Мои намерения были чисты. Что ж, настолько чисты, насколько когда-либо были мои гребаные намерения, когда дело касалось Калли.

Я собирался проскользнуть внутрь, удовлетворить свою потребность в ней, наблюдая, как она спит, как я делал бесчисленное количество раз до этого с тех пор, как она переехала сюда. Черт возьми, мне это даже удавалось, когда она жила наверху и мы приходили потусоваться с Нико. Они никогда не замечали ни одного раза, когда я ускользал, когда они отвлекались, или находил предлог, чтобы пойти в главный дом, потому что сама мысль о том, что между мной и Калли что-то происходило, сама мысль о том, что она могла бы мне понравиться, была абсурдной. Если бы это был кто-то другой, то Нико, вероятно, допросил бы их, обвинил в том, что они делают то, чего не должны. Но это я. И я, кажется, не подвергаюсь такому же допросу. Я не должен возражать. Но это просто еще одно суровое напоминание о том, что я не был одним из них. Возможно, меня и приглашали на вечеринки, но на самом деле я не был частью их группы.

Я задерживаю дыхание, прежде чем прижать руку к сканеру. От щелчка замка у меня в животе завязывается узел. В глубине души я беспокоился, что она могла попросить кого-нибудь изменить разрешения после прошлой ночи. Я не могу сдержать ухмылку, которая кривит мои губы. Она хотела, чтобы я вернулся. Она практически умоляет меня.

Мой член набухает, когда я открываю дверь. Ее сладкий аромат окутывает меня, и этого почти достаточно, чтобы выветрить из моего носа зловоние смерти последних нескольких часов.

Уханье совы на деревьях обрывается, когда я закрываю за собой дверь, и его заменяет только тихий храп Калли.

Когда я ехал сюда, страх был очень реальным, что она будет не одна. Мысль о том, чтобы проскользнуть внутрь и обнаружить ее в постели с Алексом, заставила мою кровь заледенеть. Но одна быстрая проверка всех трекеров, и я понял, что она была одна.

Я молча пересекаю комнату, пока не оказываюсь прямо над ней. Она натянула одеяло до самой шеи, так что я не могу видеть, во что она одета, но со временем я узнал, в чем она больше всего любит спать, и я бы поставил деньги на то, что она будет в майке и трусиках под этими дразнящими простынями.

Мои зубы впиваются в нижнюю губу, когда я наблюдаю за ней, мои пальцы дергаются, чтобы дотянуться до нее, почувствовать ее мягкую, теплую кожу под моими грубыми, покрытыми кровью пальцами.

Глубоко внутри меня горит огонь от потребности пометить ее, запечатать, увидеть, как

она окрашивается в красный цвет наших врагов.

В моей груди вырывается глубокое, голодное рычание, и я сокращаю пространство между нами, моя потребность берет верх над несколькими рациональными мыслями, которые у меня могут возникнуть, когда речь заходит о моем ангеле.

Я срываю покрывало с ее тела, мои глаза наслаждаются дюймами обнаженной кожи, когда она стонет во сне, потянувшись за потерянным покрывалом.

Я набрасываюсь на нее, прежде чем у нее появляется шанс проснуться, зажимаю ей рот рукой и прижимаю ее тело к матрасу, обхватив бедрами ее талию.

Она бьется подо мной, ее глаза распахиваются, а из горла вырывается крик, который заглушает моя рука.

Чистая ненависть сочится из ее глаз, когда она в ужасе смотрит на меня, но под этим невозможно не заметить желание, с которым она так старается бороться.

Возможно, ей нравится притворяться, что я ничто, что меня иногда даже нет в комнате, но я знаю, что в глубине души она помнит каждую секунду нашего совместного времяпрепровождения. И она хочет меня. Она жаждет этого. Ее глаза и ее тело умоляют об этом, даже если ее голова и рот находятся на другой странице.

18

КАЛЛИ

Мое сердце гроыхает в груди, когда его темные, злые глаза смотрят на меня сверху вниз с мерцающим в них злым намерением.

Мои ноздри раздуваются, когда я пытаюсь вдохнуть необходимый мне воздух.

Он проводит кончиками пальцев по моей шее, и все мое тело содрогается, когда сквозь меня проносятся искры. Деликатное прикосновение такое нежное по сравнению с жестоким мужчиной передо мной. Поднимая одну руку, которая бесполезно лежит на кровати, я обхватываю пальцами его предплечье, неуверенная, собираюсь ли я остановить его или поощрить.

Его тело покрыто темными засохшими пятнами крови.

Это должно приводить меня в ужас. Но я была частью этой жизни достаточно долго, даже если меня держали подальше от худшего. Ничто из того, что делают парни или наши отцы, не пугает меня сейчас. Я не могу сказать, что так было всегда, но за последние несколько месяцев я осознала, даже приняла, что это моя жизнь. Возможно, помогло то, что я стояла на стрельбище с пистолетом в руке, когда Стелла инструктировала меня, как это делать.

Я чувствовала себя непобедимой с этим оружием, зажатым в моей руке. И я уверена, что это был просто небольшой кайф по сравнению с тем, что испытывают парни, когда они бегут на вражескую территорию, убирая тех, кто причинил нам зло.

Его пальцы продолжают спускаться ниже, его глаза следуют за ними, когда они касаются выпуклости моей груди.

У меня перехватывает дыхание, когда моя грудь начинает вздыматься.

Предупреждение клокочет у меня в горле, но это не оказывает особого воздействия, когда он обводит одним пальцем мой сосок.

— Ты заставила себя кончить после того, как я ушел прошлой ночью? — рычит он. Приказ, который он отдал мне перед тем, как оставить на кухонном столе, выкрикивая его имя и бесстыдно умоляя о большем, повторяется в моей голове.

Мои глаза расширяются. Я не могу сказать ему «нет». Я могла бы и не трогать себя. Но когда я проснулась этим утром...

Он качает головой и разочарованно цокает.

— Я думал, ты хорошая девочка, Ангел. Ты шокируешь меня на каждом шагу. — Его голос грубый и смертоносный, и это только сильнее распаляет меня.

Прошлой ночью он оставил меня в отчаянии. Если он пытался доказать, как сильно я жаждала его, несмотря на его дерьмовые действия на выходных, то он определенно получил то, что хотел, когда я корчилась и умоляла его.

Ты бесстыдная шлюха, Каллиста, говорю я себе.

Но это Деймон. В нем есть что-то такое, что заставляет меня сходить с ума так, как я не схожу с другими. С Антом, с Алексом всегда есть какая-то стена, останавливающая меня от того, чтобы зайти слишком далеко. Но все рациональные мысли, кажется, вылетают прямо в окно, когда речь заходит о моем мальчике-дьяволе.

Он разрушает мои стены, разрушает образ невинности, который все любят рисовать обо мне, и он не делает ничего, кроме того, что разрушает меня ради него.

— Твое тело жаждет меня, не так ли, красавица? — стонет он, желание усиливает его голос, прежде чем он полностью меняется, лед пробивается сквозь жар. — Ты так же реагируешь на них?

Я качаю головой — ну, настолько сильно, насколько я могу, находясь в его неумолимой хватке.

— Твои соски просили прикосновения моего брата так же, как сейчас просят мои?

— Нет, — вырывается у меня из горла, когда он стягивает ткань моей майки вниз, обнажая меня перед ним.

Прохладный порыв воздуха, который обрушивается на меня, только делает мои соски тверже, еще отчаяннее требуя прикосновений, в которых он мне отказывает.

Он обдувает потоком прохладного воздуха мою разгоряченную кожу, и моя спина выгибается дугой над кроватью.

— Они думают, что ты такая невинная, да? Но мы знаем правду, не так ли? Ты не просто ангел. Ты мой темный, грязный, восхитительный ангел.

— Деймон... — Его имя — не более чем стон, когда он втягивает мою нижнюю губу в рот.

— Ты даже не боишься, не так ли? — спрашивает он, оглядывая себя сверху вниз.

Мои глаза удерживают его, умоляя убрать руку, чтобы я могла ответить.

— Закричи, и ты будешь наказана, — предупреждает он, читая мои требования.

В ту секунду, когда его рука движется, я шиплю: «Я тебя не боюсь».

Он мрачно усмехается, прижимая ладонь к матрасу над моим плечом и наклоняя голову. Его язык кружит по моему соску, и мой мозг чуть не дает задний ход от его дразнящих прикосновений.

— Ты моя, — рычит он, его собственнический тон только заставляет мое сердце биться сильнее.

— Я никому не принадлежу, — утверждаю я, решив настоять на своем.

Он снова смеется.

— Ты не позволила Алексу прикоснуться к тебе, не так ли? — Мои губы поджимаются. Ему не нужен ответ. Очевидно, он уже знает. — Ты думала обо мне, когда он пытался соблазнить тебя?

— Нет, — лгу я сквозь зубы.

— А как насчет Анта? Он пробрался сегодня, чтобы нанести тебе небольшой визит? Неужели прямо сейчас мне снова достаются лишь чужие остатки?

Моя рука движется прежде, чем я даже осознаю это. Реальность рушится вокруг меня, когда моя ладонь сталкивается с его забрызганной кровью щекой. Его глаза вспыхивают, когда боль пронзает мою руку.

— О, Ангел. Ты обязательно должна дразнить меня? — он шепчет так тихо, что мой желудок уходит в пятки.

— Какого черта ты делаешь? — визжу я, когда он обхватывает рукой мое горло и стаскивает меня с кровати. — Демон? — спрашиваю я, когда он направляется в мою ванную.

В ту секунду, когда мы оказываемся внутри, он захлопывает дверь и запирает ее. Затем он поворачивается ко мне с диким, обезумевшим взглядом, который, я не могу отрицать, пронизывает меня насквозь вспышкой страха, пронизанного похотью.

Он крадется вперед, темное, опасное облако окружает его.

— Что случилось, Ангел? Я не думал, что ты меня боишься.

Я нервно сглатываю. — Я не боюсь.

— Так есть ли еще одна причина, по которой ты сейчас похожа на кролика, попавшего в свет фар?

Он подходит ближе, и прежде чем я осознаю, что он это сделал, он загоняет меня в душ, удерживая в клетке своим крепким телом.

Его глаза темнее глубокой ночи, его ноздри раздуваются от желания, а грудь вздымается под черной рубашкой.

Он весь в крови, я знаю это. Но я все еще не могу найти в себе силы ужаснуться его состоянию. Особенно когда невозможно игнорировать то, как его член напрягается под брюками.

Я сделала это.

Я.

Я повлияла на парня, который гордится тем, что он холодный, отстраненный и безразличный.

И он хочет от меня чего-то яростного прямо сейчас. Я практически чувствую это в воздухе между нами.

— Николас, — вздыхаю я, когда моя спина сталкивается со стеной, а он не прекращает красться ко мне.

Его челюсть тикает, когда я называю его так, у него перехватывает дыхание.

— Я не боюсь. Но я думаю, что ты трус.

Его брови сжимаются в замешательстве, прежде чем гнев берет верх.

— Неправильно, — выплевывает он, внезапно наклоняясь и вытаскивая что-то из своей лодыжки.

— Ч-что ты делаешь? — спрашиваю я, мои глаза мечутся между ним и ножом, который он только что вытащил.

— Я убил человека сегодня ночью, Ангел, — говорит он мне ровным и холодным голосом. — Я пытал его до тех пор, пока его тело больше не могло этого выносить, и я наблюдал, как жизнь покидает его глаза.

Мое дыхание такое громкое, что становится неловко, когда я стою там, наблюдая за

ним, слушая, как он исповедуется в своих грехах.

— Я пощадил двух других. На данный момент. Но к тому времени, когда я покинул ту комнату, они были без сознания от огромного количества боли и страданий, которые я им причинил.

— Ты получил необходимую информацию? — спрашиваю я, заставляя себя сохранять спокойствие.

Деймон может быть и не в себе, но он ничего не делает без причины. Люди, о которых он говорит, заслужили это.

— Недостаточно, нет.

— Может быть, тогда тебе не стоило никого убивать, — заявляю я.

Он прижимает острие ножа к своей ладони, и я вздрагиваю.

— Ч-что ты делаешь?

Его глаза отрываются от созерцания клинка и находят мои. Он смотрит на меня из-под ресниц, темный голод сочится из него.

Он снова подходит ближе, не выпуская нож из руки.

— С тех пор, как я вышел из этого здания, я мог думать только об одной вещи.

У меня кружится голова, пока я жду его признания.

— Я хочу отметить тебя, Калли.

О, черт.

— Я хочу нарисовать тебя своей кровью. Сделать тебя своей.

— Т-ты с-сумасшедший, — заикаюсь я.

— Это ни для кого не новость, Ангел.

В одну секунду он стоит передо мной с занесенным ножом наготове, а в следующую он разрезает этой штукой прямо поперек ладони, и он со звоном падает на пол.

— Дэйм— Его имя прерывается, когда он прижимается ко мне всем телом, его кровоточащая рука ложится сбоку на мою шею, а его губы обрушиваются на мои.

Секунду или две я не двигаюсь, но затем он закидывает одну из моих ног себе на бедро, прижимаясь ко мне.

Его поцелуй жестокий, требовательный, и я, блядь, тону в нем.

В нем нет ничего нежного, когда его зубы покусывают мою нижнюю губу и язык, его пальцы впиваются в мою задницу, когда он прижимает меня к себе, а другой рукой он прикасается ко мне повсюду, делая именно то, чего он жаждал, и окрашивая меня своей кровью.

Мое тело горит жарче, чем я когда-либо знала, мое освобождение приближается быстрее, чем, я уверена, должно быть от простого трения с ним.

— Николас, — стону я, когда он наконец отрывает свои губы от моих, чтобы целовать, сосать и покусывать мою шею.

Моя голова откидывается на плитки. Мимолетная мысль о том, чтобы заставить его остановиться, прежде чем мне придется потратить все завтрашнее утро, пытаюсь скрыть его следы, вскоре забывается, когда он берет мою майку в руки и разрывает ее пополам, чтобы не натягивать ее через голову и не прерывать поцелуй.

— О Боже, — стону я, когда его руки обхватывают мою ноющую грудь.

Взглянув вниз, я нахожу именно то, что ожидала — красные пятна на моей коже, точно такие же, как у него. Только мои не принадлежит врагу, только дьяволу.

Следующими идут мои трусики, которые практически распадаются под его

прикосновением.

— Черт возьми, ты прекрасна, — рычит он, опускаясь ниже и посасывая чувствительную кожу моей груди, прежде чем, наконец, взять мой сосок в рот.

Мои пальцы запутались в его волосах, удерживая его на месте, пока он сводит меня с ума. Его глаза все время удерживают мои, наблюдая за каждой моей реакцией и поглощая все мои крики и мольбы о большем.

— Однажды, — рычит он, — я собираюсь заставить тебя кончить вот так.

— Но не сейчас? — спрашиваю я, звуча не более чем как отчаявшаяся шлюха.

Он усмехается, выпрямляется и лишает меня дальнейших мучений от своего сводящего с ума языка.

Он не отвечает. Вместо этого он поднимает ладонь и проводит языком по всей длине пореза, а затем обхватывает рукой мою шею сзади, просовывая язык мне в рот и позволяя мне попробовать его кровь.

— О Боже, — всхлипываю я.

Это не должно быть так хорошо.

Я должна испытывать отвращение, ужас. Но все, о чем я могу думать, это получить от него больше.

Я глубоко облизываю его рот, мои руки скользят вверх по его рубашке, прежде чем я провожу ногтями по его прессу, заставляя его рычать в нашем поцелуе.

— Ты нужна мне, Ангел. Мне нужен твой гребаный рот на мне.

Все к югу от моей талии сжимается от желания при виде образа, который рисуют в моей голове его слова.

Отрывая свои губы от моих, он пристально смотрит мне в глаза, его пальцы запутываются в моих волосах, пока они не начинают гореть.

— Встань на колени, Ангел.

Я задыхаюсь, когда падаю на твердый пол подо мной и останавливаюсь прямо перед массивной палаткой в его штанах.

— Какого черта ты ждешь? — лает он, притягивая меня ближе, заставляя потереться носом о его длину.

Мой рот наполняется слюной, а киска сжимается при мысли о том, чтобы снова попробовать его на вкус, почувствовать его в глубине моего горла.

— Ангел, — стонет он, вызывая волну силы, проходящую через меня.

Он такая загадка в нашей группе. Тот, с кем никто на самом деле не знает, как справиться. Он опасен, жесток, наводит ужас. И все же он здесь, полностью в моей власти.

Дотягиваясь до его пояса, я быстро расстегиваю его и стягиваю с него брюки и боксеры до бедер.

Возможно, я видела его раньше, но все же это не мешает мне потрясенно выдыхать при виде его размера, а также этого серебряного пирсинга, который, кажется, вызывает ко мне.

Поэтому с ним было так хорошо?

Нет. Это была наша связь. Каким бы невероятным это ни было, кажется, что при нашем столкновении происходит что-то волшебное, и я быстро становлюсь зависимой от этих украденных моментов, которые он продолжает дарить мне.

— Черт, — рывкает он, когда я обхватываю пальцами его основание и облизываю кончик. Вкус его спермы наполняет мой рот, и это только усиливает мой голод по нему.

— Теперь не так страшно, да? — бормочу я, глядя на него сквозь ресницы.

Вид его брошенного ножа недалеко от его ног привлекает мое внимание.

Идеи роятся в моей голове, идеи, которые, я уверена, ему понравились бы.

Садистский мудака, похоже, пристрастился к хорошей порции боли.

Внезапно истории, которые привели меня в ужас и которые Стелла и Эмми с радостью рассказали мне, кажутся более осмысленными.

Я прикусываю нижнюю губу, задаваясь вопросом, смогу ли я пройти через это. Отмечая его таким постоянным образом.

Заявляя права на него.

От этой мысли мое сердцебиение становится чертовски опасным.

— О чем бы ты сейчас ни думала, — говорит он, хватая меня за подбородок и заставляя снова посмотреть ему в глаза, — не забывай об этом.

Прежде чем у меня появляется шанс ответить, он просовывает головку своего члена мимо моих губ, обрывая все, что я, возможно, хотела ему сказать.

Сила, которой, как я думала, я обладала здесь, внизу, была всего лишь иллюзией, потому что у меня не было шанса взять ситуацию под контроль, когда он входил и выходил из моего рта, заставляя меня держаться за его сильные бедра, чтобы не рухнуть на пол с каждым ударом его бедер.

Где сейчас эта невинная, наивная маленькая принцесса, а? Думаю я про себя, забирая все, что у него есть для меня.

Как только его член начинает набухать, его хватка на моих волосах усиливается, и я откидываюсь назад, его член соскальзывает с моих губ.

— Что—

— Я не кончу тебе в рот, Ангел. Я мечтаю оказаться так глубоко в твоей киске, что ты всегда будешь помнить, что я был внутри тебя, и я не позволю этому закончиться по-другому.

Мои ноги отрываются от пола, и я ударяюсь спиной о холодные плитки.

— Если ты мечтала о милом парне, который подарит тебе весь мир и будет относиться к тебе так, словно ты сделана из стекла, то тебя ждет разочарование, Ангел.

— Н-нет, я не— Мои слова обрываются, когда он входит в меня.

— Знал, что ты будешь, блядь, истекать из-за меня, просто отсосав мой член, красавица, — стонет он мне на ухо, замирая на мгновение.

Я не могу удержаться от улыбки. Он может утверждать, что он жестокий и только берет, но эта пауза, какой бы короткой она ни была, показывает мне, что это чушь собачья. Ему не все равно. Он заботится обо мне больше, чем, я уверена, он даже осознает, что показывает.

— О, черт, — кричу я, когда он наконец выходит, прежде чем врезаться в меня так глубоко, что я понятия не имею, нравится мне это или ненавижу.

Его пальцы сжимают мои ягодицы, не оставляя у меня сомнений в том, что его следы будут там, а также на моей шее, еще несколько дней.

— Черт, — ворчит он. — Твою киску только что затопило. О чем ты думала?

Я колеблюсь — не потому, что у меня нет ответа, а потому, что его карательные выпады делают меня бесполезной.

— Т-ты, — наконец выдавливаю я. — О-отмечаешь меня.

— Черт возьми, да. Я бы написал свое имя на твоей прекрасной коже, если бы мог. Ты моя, Каллиста. Моя.

Я вцепляюсь в его плечи, желая, чтобы он снял рубашку прямо сейчас, но слишком

потеряна от его жестоких толчков, чтобы даже подумать о том, чтобы что-то предпринять по этому поводу.

Одна из его рук оставляет мою задницу, и он просовывает ее между нашими телами, находит мой клитор и сильно сжимает его.

— О, черт. Черт возьми, — стону я.

— Твоя киска... черт возьми, Ангел. Я не заслуживаю такого удовольствия.

— Да, да. — Я должна была сказать ему, что он заслуживает, но я не уверена, что он воспримет это, когда я мчусь к финишной черте. — Николас, блядь.

— Приди за мной, Ангел. Я хочу почувствовать, как ты доишь мою сперму прямо из меня.

— Да, да, — повторяю я снова, как будто это единственное слово, которое я могу вспомнить, когда погружаюсь в самое интенсивное освобождение, которое я когда-либо испытывала. И он прямо за мной, громко рычит в изгиб моей шеи, когда его член дергается внутри меня, наполняя меня, как он и обещал.

— О Боже, — тяжело дышу я, едва в состоянии вдохнуть необходимый мне воздух, когда моя голова откидывается к стене.

— Чертовски идеально, — бормочет Деймон, его глаза изучают каждый дюйм моего тела, когда он ставит меня на ноги и делает шаг назад.

Его внимание к моему телу заставляет меня посмотреть вниз, и я ахаю от своего состояния. Кровь покрывает мою бледную кожу, когда его сперма начинает стекать по моим бедрам.

Протягивая руку, он проводит пальцами вверх по моей ноге, пока два из них не оказываются внутри меня, запихивая все это обратно внутрь, как будто это принадлежит мне, а не ему.

По моему телу пробегают мурашки, когда он дразнит меня. Я слишком потеряна в пьянящем ощущении, чтобы заметить, как он нажимает рукой на ручку душа. Вскоре я понимаю, что он натворил, когда на нас обоих льется ледяная вода, немедленно пропитывая одежду Деймона.

— Деймон, какого черта ты—

Мои слова запинаются, когда он тянется за моей губкой и бутылочкой геля для душа сбоку.

— Очищаю тебя.

— Я думала, я тебе нравлюсь грязной, — съязвила я.

Его глаза пылают жаром, но он не прекращает того, что делает.

Намылив губку, он придвигается ближе, забираясь все дальше под струи душа, и кладет ее мне на плечо. Он тщательно очищает каждый дюйм моего тела. Успокаивающие круги, которые он проводит по моей коже, полностью расходятся с его жестокими прикосновениями не так давно, и, как и все, что связано с этим загадочным мужчиной передо мной, у меня кружится голова.

Дюйм за дюймом он смывает кровь, которой пометил мое тело.

Его прикосновения гипнотизируют, но, когда он убирает руку, и я бросаю взгляд на рану на его ладони, все вокруг меня рушится.

Я тянусь к нему и тяну его руку между нами, чтобы я могла посмотреть.

— Нам нужно разобраться с этим, — тихо говорю я.

Движением, от которого у меня замирает сердце, он забирает ее обратно и сжимает в

кулак.

— Все в порядке.

Его глаза удерживают мои, и мрачная покорность в них говорит мне все, что мне нужно знать о том, что произойдет дальше.

— Не надо, пожалуйста. — Слова слетают с моих губ без указания моего мозга, когда я делаю шаг к нему.

Но это бессмысленно. Он вернул свою холодную, жесткую маску на место, и я уже знаю, что я ничего не смогу сказать, чтобы изменить принятое им решение.

— Мне жаль.

19

ДЕЙМОН

В ту секунду, когда я захопываю за собой входную дверь, я начинаю снимать с себя промокшую одежду. Это легче сказать, чем сделать, особенно когда мой член набухает в ту секунду, когда я думаю о девушке, которую оставил в душе.

Она умоляла меня не уходить.

Но я вряд ли мог бы остаться.

Я использовал ее, чтобы утолить гнев и бесполезность, которые мой отец вновь разжег во мне, и это было несправедливо.

Она не моя игрушка, с которой я могу поиграть и выбросить в ту же секунду, я боюсь, что она может просто увидеть во мне больше, чем я готов показать. И, несмотря на мои заявления, она тоже не моя девушка. И она никогда не должна быть ею. Она заслуживает лучшего, чем я, большего, чем я когда-либо смогу ей предложить.

Оставив мокрую одежду позади себя, я захожу в ванную и останавливаюсь перед раковиной.

Долгое время я не отрываю глаз от кранов. Я не могу. Я слишком напуган тем, что могу обнаружить, уставившись на меня в ответ.

Разочарование. Сожаление. Чувство вины.

Делая глубокий вдох, я заставляю себя поднять глаза.

У меня перехватывает дыхание от того, как жалкий человек смотрит на меня в ответ.

Неудивительно, что мой отец сказал то, что сказал.

Мой взгляд опускается на мое тело. Благодаря моему душу с Калли, большая часть крови и грязи от часов, проведенных с теми тремя змеями, была смыта, не оставив мне ничего, кроме шрамов моего прошлого, преследующих меня.

— Ты слишком слаб для этой жизни.

— Ты никогда не будешь тем солдатом, которым ты нам нужен.

— Ты недостаточно силен. Недостаточно храбрый. Недостаточно умен.

Слова моего отца и дедушки повторяются в моей голове, когда доказательства их существования смотрят на меня в ответ.

Я принимаю душ и падаю в постель, мое тело двигается на автопилоте, пока я сражаюсь с демонами в своей голове.

Но неудивительно, что я не нахожу никакого утешения. Вместо этого я провожу несколько часов до восхода солнца, уставившись в потолок, задаваясь вопросом, смогла ли она свернуться калачиком и снова уснуть после своего маленького полуночного посетителя.

Когда зазвонил будильник, я все еще лежал в той же позе, в которой упал. Только при

звук я закрываю глаза.

Может, мне это и не нравится, но я должен слушать папу и ходить в школу, если я хочу какого-то будущего в Семье. Но мне чертовски больно это делать.

Я выключаю будильник и свешиваю ноги с края, готовый начать то, что, я уже знаю, будет чертовски болезненным днем.

Мой телефон начинает звонить, когда я нахожусь в ванной, снова принимаю душ в надежде, что это поможет прояснить голову, но даже мысли о том, что это могла быть Калли — это не так, я уже знаю, что она никогда бы не позвонила после того, как я ушел, — недостаточно, чтобы заставить меня искать его, пока я не приду в себя и не буду готов.

Я быстро обнаруживаю, что был прав, игнорируя его, потому что нахожу пропущенный звонок от моего отца.

Я раздумываю, перезванивать ему или просто игнорировать его, когда он звонит снова.

Только на этот раз это не папа. Это хуже.

— Босс, — рычу я, прикладывая телефон к уху.

— Я надеюсь, ты готовишься к школе, малыш.

— Конечно, — бормочу я, во мне закипает гнев из-за того, что папа пал так низко, что вызвал босса.

— Я поговорил с мистером Дэвенпортом, и мы организовали дополнительные занятия, чтобы ты получил всю необходимую поддержку в преддверии экзаменов. Я также говорил с Тео, и он сказал, что он бы—

— Нет, — рявкаю я, отказываясь принимать гребаное обучение у Тео.

— Деймон, мы все просто хотим помочь.

— Я в порядке. Я могу справиться с этим сам.

— У тебя есть всего несколько недель. Сейчас не время быть слишком гордым, чтобы принять помощь.

— У меня все под контролем, — рычу я, чертовски надеюсь, что это правда.

— Верно. Что ж, пока ты это делаешь, ты свободен от дежурства. И если ты этого не сделаешь, я выполню волю твоего отца и обеспечу твое повторное зачисление на сентябрь.

— Босс, — стону я.

— Ты фантастический солдат, Деймон. Ценность для нашей Семьи. Иногда нам просто нужно перепрыгнуть через несколько обручей, чтобы попасть туда, где мы хотим быть.

Я бормочу свое согласие, но не думаю, что он понимает, что сдать эти экзамены, даже если у меня их меньше, чем у всех остальных, не так просто, как прыгнуть через гребаное кольцо.

В ту секунду, когда я вешаю трубку, мой телефон летит через всю комнату, ударяясь о стену, которая соединяет мою квартиру с квартирой Алекса, и я выкрикиваю свое разочарование миром в тишину моего дома.

Мой телефон звонит, явно недостаточно разряженный, чтобы больше не работать.

Подкрадываюсь, беру его и смотрю на экран.

Алекс: Ты в порядке, братан?

— Просто чертовски идеально.

Игнорируя его, я засовываю телефон в карман и отправляюсь за самым крепким кофе, какой только могу приготовить, в надежде, что это поможет мне пережить то дерьмо, которое Дэвенпорт организовал для меня.

Оказывается, это индивидуальные сеансы поддержки во время моих обычных занятий.

К обеду я так близок к тому, чтобы выйти прямо из этой чертовой школы, что едва могу нормально видеть.

У меня кружится голова, тупая боль за глазами усиливается с каждой секундой, и в довершение всего я чертовски проголодался из-за отсутствия завтрака.

— Деймон, подожди, — зовет знакомый голос у меня за спиной.

— Что? — рявкаю я, не потрудившись оглянуться.

— Папа сказал—

— К черту то, что сказал твой отец, Тео. Мне не нужна твоя помощь.

Его обеспокоенный взгляд прожигает мне щеку, но я по-прежнему отказываюсь смотреть на него.

— Я никогда этого не говорил. Я уверен, что ты более чем способен сделать это сам. Но если тебе нужен партнер по учебе или что-то еще, просто знай, что я здесь, — говорит он, смягчая удар.

— Я бы не ждал моего звонка.

— Предложение в силе, чувак. И это может быть между нами.

— Я сказал, я не—

— Верно, понял. Ты идешь в ресторан? Скучал по тебе на этой неделе, чувак.

Наконец, я смотрю на него, мои брови почти достигают линии роста волос от его слов.

— Что? — спрашивает он со смехом. — Ты можешь пытаться держаться на расстоянии, но ты один из нас, и ты это знаешь, — бормочет он. — Теперь смирись с этим и поешь с нами, и будь дружелюбным.

Он улыбается мне, и урчание в моем животе гарантирует, что у меня нет другого выбора, кроме как следовать за ним, когда мы входим в огромную комнату, которая решит по крайней мере одну из моих проблем.

В ту секунду, когда я бросаю взгляд на стол, который Тео и Нико назвали нашим в наш первый день в шестом классе, я понимаю, что мой день вполне может закончиться, когда я нахожу Калли увлеченной жарким разговором с Себом и Стеллой, а Алекса нигде не видно.

Через несколько минут Нико прерывает очередь, чтобы присоединиться к нам. Группа парней позади нас изо всех сил старается скрыть раздражение на своих лицах, зная, что в ту секунду, когда они выйдут из-под контроля, то, что они собираются выбрать на обед, перестанет быть самым важным вопросом в их жизни.

Нико мило улыбается им, когда им удастся сдержать свое раздражение в пользу того, чтобы не менять выражение лица.

— Как дела, чувак? — говорит он, обнимая меня за плечи, как будто мы близки.

Спойлер: мы не такие. И будет только хуже, когда он поймет, что единственная вещь, о которой я сейчас думаю, — это киска его сестры.

Мой член дергается в ответ на эту мысль.

Я в заднице. Полностью и по-королевски облажался.

— Есть какая-нибудь хорошая информация для нас на итальянском фронте?

— Нико, — рычит Тео, в его голосе слышится раздражение из-за того, что он готов говорить об этом так публично.

— О, остынь, я просто дергаю тебя за цепь. Я вряд ли ожидаю, что кто-либо из вас будет обсуждать бизнес перед этими тупыми кисками. — Он кивает парням, перед которыми выскочил, когда я беру поднос и становлюсь в начало очереди, гарантируя, что одарю

сегодняшнюю официантку своей лучшей улыбкой, чтобы получить дополнительные порции.

Она оказывает мне поддержку, и вскоре я иду к единственной другой соблазнительной вещи в этой чудовищной школе.

Я чувствую, что Тео и Нико следят за мной, но мои глаза не отрываются от моего ангела, когда Нико рывкает через весь ресторан: «Эй, Джером, хочешь сегодня посидеть с большими мальчиками?»

Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джером чуть не наложил в штаны, и не могу удержаться от ухмылки.

Он нормальный парень. Я работал с ним в течение последнего года, обучая его стрельбе и другим вещам, которые, как надеется его старик, помогут ему немного закалиться. Я не уверен, что это произведет желаемый эффект. Несмотря на все старания его отца и старшего брата, я просто не думаю, что он станет таким солдатом, на которого они надеются.

Калли смотрит на Джерома, на ее лице написано сочувствие, от которого у меня сводит живот от ревности.

Он тот парень, с которым она должна быть. Кто-то добрый, надежный, и у него гораздо меньше шансов оказаться мертвым после плохой ночи на работе.

Ему суждено стать частью Семьи, но в конечном итоге он будет работать с нашими аккаунтами или чем-то столь же безопасным и скучным.

Не обращая внимания на зеленоглазого монстра, из-за которого мне хочется вытащить ее из комнаты и запереть где-нибудь, где только я могу ее видеть, я подхожу к столу, как будто в моем мире все в порядке.

Движение у двери привлекает мое внимание, и я нахожу Алекса, стоящего там с подбитым глазом, которым я наградил его прошлой ночью, смеряющим взглядом, когда я опускаюсь на задницу рядом с Калли, как будто мне на все наплевать.

Его челюсть тикает от раздражения.

Прости, брат. Сегодня она моя.

Она напрягается в ту секунду, когда мое плечо касается ее плеча, и мне приходится бороться с ухмылкой, которая хочет изогнуться на моих губах, зная, что я воздействую на нее.

— Ты выглядишь ужасно, — громко заявляет она, обращая все внимание в мою сторону. Опасно, Ангел. Очень опасно.

— Плохая ночь? — спрашивает Себ, озабоченно приподнимая брови.

— Ты знаешь, как это бывает, — бормочу я, берясь за вилку, более чем готовый погрузиться в обилие еды на моей тарелке.

— Ты всю ночь учился, не так ли, Ди? — ехидно говорит Тео, садясь напротив меня.

— Что-то вроде этого. — Я, определенно, кое-чему научился. Я бросаю взгляд на девушку рядом со мной, чьи руки сжаты в кулаки под столом.

— Итак, ты добился прогресса? — спрашивает Тео.

— Добираюсь туда. Я думаю, мои намерения начинают доходить.

— Хорошо. Что мы можем сделать, чтобы предотвратить неизбежное?

По комнате проходит волна напряжения. Все мы — ну, возможно, не Калли, поскольку всем нравится держать ее в каком-то защитном пузыре — знаем, что война с итальянцами неизбежна.

К счастью, разговор заходит о футболе, к которому у меня меньше, чем нулевой интерес. Человек рядом со мной, однако...

Заканчивая есть, я отодвигаю поднос и поворачиваюсь к Калли, одна из моих рук опускается под крышку стола.

— Ты готова к праздникам, малышка Си? — спрашиваю я, называя ее именем парней вместо своего собственного.

— Черт возьми, да, — говорит она с усмешкой. — Недели без необходимости видеть всех вас, засранцев, каждый день, — язвит она.

— Ой, детка, — жалуется Алекс, явно прислушиваясь к каждому нашему слову. — Я думал, у нас все хорошо складывается с нашими учебными свиданиями.

— Похоже, тебе это очень нравится. — Она заикается, когда мой мизинец касается ее бедра, задирая юбку так, чтобы никто не мог видеть.

— О, черт возьми, да, — ухмыляется он. — Мы снова встречаемся сегодня вечером, верно?

У нее перехватывает дыхание, когда я поднимаюсь выше.

— Не сегодня вечером, плейбой. У меня группа поддержки.

— Черт возьми, Деймос. Даже сестра твоего приятеля сейчас тебе отказывает. Это новый уровень, даже для тебя, — смеется Тоби, последний из нашей группы, кто появился.

— Тобс, — объявляет Тео, вставая, чтобы поприветствовать его возвращение после ада, через который он только что прошел с Джоди.

Поскольку все внимание приковано к нему, это дает мне немного пространства, чтобы еще немного подразнить мою девочку.

— Ты сама выглядишь немного уставшей, малышка Си, — шепчу я. — Нарушенный сон? Ее губы сжимаются в тонкую линию, когда она сердито смотрит на меня.

— Тебе нужно остановиться.

— О, но смотреть, как розовеют твои щеки, слишком весело.

Рычание вырывается из ее горла, когда мои блуждающие пальцы наконец добираются до края ее трусиков.

Она ахает, отпрыгивая назад на сиденье скамейки так резко, что чуть не падает со спинки.

— Калли? — спрашивает Стелла, ее брови сведены вместе из-за странного поведения ее подруги.

— И-извините. Я... э-э... Мне показалось, что я увидела паука.

Лицо Калли светится только ярче, когда все взгляды обращены на нее.

— Я... его не было, — подтверждает она.

— В любом случае, — говорит Нико, к счастью, скрывая странности своей сестры под ковром. — Какие планы на выходные? Начало каникул, кто-то должен устроить грандиозную вечеринку по игре в покер в пятницу вечером.

Тео, Себ и Тоби подозрительно переглядываются.

— Что? Что я упускаю? — дуется Нико, как ребенок, как будто его лишили чего-то захватывающего.

— Мы собираемся на тройное свидание в пятницу вечером.

— Тройное свидание? — повторяет Нико, его лицо искажается, но я не уверен, оскорблен он или удивлен такой перспективой.

— Найди себе приличную, серьезную девушку в ближайшие два дня, и мы будем более чем рады устроить тебе четырехразовое свидание. Я уверен, что Брианна была бы более чем готова к тому, что мы запланировали.

— Отвали, этого не будет, — издевается он, ко всеобщему удовольствию.

— Именно, поэтому тебе нужно найти кого-то другого, кто будет радовать тебя своим присутствием, — говорит Тоби с ухмылкой.

— Кэл, а как насчет тебя? Слышала о каких-нибудь приличных вечеринках, на которые меня случайно не пригласили?

Брови Калли в шоке взлетают вверх. — Я? Когда это меня приглашали на вечеринку без тебя?

— Я просто надеялся. Я не собираюсь проводить первую ночь каникул дома в одиночестве.

— Я уверена, ты мог бы найти кого-нибудь, кто был бы готов терпеть тебя, — бормочет Калли.

— Не, он уже показал девушкам с этого почтового индекса, что ни за что не сможет их удовлетворить. Они все отправились на поиски в другое место.

— Пошел ты, Александр. Пошел ты. Когда в последний раз у тебя была девушка, выкрикивающая твое имя, когда она не убегала в страхе?

Глаза Алекса устремляются на Калли, и моя кровь превращается в лаву при мысли о том, что он прикасается к ней.

Моя хватка на ее бедре усиливается, пока она предупреждающе не взвизгивает.

— Ты гребаный мудака, — бормочет Алекс.

— Вам двоим действительно нужно потрахаться, — услужливо указывает Стелла. — Вы прямо капризные придурки.

— Ну, ты была бы такой, если бы единственным вариантом провести вечер пятницы было потусоваться со своей младшей сестрой, — рычит Нико, подставляя мне спину.

— Я мог бы придумать вещи и похуже, — говорю я, не собираясь произносить эти слова вслух.

— Извини, братан, — говорит Калли, прежде чем Нико успевает ответить на мой комментарий, — Я занята, нянчусь с сопляками. — Она бросает веселый взгляд в сторону Тео. — Мы более чем рады—

— Иисус. Когда моя жизнь стала такой скучной?

— Осторожнее со своими желаниями, чувак. Мы на пороге того дерьма, которое становится по-настоящему захватывающим, — предупреждает Тео.

Над нашей группой воцаряется тишина, когда суровая реальность ситуации наваливается на нас.

— Верно. Что ж, теперь, когда мы обнаружили, что у Нико нет друзей, я ухожу, — говорю я, замечая учителя, с которым у меня должно быть обеденное занятие по математике, когда он направляется к выходу.

Я снова сжимаю бедро Калли, чертовски желая наклониться и поцеловать ее, прежде чем пододвинуть свой поднос поближе, готовый оставить их, но мягкий голос Калли останавливает меня.

— Что случилось?

Я должен дважды взглянуть на беспокойство, которое заставляет ее сдвинуть брови.

У меня скручивает живот от того, как она на меня смотрит. Как будто... как будто ей... не все равно.

Жар всеобщего внимания обжигает мне щеку, заставляя прийти в себя.

— Я ухожу, — повторяю я, отводя от нее глаза, как будто ее слова ничего не значат, и

ухожу.

20

КАЛЛИ

Я смотрю, как Деймон уходит с тяжелым сердцем.

Сегодня в нем что-то изменилось.

И хотя я, возможно, заявила в школу с намерением устроить ему новую взбучку за то, как он оставил меня стоять в душе прошлой ночью, в ту секунду, когда он упал рядом со мной, и я увидела поражение в его глазах, все изменилось.

Этого не должно было быть. В глубине души я все еще хочу быть сумасшедшей. Но есть что-то в его сегодняшней ауре, что останавливает это.

Кажется, никто больше не замечает, и по мере того, как он удаляется от нашей группы, их разговоры возобновляются, как будто его здесь никогда не было.

Я сижу так долго, как могу, но, в конце концов, мое беспокойство берет верх надо мной.

Я оправдываюсь тем, что собираюсь немного позаниматься в библиотеке, и ухожу, никто и глазом не моргнул.

Я понятия не имею, куда он мог пойти. Вероятно, сел в свою машину и уехал, судя по выражению его лица и напряжению в плечах, когда он отходил от нашего столика, но это не остановит меня от поисков.

Я направляюсь в библиотеку, как и говорила, но иду длинным обходным путем, заглядывая по пути в каждый класс, надеясь, что он может прятаться в одном из них.

Но не тут-то было.

Все меняется, когда я сдаюсь, протискиваюсь в библиотеку и направляюсь в свой любимый тихий уголок.

Большинство людей обычно не спускаются сюда, если только у них не частные уроки по другую сторону высокого книжного шкафа, за которым я прячусь с глаз долой.

Мои шаги замедляются в ту секунду, когда его глубокий, расстроенный голос достигает моих ушей.

— Это ничего не изменит, — огрызается он убийственным тоном. Я не могу не чувствовать немного жалости к тому, кто находится на другом конце его раздражения. Я чертовски надеюсь, что это учитель, который может постоять за себя, а не ребенок, который предложил помощь. Не то чтобы я действительно думала, что Деймон примет что-либо от другого ученика.

Он держит свои... проблемы как можно дальше, предпочитая игнорировать их существование в надежде, что все остальные делают то же самое — или лучше, не замечают.

Я думаю, это объясняет отношение, когда он вышел из-за стола.

— Ты продолжаешь слишком сильно давить на себя, чтобы все получилось правильно. Действуй медленнее. Доверяй процессу, — отвечает глубокий голос, и я вздыхаю с облегчением, потому что он звучит как голос учителя. Любой ребенок, вероятно, к этому моменту уже убежал бы с криками. Деймон может заставить даже взрослых мужчин усомниться в своем жизненном выборе одним взглядом, не говоря уже о подростках.

— Я не торопился. Я занимаюсь этим почти два гребаных года.

Кто-то выпускает тяжелый вздох. Учитель, я, полагаю.

— Давай попробуем по-другому.

Я устраиваюсь поудобнее не потому, что хочу слушать, а потому, что это мой маленький

кусочек рая в месте, наполненном белым шумом и всякой ерундой.

Я достаю свой телефон и AirPods из сумки, но прежде чем положить их туда, проверяю свои сообщения. От Анта ничего нет. Я знаю, что мы разрываем связи — так и должно быть. Это правильный поступок. Но это все равно больно. Отбросив мысли о нем в сторону, я беру домашнее задание, которое мне дали сегодня утром, и с которого мне нужно начать.

Я поглядываю в конец прохода, ожидая, когда Деймон уйдет, в надежде, что смогу догнать его.

За пять минут до звонка я собираю вещи и выключаю музыку. Звук раздраженного ворчания Деймона быстро заменяет ее.

— Вы можете бороться с этим сколько угодно, но мы сделаем так, чтобы это произошло.

— Не похоже, что у меня большой выбор, — огрызается он. — Потому что, если я не... — Его слова замолкают, когда мое сердце подскакивает к горлу.

Если он этого не сделает, то что?

Я быстро запихиваю все в свою сумку и пробираюсь к концу книжного шкафа, готовая перехватить его.

Мистер Перкинс появляется первым, выглядя совершенно раздраженным, и я не могу не сочувствовать ему. Иметь дело с Деймоном, должно быть, утомительно. Черт его знает, я все еще чувствую последствия нашего свидания.

Я жду, пока его тень не появится передо мной, затем выхожу, блокируя ему выход.

Ему требуется секунда, чтобы поднять глаза от пола, и когда это происходит, они наполняются шоком.

Пока это не превратится во что-то гораздо более ужасающее.

Гнев. Неразбавленный, раскаленный гнев.

Его рука поднимается, его пальцы обхватывают мое горло, когда он отталкивает меня обратно в тень.

Я ударяюсь спиной о стену, моя сумка падает с плеча на пол.

— Какого хрена ты делаешь? — рычит он, наклоняясь так близко, что его нос почти касается моего, и его запах наполняет мои чувства.

— Я... я... — заикаюсь я, не в силах заставить свой мозг работать в достаточной степени, чтобы сформулировать ответ.

— Ты следила за мной?

— Э-э... — Я колеблюсь, потому что да, в некотором смысле я так и сделала. Но только из беспокойства, и я нашла его здесь случайно.

— Зачем? Чтобы посмеяться надо мной? Чтобы найти что-то, что ты могла бы использовать против меня?

— Что? — Спрашиваю я, наконец обретая дар речи. — Нет. Никогда. Я бы этого не сделала.

— Тогда почему ты, блядь, здесь?

Его темные и смертоносные серые глаза впиваются в мои, его пальцы сжимаются на моем горле, все мое тело дрожит, адреналин струится по моим венам.

— Я-я... — Сглатывая, я даю себе секунду, чтобы взять себя в руки. — Я волновалась, поэтому вышла из ресторана, чтобы посмотреть, смогу ли я найти тебя. Я этого не сделала. Но когда я решила...

— Решила, что? — резко рычит он.

— Спрятаться, — шепчу я.

— От чего, черт возьми, тебе нужно прятаться?

— Кроме тебя, очевидно? — Язвлю я, зарабатывая себе еще один хмурый взгляд. — Я не сидела здесь, слушая твою сессию. Я вставила свои AirPods. Но это не значит, что я не обеспокоена.

— Мне не нужна твоя гребаная забота, Ангел.

— Нет, ты просто хочешь, чтобы я была покрыта твоей кровью и полна твоего члена. Все остальное не имеет значения, верно? — Я отступаю. Боль скручивает мои внутренности, но я отказываюсь выпускать ее на поверхность.

Его челюсть сжимается, зубы, вероятно, превращаются в пыль за поджатыми губами.

— Что произойдет, если ты не сдашь эти экзамены, Деймон?

Он смотрит на меня так долго, что я не думаю, что он собирается мне ответить, но затем его губы приоткрываются. Но я не получаю ничего похожего на тот ответ, которого я хочу.

— Не твое дело.

Я качаю головой, глядя на него, не желая играть с ним в эту игру, пока он возводит такие высокие стены.

— Отлично, — шиплю я. — Храни свои гребаные секреты и разбирайся со своими проблемами в одиночку.

— Это то, к чему я привык.

— Я помню время, когда этого не было, — парирую я, вспоминая то время, когда нам было по шесть и я нашла его в логове, которое они с Алексом устроили в глубине их сада после того, как он поссорился со Стефаносом.

— Это было давно, — говорит он, и в его глазах мелькает боль при воспоминании.

— Ты можешь поговорить со мной. Что бы это ни было, я могу—

— Ты права, — огрызается он, обрывая мое предложение помощи. — Я хочу тебя только тогда, когда ты полна моего члена.

Я задыхаюсь от холодности его признания, мое сердце раскалывается, несмотря на то, что я знаю, что мне должно быть все равно.

Что бы это ни было между нами, это несерьезно. Я просто не уверена, что мне нужно было такое жестокое напоминание об этом.

— Убери от меня свои гребаные руки, — шиплю я, вкладывая в свой тон как можно больше яда.

Мои ногти впиваются в его руку, когда я пытаюсь оторвать его пальцы от своего горла, но он не двигается и даже не пытается ослабить хватку.

Сжимая другой кулак, я изо всех сил бью его по плечу.

— Я сказал, отпусти, — требую я.

Но на него это никак не влияет, и вместо того, чтобы сделать шаг назад, он сокращает пространство между нами. Прижимаясь своим твердым телом ко мне по всей длине, он прижимает меня к стене, гарантируя, что я не могу сосредоточиться ни на чем, кроме него и гнева, который исходит из каждой его поры

— Николас, что ты—

Его губы обрушиваются на мои, крадя мои слова и дыхание.

Я сопротивляюсь так долго, как могу, но, когда его язык скользит по моей нижней губе во второй раз, я действую инстинктивно и целую его в ответ.

Только когда рычание желания вырывается глубоко из его горла, реальность поражает меня.

Я впиваюсь зубами в его нижнюю губу, и он отстраняется с диким выражением в глазах.

— Мы закончили здесь, — заявляю я, умудряясь выскользнуть из-за него и стены.

Закидывая сумку на плечо, я ухожу, пока между нами не остается безопасное расстояние.

— Когда ты будешь готов извиниться, или поговорить, или принять помощь, или... Неважно. Ты можешь прийти и найти меня. И если я буду в хорошем настроении, то, возможно, найду время для тебя.

— Ты могла бы? — рычит он.

— Да, потому что прямо сейчас ты этого не заслуживаешь.

Я ухожу с высоко поднятой головой, несмотря на то, что мое сердце разрывается на части, когда звук его разочарованного рычания достигает моих ушей, за секунду до выворачивающего внутренности глухого удара, который мог быть только от столкновения его кулака с чем-то.

К черту его. К черту его и его темное, упрямое, сексуальное— Блядь.

Я ожидала, что посреди ночи меня разбудит дьявол, но, когда я пришла в себя на следующее утро, я была удивлена, что меня никто не навестил.

Там ничего не было. Никаких доказательств того, что он позволил себе войти и делал то, что, черт возьми, он делает, пока я сплю. Хотя ощущение, что за мной наблюдали в какой-то момент, все еще заставляло мою кожу покалывать, как будто я могла бы найти его, прячущегося где-то, если бы я посмотрела достаточно внимательно.

Пока я не зашла в ванную, и там, в душе, именно там, где я стояла, когда он уходил от меня во вторник вечером, была его визитная карточка. Маленькая оригами-летучая мышь.

Это все, что я видела от него за весь день, кроме его спины, когда он выходил из общей комнаты, как только я вошла, как будто он был слишком напуган, чтобы посмотреть на меня, встретиться со мной лицом к лицу.

Я хочу сказать, что мне не было больно, когда меня так холодно отвергли. Но это произошло.

Я хотела, чтобы он поговорил со мной. Чтобы довериться мне. В конце концов, мы уже хранили вместе огромные секреты. Что еще есть между нами?

Я пыталась оставить это позади и сосредоточиться на школе, на всем, что мне еще нужно было сделать, чтобы подготовиться к экзаменам, но это легче сказать, чем сделать.

— У тебя есть все, что тебе нужно, Калли? — спрашивает Селена, входя на кухню, выглядя такой же очаровательной, как всегда. Если бы вы не знали, что она была женой босса мафии, то в это было бы нетрудно поверить.

— У нас все хорошо, спасибо, — говорю я, переводя взгляд с Атласа на Ларису, которые сидят за барной стойкой, просматривая тетради с заданиями.

— Ладно, что ж, как обычно, закажи себе на ужин все, что захочешь. И если что-то пойдет не так, у меня с собой телефон.

— Все под контролем, Селена.

— Спасибо тебе, Калли. Я действительно ценю, что ты нашла время, чтобы помочь нам.

— В любое время, — честно говорю я. И я серьезно. Я действительно не против присматривать за своими кузенами, я просто предпочитаю, чтобы это было мое решение, а

не сваливать его на меня моей мамой, которая не думает, что мне есть чем заняться в своей жизни.

— Ты хорошая девочка, Калли. Мы не должны быть намного позже полуночи.

Поцеловав каждого из своих детей в макушку, она направляется к входной двери, окликая Рею, их старшую дочь, которая прячется в своей комнате.

Подтащив табуретку между ними двумя, я принялась помогать им с sudoku, рисованием по точкам и поиском слов.

Не успеваю я опомниться, как проходит больше часа, и я убеждаю их, что им нужно подняться и приготовиться ко сну.

Я делаю заказ на наши с Реей любимые китайские блюда, зная, что она выйдет из своей комнаты, чтобы потусоваться, как только двое других лягут спать. И через несколько минут я поднимаюсь наверх, чтобы убедиться, что они делают то, что им сказано.

Я все еще сижу с Ларисой и читаю, когда почти тридцать минут спустя раздается звонок в дверь.

По пути к лестнице я заглядываю к Атласу и обнаруживаю, что он уже без сознания, а затем стучу в дверь Реи, чтобы сказать ей, что еда приехала, прежде чем идти за ней.

— Доставка, — поет счастливый голос, когда я открываю входную дверь и нахожу Алекса, стоящего там с нашим ужином.

— Э-э... не знала, что у тебя есть работа водителя доставки. Если ты хочешь совет, то я думаю—

— К черту чаевые. Но я приму поцелуй.

— Алекс, — рычу я.

— Что? Это справедливо. Без меня вы бы сейчас голодали.

— Или парень, у которого ты украл это по пути сюда, отдал бы это вместо этого и был бы доволен пятеркой за свои хлопоты.

— Пфф, что он на самом деле собирается делать с пятеркой, в любом случае? Твой поцелуй может быть материалом для дробки в течение нескольких месяцев.

— Ты отвратителен.

— Хочешь это? — поддразнивает он, держа сумку вне моей досягаемости. — Ты знаешь условия.

— Прекрасно. — Звук шагов Реи гремит по лестнице позади меня, когда я наклоняюсь.

Глаза Алекса загораются, но за мгновение до того, как я нахожу его губы, я отскакиваю в сторону и целую его в щеку.

— Спасибо за дружеское обслуживание. Может быть, в будущем продолжишь убивать людей, Деймос.

Я хватаю сумку и иду закрывать дверь, зная, что он не позволит этому случиться.

— Воу, воу, — говорит он, выходя в коридор. — Я пришел повеселиться и составить тебе компанию.

— Не обязательно. Мы с Реей устраиваем девичник.

— Я ранен. — Он проводит рукой по лицу. — Моей коже не помешала бы маска для лица. И мои ногти... — говорит он, осматривая их. — Почти уверен, что под ними все еще есть кровь какой-то суки из— Я чувствую, как Рея подходит ко мне сзади на мгновение раньше, чем Алекс проглатывает свои слова.

— Привет, Алекс, — говорит Рея, ее голос немного выше, чем я привыкла.

Я оборачиваюсь и вижу, что ее щеки пылают, когда она смотрит на него с застенчивой

улыбкой, играющей на ее губах.

О боже.

— Ты придешь потусоваться с нами? — спрашивает она, надежда льется из каждого слова.

— Черт возьми, да. В какой цвет ты хочешь покрасить мои ногти?

Она хихикает, и Алекс подмигивает мне.

Иисус. Потому что его это должно было стать еще больше.

Они оба направляются в гостиную, Алекс забирает пакет с едой.

— Итак, какой женский фильм идет первым?

— Фу, девчачий фильм? — стонет Рея, заставляя меня смеяться. — Обычно мы смотрим что-нибудь более... взрослое.

— О, например, что? — спрашивает Алекс, когда они исчезают за углом.

К тому времени, как я собрала тарелки и принесла нам всем напитки, они вдвоем увлеченно обсуждают последний фильм «Форсаж». Алекс расслаблен, закинув ноги на кофейный столик, в то время как Рея сидит, скрестив ноги, лицом к нему, выпитывая каждое слово, которое срывается с его губ.

— Выкладывай это, Деймос, — говорю я, имея в виду ужин, и тут же сожалею о своих словах.

— Каллиста, в комнате дети, — говорит Алекс с веселой ухмылкой.

— Я не ребенок, — дуется Рея. — Мне почти пятнадцать. И я точно знаю, чем вы, ребята, все занимались в пятнадцать. — Она приподнимает бровь, глядя на Алекса, выглядя чертовски нахально.

Тео будет тяжело, держа это дело под контролем в течение следующих нескольких лет. Они думают, что им было тяжело со мной, но им придется усилить свою игру.

— Черт возьми, — бормочет Алекс. — Но я должен предупредить тебя, что слишком быстрое взросление — это еще не все, что кажется странным. Лучше оставаться милой и невинной как можно дольше. Не так ли, малышка Си?

— Я не собираюсь вмешиваться, — бормочу я, ставя тарелки на кофейный столик.

Очарования еды достаточно, чтобы поднять Рею с дивана. Она опускается на колени рядом со мной и быстро берет свое любимое блюдо, накладывая его себе на тарелку.

Алекс ловит мой взгляд поверх ее головы.

«Она милая», — одними губами произносит он.

— Веди себя прилично, — тихо предупреждаю я, заставляя его губы расплыться в улыбке, от которой слабеют колени.

Иисус Христос. Сердце Реи будет разбито.

— Ты не ешь, Алекс? — спрашивает она, сидя на полу, скрестив ноги, пока по телевизору показывают боевик. Я подозреваю, что она решила произвести впечатление на нашего гостя.

— Вы, ребята, заказывали не для меня.

Мои брови взлетают вверх. Алекс никогда не отказывается от еды. Сегодня вечером он действительно пытается быть джентльменом.

— Ее много. Налетай, — говорю я, не в силах выносить, когда он смотрит, как мы едим, когда я знаю, что он умирает от желания поесть.

Мы сидим на полу, набивая морды, пока у меня не начинает болеть задница и я больше не чувствую ног. Я понятия не имею, о чем фильм — мы слишком заняты смехом и шутками

о жизни и школе. И Алекс, похоже, играет в какую-то игру, чтобы посмотреть, как быстро он сможет заставить Рею покраснеть, за что он заслужил больше, чем несколько тычков в ребра.

Но это весело, и это позволило мне посмеяться так, как я и не подозревала, что так отчаянно нуждалась.

— Мне нужно в туалет, — говорю я, приходя в себя после очередного приступа смеха.

У меня на глазах стоят слезы, а мышцы живота болят, но это так здорово.

Я едва могу контролировать свои ноги, когда встаю в полный рост и врезаюсь в Алекса, используя его плечо для поддержки, пока жду, когда ощущения вернуться к моим ногам.

— Тебе нужна помощь? — предлагает он.

— Чтобы воспользоваться туалетом? — Я приподнимаю бровь, глядя на него. — Нет, я думаю, что справлюсь.

Собрав несколько пустых коробок, я пробираюсь на кухню, оставляя их на потом, прежде чем спуститься в ванную.

У меня покалывает кожу, когда я выхожу обратно в коридор, как будто за мной наблюдают.

Игнорируя это, я продвигаюсь вперед. И только когда я обхватываю пальцами ручку, собираясь войти, я понимаю, что мне действительно следовало немного больше подумать об этом чувстве.

Мое сердце колотится, когда рука обхватывает мое горло, и длинное, твердое тело прижимается ко мне, загоняя меня внутрь.

— Деймон, какого черта ты—

Мои слова обрываются, когда он прижимает меня спиной к двери и прижимается своими губами к моим.

Мои руки опускаются ему на грудь, не слишком нежно, когда я пытаюсь оттолкнуть его от себя.

Но его вес слишком велик, и, в конце концов, у меня нет другого выбора, кроме как уступить тому, что, как мы оба знаем, неизбежно.

Громкое рычание вырывается из его горла, когда я наконец уступаю и отвечаю на его поцелуй, глубоко облизывая его рот и принимая все, что он мне предлагает, в то время как его тело продолжает давить на мое, его член твердый и настойчивый, когда он прижимается к моему животу.

— Что ты делаешь? — вздыхаю я, когда он наконец отпускает мои губы в сторону моей шеи.

— Напоминаю тебе, кому ты принадлежишь, — стонет он в чувствительный участок кожи у меня под ухом.

— Я не твоя, Николас, — возражаю я.

— Посмотрим.

— О, черт, — ахаю я, когда его рука проникает мне под платье и натягивает леггинсы.

Рычание вырывается из его горла, когда он проводит пальцами по мне, находя меня влажной и готовой.

— Я действительно надеюсь, что это из-за меня, Ангел.

— О Боже, — всхлипываю я, когда он кружит по моему клитору.

— Скажи мне, Ангел. Это из-за меня... или него?

Я прикусываю внутреннюю сторону губ, чтобы удержаться от ответа.

Когда он понимает, его движение останавливается, заставляя меня вскрикнуть от разочарования.

— Скажи мне, или я отправлю тебя обратно промокшей и отчаявшейся.

Мои глаза сужаются от гнева.

— Я уверена, что он мог бы закончить работу, — издеваюсь я. Это удар ниже пояса, но, похоже, именно здесь мы потерпели поражение в этой маленькой игре, в которую играем.

— Не дави на меня, черт возьми, Ангел. Тебе не понравится результат. И я думаю, что есть пара молодых людей, которым, вероятно, не понравилось бы, если бы я вынес тебя и трахнул через кофейный столик, чтобы доказать свою правоту.

— Нет, — кричу я в панике.

— Хорошо, так скажи мне. Это из-за меня... Он опускает руку ниже, погружая два пальца в меня и сгибая их вот так. — Или него?

— Ты, — выдыхаю я. — Это из-за тебя.

Дьявольская улыбка растягивает его губы, когда я делаю это признание.

Его пальцы не останавливаются, когда его глаза перебегают с моих на мои распухшие губы.

На кончике моего языка вертится миллион вопросов и еще больше причин, почему я не должна позволять этому случиться. Но ни одного из них недостаточно, чтобы остановить меня.

Мои последние слова, сказанные ему на днях в библиотеке, все еще в силе, и я более чем осознаю, что он здесь из чистой ревности, а не потому, что хочет о чем-то поговорить. Но все же, поскольку он играет моим телом так, как будто оно предназначено для него, я бессильна остановить его.

— Черт, ты нужна мне, — стонет он, запуская пальцы свободной руки в мои волосы и снова завладевая моими губами.

Он оттаскивает меня от двери, как будто я не более чем тряпичная кукла, прежде чем оторвать свои губы от моих и заставить меня встать над раковиной.

— Посмотри на меня, Ангел, — требует он, поднимая мою голову, так что у меня нет выбора, кроме как смотреть на него, стоящего позади меня в зеркале.

У меня перехватывает дыхание от окружающей его темноты. Его глаза черные, губы полные и приоткрыты, когда он пытается отдышаться.

Я сделала это.

Что-то потрескивает между нами, когда мы просто смотрим друг на друга в тишине ванной.

Я знаю, что мне нужно вернуться туда, что они скоро придут за мной, но я попала в ловушку этого сложного и опасного человека.

Наша связь окончательно разрывается, когда он задирает мое платье за спину и стягивает леггинсы и трусики с бедер.

— Когда ты выйдешь отсюда, из тебя будет капать моя сперма, Ангел, напоминая тебе, кому ты принадлежишь, пока ты смеешься с моим братом.

— О Боже, — хнычу я, когда он проводит головкой своего твердого члена по моей влажности.

— Ты поняла это? Ты моя, Каллиста. Ты мой ангел, а не его.

— Да, да, — кричу я, отчаянно желая, чтобы он перестал дразнить и вошел в меня.

Мне нужно, чтобы он наполнял меня, растягивал до тех пор, пока, клянусь, я не

разорвусь пополам только ради него.

— Пожалуйста, мне нужно... — Мои слова застревают у меня в горле, когда он, наконец, подается вперед. Его рука в моих волосах гарантирует, что я не упаду прямо в раковину. Он держит меня именно так, как хочет, наши взгляды не отрываются, когда он жестко входит в меня.

— Не могу насытиться тобой, Ангел.

— Т-тогда ты д-должен перестать быть таким... — Его бровь приподнимается, пока я пытаюсь выдавить из себя слова. — Засранцем, и т-ты можешь получить—

Треск.

Моя задница горит от силы его пощечины, и я вскрикиваю, моя киска сжимается на его длине, заставляя его рычать.

— Черт, — ворчит он. — Черт.

Он снова шлепает меня, и крик срывается с моих губ.

Не прошло и двух секунд, как мое сердце подскакивает к горлу, когда мое имя эхом доносится из-за двери, прежде чем Алекс постучит.

— Ты в порядке? — спрашивает он, в его голосе слышится беспокойство, когда мои глаза расширяются при виде Деймона в зеркале.

Он наклоняет подбородок, инструктируя меня справиться с этой ситуацией.

Подавляя панику, я делаю глубокий вдох.

— Д-да, я в порядке. Я сейчас выйду. — К счастью, мой голос звучит почти нормально, когда я отвечаю.

— Кэл, ты— да, хорошо. Я просто принесу нам еще выпить.

Он задерживается у двери на несколько секунд, как будто его не убедили мои слова, но в конце концов его шаги начинают удаляться от нас.

Движения Деймона снова начинают усиливаться.

— М-мы не можем, — шепчу я, мое сердце пытается выскочить из груди от того, что мы так близко подошли к тому, чтобы быть пойманными.

— Как будто, черт возьми, мы не можем, — ворчит он, бедра выдвигаются вперед, когда его рука отпускает мои бедра, позволяя его пальцам ласкать мой клитор, пока у меня не остается выбора, кроме как упасть через край.

Мои зубы впиваются в губы, пока медный привкус крови не наполняет рот, пока я борюсь с тем, чтобы удержать любую словесную реакцию внутри.

Деймон запускает пальцы в мои волосы, тянет, пока они не начинают гореть, и меня не поднимают на ноги.

Его рот обхватывает мое горло, зубы впиваются в мою кожу, а его член набухает внутри меня.

Из его горла вырывается глубокий рокот, его член яростно дергается внутри меня, когда он кончает.

— Ты моя, Ангел. И если ты позволишь ему приблизиться к тебе сегодня вечером, он узнает. Ты пахнешь мной, ты полна мной, ты покрыта моими отметинами.

Моя грудь вздымается, от его слов кружится голова.

— Он возненавидит тебя, — шепчу я, не в силах отвести взгляд от его отражения в зеркале.

— Мне все равно.

ДЕЙМОН

У меня покалывает кожу от ее внимания, когда моя ложь скисает у меня на языке.

— Чужь собачья, — выплевывает она.

Моя рука дрожит на ее бедре, и я молюсь всем, кто будет слушать, чтобы она этого не почувствовала.

Она уже может заглянуть в мою душу глубже, чем кто-либо другой. Она уже знает слишком много.

Это одна из многих причин, по которым я должен был держаться подальше сегодня вечером.

Я пытался поступить правильно.

Я сел задницей на диван, окруженный гребаными учебниками и всем, чем я должен был заниматься. Но я не мог сосредоточиться.

Вместо математики моя голова была полна ею.

Я знал, что она здесь — она проговорила об этом на днях за обедом — и искушение проникнуть внутрь и удивить ее горело во мне сильнее, чем следовало.

У меня были все намерения составить ей компанию, предполагая, что дети уже легли спать.

Я понятия не имел о детях. Я едва ли помню, что сам был одним из них, если вообще когда-либо был, но я сказал себе, что ждать до десяти вечера будет безопасно, и я направился сюда.

Последнее, что я ожидал найти, припарковавшись дальше по улице и войдя на подъездную дорожку босса, была машина Алекса рядом с той, которую я спас со склада итальянцев. Я оставил Калли привязанной к моей кровати, чтобы убедиться, что она все еще будет там, когда я вернусь, замечая следы.

Ярость скрутилась в моем животе, когда ревность потекла по моим венам, быстро отравляя меня изнутри.

Образ того, как они вместе, свернувшись калачиком на диване, смотрят фильм, пьют, смеются...

Я собственными глазами видел, насколько они сблизились, и, хотя я, возможно, пока ничего не предпринимал по этому поводу из страха, что Алекс, да кто угодно, узнает правду, мне это чертовски не нравится.

Она моя. Свет во всей моей тьме. Ангел для моего дьявола.

Гребаный воздух, которым мне нужно дышать.

— Я вижу тебя, Деймон. Я вижу больше, чем ты думаешь, и я знаю, что ты любишь своего брата чем-то яростным, даже если не хочешь этого показывать.

Мои зубы скрипят от ее слов.

— Вот почему ты просто не ворвался туда и не объявил о своем присутствии. Вот почему ты не позволил себе на днях проникнуть в мой подвал и оттащить меня от его тела. Ты же не хочешь причинить ему боль.

— Нет, — возражаю я, мой член размягчается и выскальзывает из ее тела.

Она разворачивается в ту секунду, когда я отступаю, ее глаза сверлят мои.

— Я вижу тебя, Деймон. Ты не сможешь спрятаться от меня.

Моя грудь вздымается, когда я смотрю на нее, в ужасе от того, что она может быть права.

Я отдал ей от себя больше, чем кому-либо другому, но, боюсь, ей, возможно, удалось проникнуть еще глубже, чем я думал.

Когда я не отвечаю, она меняет тактику.

— Тебе нужно уйти.

— Ч-что? — заикаюсь я, не ожидая, что эти слова сорвутся с ее губ.

— Тебе нужно уйти. Мне нужно прибраться, и ты не собираешься стоять там и смотреть на меня.

— А как насчет Алекса?

— Что насчет Алекса? Ты пробрался внутрь, зная, что он был здесь. Я предполагаю, что у тебя был план на этот счет, — огрызается она, ее огонь заставляет мой член снова набухать.

Она очаровывает меня, когда молчит, наблюдая за тем, что происходит вокруг нее, и погружается в свои мысли. Но когда она позволяет этому огню разгореться, я быстро обнаруживаю, что все глубже попадаю под ее чары.

Мои губы приоткрываются, но я быстро обнаруживаю, что у меня нет слов.

— Иди прогуляйся туда и проведи ночь с нами, если хочешь, — предлагает она. — Рея скоро ляжет спать. Мы могли бы—

— Не надо, — рычу я. На самом деле, я понятия не имею, что она собирается предложить, но образы, которые всплывают у меня в голове, не те, которые нам нужно обсуждать.

Возможно, я и не положил конец тому, что росло между ними двумя, но это не значит, что я собираюсь каким-либо образом поощрять это.

— Просто... не надо.

На ее губах появляется улыбка, когда она изучает меня.

— Ревность тебе идет, Николас. Кто знал, что ты способен на такие чувства.

Я скриплю зубами, а ее улыбка становится шире.

Будь она проклята за то, что точно знает, на какие кнопки нажимать, чтобы добиться от меня реакции.

— Чего ты ожидала, когда девушка, которая должна быть моей, где-то там играет в игры не только с моим братом-близнецом, но и с нашим врагом?

— Я не играю в игры с— Нет, — прерывает она себя. — Я не собираюсь обсуждать это с тобой сейчас. Я не обязана тебе ничего из этого объяснять. Особенно когда ты отказываешься говорить со мной. Просто уходи. На этом мы закончили.

— Прекрасно. Но я не буду далеко. Не делай глупостей.

Ее ноздри раздуваются от моего предупреждения, но она отказывается произносить слова, которые вертятся у нее на кончике языка.

Вместо этого она просто отступает дальше в угол, давая мне легкий доступ наружу.

— Скоро увидимся, Каллиста. Не делайте ничего, за что нужно будет понести наказание. Или сделай. Неважно.

Я выскальзываю из комнаты, пока она стоит там, тихо кипя от злости, надеясь, что я не собираюсь врезаться головой в своего брата.

Я бы не стал недооценивать бедного, изнывающего от любви болвана, который стоит в конце коридора, ожидая, беспокоясь, что с Калли что-то не так.

К счастью, это не так, и я слышу его смех, доносящийся из гостиной, где они все тусовались, когда я впервые вошел в заднюю часть дома.

Открыв дверь кабинета Дэмиена, я проскальзываю в темную комнату, оставляя ее приоткрытой, чтобы я мог наблюдать за ней, когда она наконец появится.

Мне не нужно долго ждать, дверь чуть дальше по коридору открывается, и ее мягкие шаги проходят мимо меня.

Ее тяжелый вздох заставляет меня улыбнуться.

Следуя за ней, я останавливаюсь по другую сторону стены, чтобы услышать реакцию Алекса, потому что после того, что мы только что сделали, она ни за что не вернется туда с таким же невозмутимым видом, как выходила.

— Калли, что случилось? — спрашивает Рея, ее мягкий голос полон неподдельного беспокойства.

— Калли? — глубокий голос Алекса ударяет меня в грудь.

— Я в порядке, — говорит она легким голосом, как будто пытается отыгаться.

— Тебя не было целую вечность, и ты выглядишь—

— Я думаю, у меня была реакция на то, что я съела, — объясняет она, заставляя меня покачать головой. Хотя, я не могу отрицать гордость, которая растет во мне.

Вероятно, мне следует беспокоиться о том, что она так легко может ему лгать. Так гладко замечать ее грязные следы, но я не такой. Я уже знаю ее самые мрачные секреты, и я полностью намерен в скором времени раскрыть и любые другие, которые у нее есть.

— Черт, подойди и сядь, — подбадривает он. — Тебе что-нибудь нужно? стакан воды?

— Нет, я в порядке. Я думаю, это прошло.

— Тогда обнимемся на диване. Ты знаешь, я всегда воображал себя кем-то вроде врача.

— Ты ненавидишь кровь, — указывает она.

— Только свою собственную, — утверждает он, и мне не нужно выглядывать из-за дверного проема, чтобы понять, что он дуется.

— Фу, — жалуется Рея. — Вы двое раздражающе милые.

Мое сердце начинает учащенно биться, когда я думаю о том, что Калли уступает его предложению обняться.

Идя на огромный гребаный риск, я наклоняюсь вперед, отчаянно желая увидеть, что происходит по другую сторону стены.

Мне не нужно перегибать палку.

У меня перехватывает дыхание, когда я смотрю на свою девочку в объятиях моего брата.

Мои кулаки сжимаются, ногти впиваются в ладони так сильно, что выступает кровь, мой пульс учащается, а ревность разгорается сильнее, чем когда-либо.

Как он может не чувствовать исходящий от нее запах секса? Чувствует ли он мой запах на ней?

Неужели он настолько чертовски влюблен и помешан?

Как будто она знает, что я здесь, ее глаза встречаются с моими в стеклянном блоке, через который я наблюдаю за ними, и весь воздух вырывается из моих легких.

Она улыбается. Маленькая чертова шалунья улыбается.

Она точно знает, что делает, несмотря на то, что всего несколько минут назад сказала мне, что не играет с Алексом в игры.

Возможно, она и сказала ему, что ей это неинтересно, но, склоняясь к нему, она внушает ему совсем другую идею. Даже если ее причины для этого не в том, чтобы подвести его, а в том, чтобы помучить меня, попытаться заставить меня признаться в том, чего я хочу, помимо наших украденных моментов в темноте.

— Рея, — говорит Калли. — Я думаю, пора спать, не так ли?

Рея фыркает, как капризный ребенок, и я стою там еще немного, ожидая, что она будет спорить. Но, к моему полному шоку, она просто встает на ноги и начинает двигаться ко мне.

— Черт, — шиплю я, мне нужно найти укромное место, и быстро.

Я бросаюсь к шкафу под лестницей и как раз закрываю дверь, прежде чем ее шаги стучат по деревянному полу коридора.

У меня кружится голова, и кровь приливает к ушам.

Я натворил много страшного дерьма в своей жизни. Но для меня нет ничего страшнее, чем люди, узнают, что у меня есть слабость.

Что мое темное и извращенное сердце действительно бьется.

И только для одного человека.

— Какого хрена на самом деле, братан? — лает Алекс через секунду после того, как вокруг меня загорается свет, освещающий его спальню в доме отца.

Он пристально смотрит на меня, его сердце, вероятно, пытается выскочить из груди, когда он видит меня сидящего на его кровати в темноте.

Я не знал, вернется ли он сюда, но, видя, что это ближе к дому Дэмиена, чем наши квартиры, я решила, что он может показаться — при условии, конечно, что он не останется на ночь у Калли.

У меня скручивает живот от одной этой мысли.

Он достает свой пистолет из-за спины и откладывает его в сторону, заставляя мои брови сойтись вместе. Какого хрена ему это понадобилось для работы няни?

— Где ты был? — спрашиваю я, несмотря на то, что знаю ответ.

— Какое тебе, черт возьми, дело? И какого хрена ты сидишь в моей спальне в темноте, как подонок?

Я пожимаю плечами, как будто это чертовски нормально.

По правде говоря, я ждал, ждал и тонул в воспоминаниях о прошлом, которые пробуждает пребывание в этом доме.

Была очень веская причина, по которой я первым переехал в наше новое здание, как только моя квартира стала пригодной для жилья.

Мне нужно было выбраться из этого места. Мне нужно было больше не быть тем человеком, которым я был, когда жил под этой крышей, скованный мнением тех, кто пытался подавить меня, сказать мне, что я недостаточно хорош.

— Потому что я подонок, — просто говорю я.

— Верно. Ну, если ты не возражаешь, я вроде как хочу лечь спать, — бормочет он, закрывая дверь и стаскивая толстовку.

Игнорируя мое существование, как будто я собираюсь раствориться в воздухе, он заходит в нашу смежную ванную комнату, чтобы отлить.

— Итак, где ты был? — я спрашиваю снова.

Он колеблется, и я начинаю думать, что он не собирается мне рассказывать. Но еще через несколько секунд он вздыхает, прежде чем спустить воду в туалете, и кричит: «У босса, нянчился с Калли. А что?» — спрашивает он, появляясь снова, сбрасывая джинсы и бросаясь на кровать позади меня.

— Просто поинтересовался. Я слышал, что остальные устраивали частную вечеринку в Аиде.

Он пристально смотрит на меня. — Как так получается, что ты по большей части отсутствуешь в нашей жизни, но точно знаешь, что все делают?

— Это талант, которым ты, очевидно, не обладаешь, так же, как и твоим умением стрелять из пистолета.

— Пошел ты. Я хороший стрелок, и ты это знаешь.

— Зачем тебе пистолет, если ты просто нянчился с мелкими?

Он пожимает плечами. — Это было в моей машине. Подумал, что мне следует принести это сюда. — Когда он произносит эти слова, в его глазах появляется что-то такое, что заставляет меня нахмуриться.

— Ты лжешь.

— Ну и что, блядь, если это так? У тебя выходной, помнишь? Папа хочет, чтобы ты несколько недель поиграл в любимчика учителя.

— Да, я получил эту гребаную памятку.

— Я вижу, ты хорошо к этому относишься, — язвит он, устраиваясь поудобнее и натягивая простыни до подбородка. Везучий ублюдок, без сомнения, сразу уснет, как только я перестану с ним разговаривать, и отключится на целых восемь часов. Он всегда был таким. И как только он уснет. Его ни хрена не разбудишь, пока он не будет хорош и не будет готов.

— О чем, черт возьми, ты думаешь?

— Просто прими помощь Тео, чувак. В этом нет ничего постыдного. Он хочет это сделать.

— Мне не нужна его гребаная благотворительность.

— Он твой друг. Он хочет, чтобы ты прошел. Он хочет, чтобы ты был счастлив.

— Я подумаю об этом, если ты скажешь мне, зачем тебе понадобился пистолет для работы няни.

— Тебя держат в неведении по гребаной причине, чувак. Папа хочет, чтобы ты сосредоточился, а не беспокоился об итальянском дерьме.

Предупреждающее рычание вырывается глубоко из моего горла, когда я смотрю в его сонные глаза.

Он раздраженно закатывает их. — Папа беспокоится, что итальянцы вот-вот нанесут удар. Мы просто в состоянии повышенной готовности.

— Он думает, что они могли бы напасть на одного из нас? — *На Калли*, — это то, что я действительно хочу спросить, но я проглатываю эти слова.

— Ничего не подтверждено. Они хотят бизнес, но, видя, что мы сделали первый шаг, убив их людей, папа не исключает этого. Мы просто проявляем осторожность. Защищаем тех, кто нас окружает.

— Если это так, мне чертовски нужно вернуться, — рычу я. — Тебе нужно поговорить с папой.

— Нет, — рывкает он с решимостью, которую я не так часто слышу, углубляя свой голос. — Что тебе нужно, так это сдать эти экзамены, чтобы ты мог вернуть свою жизнь. Позволь мне помочь, позволь Тео помочь, черт возьми, позволь Айле помочь, если хочешь. Но ты должен это сделать.

— А что, если я не смогу?

— Ты уже знаешь последствия. И если это так, то ты не мог бы больше участвовать в этой войне.

— Черт, — рывкаю я, проводя рукой по лицу.

— Ты сможешь это сделать, Ди. Я верю в тебя. Просто перестань быть таким чертовски упрямым и прими, что твои друзья здесь ради тебя. Даже если ты не всегда рядом с нами, — добавляет он, просто чтобы немного уколоть ножом.

— Когда, черт возьми, я не прикрывал твою спину, Э?

Плечо, на которое он не опирается, поднимается.

— Я собираюсь лечь спать. Иди учиться, поскольку ты, вероятно, ничего не получишь.

— Почему ты все еще возвращаешься сюда, когда у тебя есть своя квартира? Папин дом хороший, но дерьмо, чувак.

— Мне здесь нравится, — сонно бормочет он. — Вид часто довольно хорош.

— Иисус Христос, — бормочу я, поднимаясь на ноги и идя через ванную в свою старую комнату.

Я ненавижу слабого и жалкого маленького мальчика, которого олицетворяет эта комната, и как только я вхожу, я сразу же выхожу обратно, быстро покидая дом.

Мне все равно, насколько приятна на вид новая папина экономка, она не стоит того, чтобы я околачивался рядом — не то чтобы она все равно торчала здесь за полночь. Или, по крайней мере, я надеюсь, что это не так. Это не первый раз, когда я натыкаюсь на одну из них задолго до начала ее смены, одетую в одну из папиных рубашек, с тех пор как мама ушла несколько лет назад.

22

КАЛЛИ

Выходные были долгими и скучными. Вероятно, это полная противоположность тому, какими должны быть первые выходные школьных каникул, но мы здесь.

Мама и папа подозрительно присутствовали наверху, что означало, что я провела даже больше времени, чем обычно, запертая в своем подвале. Я училась до тех пор, пока больше не могла сосредоточиться, и часами играла на своем iPad, придумывая новые дизайны. Я даже подумывала о создании интернет-магазина, как предложила Эмми, но одна мысль о том, чтобы превратить это во что-то большее, чем хобби, пугает меня до смерти.

Эмми и Стелла приводили меня в восторг рассказами об их ночи в Аиде со своими парнями, большинство из которых вызывали в моей голове образы, которые мне никогда не были нужны. Я все еще пытаюсь смириться с тем фактом, что у Тоби есть некоторые серьезные отклонения, которые он скрывал от всех нас, не говоря уже о том, что они все предаются недозволенным вещам, которые может предложить Аид.

Конечно, я никогда там не бывала.

Мои знания о том, что внутри, почерпнуты исключительно из моего собственного воображения и нахального прочтения определенной трилогии в прошлом году, когда мое любопытство стало слишком сильным, чтобы я могла его игнорировать.

Мой последний разговор со Стеллой закончился тем, что она сказала мне, что я должна быть готова сегодня к полудню и что мне нужно собрать сумку на пару дней отъезда.

Она все еще отказывается сказать мне, куда мы направляемся. Эмми тоже. И даже мои попытки вытянуть информацию из Алекса в пятницу вечером быстро провалились, когда я обнаружила, что он был в таком же неведении обо всем этом, как и я.

Мое единственное облегчение за все выходные было, когда мой телефон зазвонил в субботу вечером, и я обнаружила, что имя Анта смотрит на меня в ответ.

Он мог бы сказать мне в понедельник вечером, что хочет меня, что не может выбросить меня из головы, но мы оба знаем, что самое разумное — это положить конец тому, что было между нами, прежде чем кто-нибудь еще узнает. Знание Деймона уже само по себе плохо. Но если мой отец или дядя Анта узнают, то есть все шансы, что один из нас окажется на глубине шести футов. Может быть, даже мы оба, если нам действительно не повезет.

За две минуты до полудня я перекидываю сумку через плечо, надеюсь, что собрала все, что может понадобиться для нашего таинственного путешествия, и направляюсь вверх.

Мама лежит в шезлонге перед французскими дверями, выходящими в сад, читает какой-то журнал по дизайну интерьера, вероятно, планируя переделку комнаты, которая на самом деле не нуждается ни в какой доработке.

— Я уезжаю со Стеллой и Эмми на несколько дней.

— Я знаю, — говорит она, не отрываясь от своего журнала. — Веселись. Будь в безопасности.

Мои брови сводит от недостатка ее заботы или усилий.

— Я посмотрю, что я смогу сделать, — бормочу я, едва достаточно громко, чтобы она меня услышала. — Не то чтобы я планировал оказаться в опасности в ближайшее время.

Я все еще закатываю глаза, когда открываю входную дверь и вижу, что Стелла подъезжает на своем матово-черном Porsche.

— Ты готова к путешествию? — кричит она из окна, когда я трусцой спускаюсь по лестнице.

Готова ли я отправиться куда угодно со своими девочками и на несколько дней отвлечься от реальности? Черт возьми, да, это так.

В ту секунду, когда я бросаю свою сумку в багажник и слышу изнутри еще больше женских голосов, мой желудок сжимается.

— Привет, — взволнованно говорят Джоди и Брианна изнутри.

— Что это, вечеринка веселых девчонок? — спрашиваю я с ухмылкой, мой пульс учащается, когда мои глаза встречаются с понимающими глазами Брианны.

— Там нас встретят мальчики. Мы просто подумали, что было бы забавно провести немного времени только девочками.

Я нервно сглатываю, проскальзывая на заднее сиденье рядом с Бри.

— Да, звучит неплохо. Но у вас же есть еда, верно? Я умираю с голоду.

Стелла и Эмми смеются. — Было бы это вообще путешествием без еды?

— Думаю, что нет, — бормочу я, когда она разворачивает машину и выезжает обратно на дорогу. — Итак, ты собираешься посвятить меня в детали?

— Я бы не стала обнадеживать тебя. Мы тоже понятия не имеем, — со смехом говорит Джоди.

— Рада видеть тебя, Джоди, — искренне говорю я, оглядывая ее лучшую подругу. — Как ты себя чувствуешь? — Она лучезарно улыбается мне, но я не пропускаю тьму страдания, мелькающую в ее глазах.

— Я хорошо. Действительно хорошо, на самом деле. Я переехала к Тоби, — выпаливает она, сосредотачиваясь на хороших сторонах своей жизни, как будто услышать это будет шоком.

— Мы все просто удивлены, что это заняло так много времени, — говорит Стелла.

— Она не ошибается, я согласна. — Когда эти мальчики чего-то хотят, ничто не мешает им это получить.

— Это так? — спрашивает Бри, пристально глядя на меня.

— Да, так что тебе лучше быть осторожнее с Нико, — предупреждаю я, прежде чем у нее появится шанс обратить это против меня. Честно говоря, я не думаю, что она стала бы. Я думаю, что она верна до глубины души. В конце концов, прошла неделя с тех пор, как она обнаружила меня убегающей из квартиры Деймона, как будто за мной гнался дьявол, и у меня нет причин полагать, что она кому-то рассказала, что спасла меня своими аварийными трусиками.

— Ах, но здесь есть разница. Он не хочет меня. Он—

— Нет, он просто хочет твою киску, — заканчивает за нее Джоди.

— Фу, — слегка жалуясь я. Но, честно говоря, я довольно равнодушна к разговорам, которые касаются секса и моего брата. Они почти стали нормальными, что, вероятно, должно вызывать беспокойство, но мы говорим о Нико. Клянусь, у парня только один мозг, и он не покинет его член в ближайшее время.

— И мой рот. Он считает, что я была лучшим ртом, который у него когда-либо был.

— Нико — болтун, Брай. Я бы не придавала слишком большого значения тому, что он тебе говорит.

— Я думаю, она, вероятно, поняла это, когда он спустил штаны, и она увидела, что он не раскачивает тринадцатидюймового зверя, которого, вероятно, обещал ей, — рывкает Эмми.

Смех разрывает воздух, и радость наполняет мое сердце. Я так по этому скучала. Я начинала чувствовать себя пленником в своем собственном доме. Так хорошо быть свободной и веселиться с моими девочками.

— Вам не всегда нужен размер, если он знает, что с ним делать, — радостно объявляет Бри.

— Я не знаю об этом, — заявляет Эмми. — У меня есть и то, и другое, и я не могу быть счастливее.

— Расскажи нам больше, девочка. Что у Тео припрятано в штанах? — спрашивает Бри, наклоняясь вперед между передними сиденьями, слишком серьезно относясь к этому разговору.

— Э-э-э, — выдыхает Эмми. — Это только мне следует знать, любить и злоупотреблять.

— Это портит мне настроение. Я не трахалась уже... — Она считает на пальцах. — Три дня.

— Три дня, серьезно? — смеется Стелла. — Если ты хочешь сочувствия, тебе нужно быть сухой по крайней мере неделю.

— Неделя? — выпаливает Эмми. — Не может быть, чтобы у тебя была сухая неделя с тех пор, как вы с Себом начали встречаться.

— Разве я говорила, что у меня было? — она усмехается, качая головой, когда поворачивает к авто-кафе *Burnt Coals*. — Я просто сказала это как подходящее время, чтобы пожаловаться.

— Что ж, тогда хорошо, что у тебя есть не совсем тринадцатидюймовый размер Нико, который составит тебе компанию на следующие несколько дней, — громко говорит Эмми, когда Стелла подъезжает к окну, показывая смущенно выглядящего парня, уставившегося на нас.

— Отдавайте парню свои приказы, дамы, и давайте запустим это шоу.

Неудивительно, что разговор зашел в тупик, как только у всех нас на коленях оказались полные пакеты нездоровой пищи. И как только мы закончили, к счастью, тема разговора больше не имела ничего общего с частями тела моего брата.

Мы говорили о всякой ерунде, подпевали музыке, которую Стелла включила через динамики, и просто расслабились, оставив реальную жизнь позади. Хотя было легко заметить, что Джоди боролась с этой перспективой больше, чем остальные из нас.

Я наклоняюсь вперед, когда GPS в середине приборной панели Стеллы показывает, что у нас осталось всего две минуты.

— Ты в курсе, что мы находимся у черта на куличках, верно? — спрашиваю я, немного обеспокоенная тем, что в этой поездке будут палатки и грязные туалеты. Я не хочу быть принцессой или кем-то еще, но мне нравится быть в тепле, сухости и иметь доступ к проточной воде.

— Поверь мне, Кэл. Я когда-нибудь подвергала тебя опасности?

— Почти уверена, что мой брат и родители сказали бы, что да, — легкомысленно бормочу я.

— Ну да, я распахнула двери в твою башню из слоновой кости и начала показывать тебе мир.

— И с тех пор все уже никогда не будет по-прежнему, — язвительно замечаю я.

— Верно. И ты даже сейчас живешь в «Логове греха».

— Пожалуйста, не называй это так. Просто остановись на «Логове».

Или «Пещера летучих мышей».

Черт. Я выбрасываю эту мысль из головы.

Я пыталась выбросить его из головы после того, как увидела, как он уходит от меня в пятницу вечером. Но настойчивый Член просто продолжает появляться. Без каламбура.

— Итак, все парни придут? — спрашиваю я, надеясь, что вопрос звучит не слишком напряженно. Хотя в ту же секунду, как это слетает с моих губ, я чувствую на себе заинтригованный взгляд Бри, когда наклоняюсь вперед и держусь за подголовник Стеллы, чтобы лучше видеть, куда мы направляемся.

— Ну, не Деймон, очевидно. Себ пригласил его. Дал ему адрес на случай, если он передумает. Но он, как обычно, ведет себя антисоциально.

— В последнее время он стал еще более странным, — бормочет Эмми.

— У него трудные времена в школе, — выпаливаю я, сожалея об этом в ту же секунду, как комментарий слетает с моих губ.

— Ох, да? — спрашивает Стелла.

— Алекс сказал мне, — говорю я в спешке.

— Я слышала, у вас двоих было свидание за работой няней в пятницу вечером, — говорит Эмми, оглядываясь через плечо и шевеля бровями в мою сторону.

— Это было не свидание. Он просто пришел составить мне компанию. Это было мило.

— Мило, конечно, — присоединяется Джоди. — Этот парень так увлечен тобой, Калли.

— Меня не интересует Алекс. Он мой друг. Вот и все, — дуюсь я, скрещивая руки на груди и откидываясь на спинку стула.

— Ты сказал ему это? — спрашивает Стелла.

— Конечно, я это сказала. Снова и снова. Он как собака с костью.

— О, там определенно есть бо—

— Не говори этого, — рычу я, борясь со смехом, прерывая Эмми.

— Мы на месте, — поет Стелла, сворачивая с главной дороги и начиная спускаться по ухабистой трассе.

— Клянусь Богом, Дукас, если ты собираешься подъехать к палаткам, у нас будет серьезный разговор о нашей дружбе. Я не думаю, что... срань господня, — выдыхаю я, когда она сворачивает за угол, и я надеюсь, что за деревьями показывается наше жильё.

— Ого, это... мило, — выдыхает Джоди, ее нос почти прижат к окну, чтобы лучше рассмотреть.

— Похоже, мы так же опередили парней, — говорит Эмми.

— Ты видела, с каким длинным списком покупок мы их отправили? Они будут еще какое-то время в пути.

— Не могу поверить, что ты включил туда что-то из этого, — смеется Джоди.

— О чем ты их просила? — Я наклоняюсь вперед, заинтригованная.

— О, ты знаешь, как обычно. Тампоны. Средство для интимной гигиены.

— Господи, — бормочу я, выбираясь из машины. — Они будут очень любить вас за это.

— Мы загладим свою вину перед ними, — говорит Эмми, когда я продвигаюсь вперед.

— Итак, что ты думаешь? Лучше, чем кемпинг, верно? — Говорит Стелла, приближаясь ко мне сзади, пока я рассматриваю типи на деревьях перед нами.

— Это невероятное место.

— Официально он закрыт до выходных. Мы подопытные кролики.

— Я даже не собираюсь спрашивать, как ты узнала об этом.

— Просто наслаждайся этим, Кэл. Давай, пойдём исследовать.

Мы проходим через два типи и попадаем в огромный крытый внутренний двор с гидромассажной ванной, костром, барбекю и скамейками, бревнами, шезлонгами и гамаками для отдыха.

— Большая — это общая кухня-гостиная, — говорит Стелла, указывая на нее. — А все остальные — спальни. — Я оборачиваюсь, глядя на маленькие мостики, которые соединяют пять хижин поменьше с главной площадью. Между ними развешаны волшебные огоньки, и я могу только представить, каким волшебным будет это место, когда солнце сядет позже и вдали затрещит костер.

— С вами я действительно прочно встала на ноги, да? — бормочет Джоди, ее глаза расширяются от шока.

— Их установлено шесть, разбросанных по лесу.

— Я беру назад все, что сказала о переоценке нашей дружбы, — говорю я со смехом, пока Стелла ведет нас к главному типи, чтобы все проверить.

Прошло почти два часа, когда рокот двигателя перекрыл потрескивание костра, который нам пятерым удалось разжечь и поддерживать.

Стелла и Эмми посмотрели на меня как на сумасшедшую, когда я призналась, что никогда раньше не разжигала огонь. Я понятия не имею, почему они были так удивлены — они достаточно часто указывают на то, насколько меня душили все мужчины в моей жизни со дня моего рождения.

Их глаза загорелись, почти так же, как, я уверена, и наши, когда они шли к нам, осматривая наше жильё на следующие несколько дней.

Неудивительно, что глаза Алекса отыскали меня, и он быстро направился прямиком ко мне, втиснув свою задницу на мой шезлонг и обняв меня за плечи, к большому раздражению

Нико.

Но его реакция была последним, о чем я заботилась в тот момент, когда они впятером устроились поудобнее. Все, о чем я могла думать, это о человеке, который пропал. Тот, кого в очередной раз оставили позади. Не имело значения, что его пригласили и он отказался. Мое сердце все еще болело за мальчика, который всегда был в стороне, пока мы росли, наблюдая, как все ребята налаживают связи и переживают многое без него.

И по мере того, как ночь продолжалась, узел в моем животе и тупая боль в сердце становились только сильнее.

— Ты ждешь важного звонка или что-то в этом роде? — спрашивает Алекс, опускаясь на скамейку рядом со мной. Все остальные сидят вокруг костра, пьют и жарят зефир по указанию Стеллы.

В спешке я засовываю телефон в карман толстовки и натягиваю на лицо фальшивую улыбку.

Я отправил сообщение Деймону несколько часов назад.

Он его прочитал.

С тех пор эти маленькие синие галочки издеваются надо мной.

Но он даже не прислал мне гребаный смайлик в ответ.

Я тихо пыхчу, когда Алекс устраивается поудобнее рядом со мной.

— Н-нет. Я просто листала инсту, — лгу я, ненавидя то, что меня довели до этого. Ненавидеть все.

Его взгляд прожигает мне щеку, и мои расшатанные нервы из-за всей этой ситуации почти берут верх.

— Алекс, у меня есть кое-что, что мне нужно —

— НИКО, — визжит Брианна. Ее стул ударяется о настил, когда она вскакивает на ноги, ее бутылка пива разлетается, когда она взлетает, Нико гонится за ней.

— Он хочет ее, — весело бормочет Алекс.

— Что натолкнуло тебя на эту идею? — язвительно замечаю, наблюдая, как Нико догоняет Брианну и перекидывает ее через плечо, эффектно демонстрируя нам ее обтянутую ремешками задницу в процессе.

— Ты варвар. Отпусти меня, — визжит она, ударяя сжатыми кулаками по его заднице и отчаянно пиная ногами.

— Никогда не думал, что доживу до этого дня, — бормочет Алекс, пока все остальные смеются, наслаждаясь компанией и нашей свободой.

— Какой день? — рассеянно спрашиваю я.

Возможно, я наблюдаю за сценой, разыгрывающейся передо мной, но внутри я все еще беспокоюсь о Деймоне, все еще паникую из-за того, что я почти рассказала Алексу, и все еще жду проклятого сообщения.

— Когда Нико позволил выпороть себя киске.

— О, точно, да. То же самое.

— Знаешь, если эти двое переспят, тебе снова придется переспать со мной. Похоже, это становится для нас чем-то вроде традиции, да?

Я нервно сглатываю, отрываю взгляд от своего брата, и снова смотрю на Алекса.

— Э-э...

— Прости, ты собиралась мне кое-что сказать, — говорит он, ободряюще улыбаясь мне.

Я качаю головой, поднимаюсь на ноги и ухожу.

— Калли? — он зовет меня, но я не остаиваюсь. Я не могу.

— Мне просто нужно в ванную, — бросаю я через плечо, направляясь к типи, которое мы с Брианной считали своим задолго до того, как сюда пришли мальчики.

В ту секунду, когда я скрываюсь от остальных, я достаю свой телефон и включаю его.

— Где ты? — шиплю я, ненавидя то, что схожу с ума из-за мальчика, который все еще настаивает на том, чтобы сдерживать себя.

Меня не должно волновать, что его здесь нет. Меня не должно волновать, что он что-то упускает. Так было годами, и это никогда раньше меня так сильно не беспокоило.

Так почему сейчас?

Почему у меня такое чувство, что мы все внезапно оставили огромную часть себя позади?

Потому что он впустил тебя. Он позволил тебе увидеть больше, чем все остальные, даже если он не хочет этого признавать.

Ты видела его боль, его одиночество, его демонов.

23

ДЕЙМОН

Я смотрю на свой телефон, стиснув зубы, и моя рука дрожит, когда я его сжимаю.

Ангел: Ты в порядке? Тебе стоит присоединиться к нам.

Во мне разгорается смятение. Я поступил правильно с тех пор, как меня отослали из дома Дэмиена в пятницу вечером. Или, по крайней мере, я позволил ей думать, что да. По правде говоря, я наблюдал за ней каждую ночь, подпитывая свою одержимость и успокаивая беспокойство по поводу того факта, что ни Алекс, ни Ант не навещали ее.

Это позволяет мне лгать самому себе, что слова, которые я рычу ей каждый раз, когда я рядом с ней, могут быть правдой. Что она могла бы быть моей.

Она отправила это сообщение несколько часов назад. Это было последнее, что разрушило мою сдержанность — если она у меня есть, когда дело касается Калли — и я сразу сел в машину и последовал за точками их маячков, все время делая себя невидимым, чтобы, если я решу заявить о своем присутствии, я мог появиться как призрак в ночи, и никто из них этого не ожидал.

В ту секунду, когда я открываю дверцу машины, доносится тихий смех, от которого у меня скручивает живот и ноет в груди.

Да, меня пригласили. Но, как и каждое приглашение, которое я получаю, я никогда не чувствую, что оно искреннее. Они спрашивают, потому что чувствуют, что это их долг — попытаться включить меня, вместо того, чтобы на самом деле хотеть, чтобы я был здесь.

Солнце давно село, и я могу красться сквозь деревья, почти идеально видя их... лагерь, я думаю.

Себ объяснил мне это место, показал фотографии, даже пытаюсь убедить меня пойти с ними. Но, хотя в интернете это могло бы выглядеть впечатляюще, это ничто по сравнению с реальностью.

Здесь ничего нет. Буквально ничего. И единственное, что можно услышать, кроме того, что они все веселятся, — это крик пары сов где-то позади меня.

Это рай.

Я позволяю своему разуму блуждать, представляя, каково это было бы провести время с Калли наедине где-нибудь вот так. Где-нибудь, где нам не нужно будет прятаться,

прокрадываться и притворяться, что того, чего я так жаждал между нами, не существует.

Взрыв смеха пугает меня, и страх быть пойманным за тем, что я шпионю за ними всеми, заставляет меня залезть на дерево, чтобы они случайно не наткнулись на меня.

Всего несколько секунд спустя Нико и Брианна врываются сквозь деревья с широкими счастливыми улыбками на лицах, прежде чем он прижимает ее спиной к одному из типи, прижимая к нему. Наклоняясь, он шепчет что-то ей на ухо, от чего ее тело изнемогает от желания, прежде чем завладеть ее губами в поцелуе, от которого у меня сводит живот и болят яйца.

Черт. Мне нужна моя девушка.

Отрывая от них взгляд, я ищу ее. Но пока все остальные, возможно, тусуются у костра, я не могу ее найти.

Мое сердце подскакивает к горлу при мысли о том, что она прячется или даже болеет в одном из этих типи, и рядом с ней никого нет. Затем она выходит из одного из них с телефоном в руке и глубоким хмурым выражением на лице.

Ее большие пальцы бегают по экрану, когда она что-то яростно печатает, и я не могу сказать, что я полностью удивлен, когда мой телефон вибрирует в кармане.

Я продолжаю наблюдать, как Эмми зовет ее к себе.

Но она не идет прямо туда. Вместо этого она заходит в самый большой типи, и когда она выходит несколько минут спустя, у нее в руке алкоголь.

Опускаясь на свободное место рядом с Алекс, она откручивает горлышко своего напитка и подносит его к губам.

Он наклоняется, чтобы заговорить с ней, но она едва замечает это, сосредоточившись на том, чтобы заглушить реальность.

Я ненавижу, что она делает это из-за меня. Я чертовски ненавижу, что оказываю на нее какое-либо влияние, почти так же сильно, как мне это нравится.

Как только я убедился, что свет моего телефона никому не попадет на глаза, я достаю его и читаю то, что она мне прислала.

Ангел: Ты трус, Николас.

Весь воздух вырывается из моих легких, когда я смотрю на эти слова единственного человека, который видит меня лучше, чем кто-либо другой.

Они нанесли глубокий удар, оставив меня изрезанным и истекающим кровью на этом дурацком дереве.

Но все равно, я не нахожу в себе сил что-либо предпринять.

Я сижу там очень долго, пока луна движется по небу, изменяя тени, которые она отбрасывает на их лагерь, пока я просто наблюдаю, как они все веселятся.

Неудивительно, что Нико и Брианна никогда не присоединяются к группе. Вместо этого некоторое время назад они проскользнули в один из типи.

Другие пары у костра становятся ближе, пока, примерно в то время, когда я полностью теряю чувствительность в заднице от сидения здесь, они не начинают объявлять, что на сегодня все.

Первыми исчезают Джоди и Тоби, за ними быстро следуют Эмми и Тео.

Себ и Стелла допивают свои напитки с Калли и Алексом, все они смеются и наслаждаются жизнью, прежде чем Себ, наконец, встает, перекидывает Стеллу через плечо и ведет ее к типи.

Моя грудь сжимается, когда Алекс протягивает руку, чтобы заправить прядь волос за

уху Калли. Она пьяна. В последний раз, когда она вставала, она едва могла ходить по прямой — и это было некоторое время назад.

Схватив ее за руку, он поднимает ее на ноги и обнимает за плечи, прижимая к своему телу.

Моя температура и разочарование растут, когда он поддерживает ее так, как я отчаянно хочу.

Они останавливаются у типи, и Калли смотрит на него так, как будто он самый важный человек в ее мире, пока он колеблется.

Она что-то говорит ему, что-то, чего я не могу разобрать, прежде чем она снова берет его за руку и тащит с собой в типи, в то время как мое сердце выпрыгивает из груди.

— Нет, — выдыхаю я, крепче хватаясь за ветку подо мной, пока ногти не впиваются в кору.

Зажмурив глаза, я вижу только их двоих внутри этого типи.

Его губы касаются ее губ, его пальцы задирают ее рубашку, обнажая ее перед ним.

Их конечности переплетены, ее спина выгибается дугой, а ногти царапают его спину.

— Черт, — рывкаю я достаточно громко, чтобы испуганная птица вспорхнула с деревьев, когда я спрыгиваю вниз.

Мое сердце подступает к горлу, когда я пробираюсь к их лагерю и падаю перед их пылающим костром.

Протягивая руку, я беру зефир и бросаю его в рот, позволяя сладости обволакивать мой язык, все время желая, чтобы это было что-то другое, что я пробую.

Нахожу полупустую бутылку водки, из которой Стелла и Эмми готовили напитки, я подношу горлышко к губам и делаю пару глотков. Что угодно, лишь бы выкинуть эти образы из моей головы.

Громкий женский крик разносится по лагерю из одного из типи. Звук похож на удар долбаной битой в грудь, хотя я сразу понимаю, что это не Калли. Тон совершенно неправильный.

Это дает мне надежду, что, может быть, она просто упала в кровать и отключилась, а мой возбужденный брат просто лежит там, наблюдая, как она спит, желая, чтобы у него хватило мужества сделать шаг, который, как мы все знаем, он отчаянно хочет.

Однако что-то его сдерживает. Он никогда по-настоящему не колебался с девушками. Так почему он это делает с Калли? Это потому, что она ему действительно нравится и он пытается относиться к ней так, как она заслуживает? Или на каком-то уровне он уже знает? На самом деле мы никогда не были близнецами, которые чувствуют боль друг друга и все такое прочее, но у нас определенно есть связь, которой я ни с кем другим не разделяю. Может ли он чувствовать что-то, что его сдерживает?

Или все это разбилось вдребезги в ту секунду, когда она затащила его в тот типи?

Мое сердце учащенно бьется при мысли о том, что он испытывает к Калли ту сторону, которую знаю только я.

Выпив еще две рюмки, я оставляю бутылку на столе и направляюсь к типи, в котором они исчезли.

Мое сердце угрожает выпрыгнуть из груди, когда я выглядываю из-за двери и смотрю в окно.

Внутри темно, если не считать слабого свечения мягких волшебных гирлянд, которые подвешены к потолку, и у меня перехватывает дыхание, когда я нахожу их обоих спящими.

Облегчение, которое переполняет меня, когда я обнаруживаю, что Алекс даже не обнимает ее, — это то, чего я никогда раньше не испытывал.

Поднимая руку, я провожу пальцами по волосам, борясь с собой, чтобы поступить правильно. Уйти и дать ей поспать. Вернуться домой, зная, что мой брат не прикасается к ней.

Но когда мои ноги двигаются, это не в направлении моей машины.

И когда моя рука опускается, она тянется не ко мне, а к дверной ручке, которая впустит меня в их маленькое убежище.

Звук их тяжелого дыхания едва заглушает шум моей крови в ушах, когда я сокращаю пространство между дверью и кроватью, мои глаза прикованы к комочку под простынями, который принадлежит моей девушке.

Когда я подхожу ближе, ее сладкий цветочный аромат наполняет мой нос и вызывает слюнки.

Кажется, что пятничный вечер в ванной Дэмиена был давным-давно. Или, по крайней мере, мой член думает, что это было давно.

— Мой ангел, — шепчу я, проводя костяшками пальцев по ее мягкой щеке и чувствуя ту искру, которая всегда разгорается по моему телу, когда мы соприкасаемся так сильно, как никогда.

Нуждаясь в большем, я откидываю одеяло, открывая ее тело для себя.

На ней ее обычная майка, но вместо пары крошечных трусиков, которые, я уверен, она выбирает исключительно для того, чтобы подразнить меня во время моих ночных визитов, на ее ногах хлопковые брюки в цветочек.

Мои зубы скрипят, когда я думаю о возможности того, что Алекс помог ей переодеться. Издалека она выглядела довольно опустошенной. Но, возможно, это скорее мой разум сыграл со мной злую шутку, заставив меня видеть то, чего я не хотел. Наказывает меня за то, как я к ней отношусь, за то, что я не могу принять то, что я действительно чувствую к ней, за то, кто я есть на самом деле.

Скользя пальцем ниже, я провожу им по ее шее, по ключице и вниз к кружевной отделке ее майки.

Мое тело жаждет ее, мой член тверд и отчаянно хочет погрузиться в нее еще раз, и ничего из этого не становится лучше, когда она издает бессмысленный стон, когда мой палец скользит по ее соску. Он мгновенно твердеет для меня, и я сжимаю его через ткань.

Ее стон становится громче, и она перекачивается на спину.

Это опасно, я знаю, что это так, но я бессилён, кроме как протянуть руку и сделать то же самое с другим, наслаждаясь шумом, который достигает моих ушей, когда ее спина выгибается на кровати.

Один взгляд на Алекса, и я обнаруживаю, что он все еще без сознания, его храп постепенно становится громче, я надеюсь, достаточно, чтобы заглушить всхлипы Калли, когда я натягиваю ткань ниже и обхватываю ее губами.

— Ммм, — стонет она. — Еще.

И я делаю. Я обвожу ее сосок, глубоко втягиваю его в рот и впиваюсь в него зубами, как, я знаю, ей нравится, пока она не начинает тяжело дышать, а ее пальцы не оказываются в моих волосах.

Но, к моему удивлению, она, кажется, все еще спит.

Это заставляет меня задуматься, как часто ей снятся сны, которые настолько яркие, что

она не сразу понимает, что что-то происходит.

— Деймон, — стонет она, и мое сердце, черт возьми, почти останавливается, когда я слышу, как мое имя слетает с ее губ как мольба.

Мои глаза поднимаются, ожидая обнаружить, что она наблюдает за мной, но ее глаза все еще закрыты.

Двигаясь к изножью кровати, я обхватываю пальцами ее пояс и стягиваю брюки и трусики с ее ног.

Бросив их на пол, я заползаю между ее бедер и заставляю их раздвинуться шире.

Я провожу носом по ней, вдыхая ее, прежде чем обвести языком ее клитор.

Низкий стон вырывается из ее горла еще раз, и я повышаю ставку, задевая ее зубами.

Ее стон удовольствия становится громче, прежде чем она встряхивается, и громкий вздох срывается с ее губ.

Я улыбаюсь, мои глаза находят ее широко раскрытыми от шока, когда она смотрит на меня сверху вниз, пожирая ее взглядом, как будто мне на все наплевать.

Честно говоря, пока я здесь, я действительно никуя не понимаю.

— Деймон, какого черта ты—

— Тсс, Ангел. Ложись на спину.

Я провожу рукой по ее животу, прикладывая к этому немного силы, так что у нее нет выбора, кроме как рухнуть обратно на кровать.

Но она борется со мной, сохраняя свою опорную позицию и глядя на меня сверху вниз, как будто все это действительно сон.

— Н-но Алекс—

— Я в курсе, красавица. Вот почему тебе нужно вести себя очень тихо. Если, конечно, у тебя нет намерения, чтобы он присоединился.

— Ч-что? — выдыхает она.

Моя грудь раздувается от ужаса, написанного на ее лице.

— Я думал, что близнецы — мечта каждой девушки, — поддразниваю я, пока ее рот открывается и закрывается, как у золотой рыбки.

Просовывая два пальца внутрь нее, я сжимаю их, нащупывая точку G и заставляя ее прикрыть глаза.

— Д-Деймон, — стонет она, прижимаясь ко мне бедрами. — Т-только ты. П-пожалуйста.

Черт возьми, да. Все, что ты захочешь, Ангел.

Она, наконец, разжимает руки, когда я снова провожу по ней языком, и я не останавливаюсь, пока у меня не остается выбора, кроме как прикрыть ее рот рукой и разрушить ее.

Все это время мой брат мирно спит рядом с ней.

24

КАЛЛИ

Я резко просыпаюсь и сразу же засовываю руки под одеяло, чтобы почувствовать, одета ли я.

Алекс свернулся вокруг меня, как долбаная паукообразная обезьяна, и глубоко храпит мне в ухо. Последнее, что мне нужно, это чтобы он проснулся и понял, что его член прижат к моей голой заднице.

Я вздыхаю с облегчением, когда обнаруживаю, что мои брюки точно там, где они были, когда я отключилась.

Но это не значит, что его здесь не было.

Я знаю, что он был. Я чувствую его.

Мурашки покалывают мою кожу, и я заставляю себя открыть глаза, чтобы поискать его. Но меня переполняет разочарование, когда я не нахожу его рядом со мной, и когда я пытаюсь сесть, я обнаруживаю, что остальная часть типи тоже пуста.

— Иди обратно спать, малышка Си, — стонет Алекс, стаскивая меня обратно вниз. — Ты мне нравишься, ты теплая, — сонно бормочет он, заставляя меня смеяться. Хотя, это заставляет мое сердце болеть.

Он понятия не имеет, что пока он мирно спал, его брат был здесь...

Пока я лежу там, у меня поднимается температура, сердце учащенно бьется при воспоминании о том, как я проснулась и обнаружила его голову у себя между бедер.

На самую короткую секунду мой подпитываемый алкоголем мозг подумал, что это Алекс. Но я быстро понял, что, А, это не его стиль, и Б, наверняка был только один человек на этой планете, который мог играть на мне так, как будто я его личный инструмент, как это может сделать Деймон.

— Мне нужно в туалет, — говорю я, отчаянно нуждаясь вырваться из объятий Алекса и попытаться привести голову в порядок.

Он рычит, но отпускает меня.

Неохотно я придвигаюсь к краю кровати и перекидываю ноги через нее. У меня сводит бедра, просто небольшое напоминание о том, что произошло прошлой ночью. Но это ничто по сравнению с потрясением, которое пронзает меня, когда мой взгляд падает на маленькую летучую мышь-оригами, лежащую на прикроватном столике.

Протягивая руку, я обхватываю пальцами идеально сложенную черную бумагу, пряча ее от Алекса.

Мои щеки пылают от смутного воспоминания, и я все еще зажмуриваю глаза, пытаюсь прогнать его.

— Кэл, все в порядке? — спрашивает Алекс. Его беспокойство сжимает мне грудь. Я худший человек, худший друг в мире.

Оглядываясь через плечо, я встречаюсь с его сонными глазами, мое сердце только сильнее колотится от беспокойства, которое я вижу в них.

Его глаза сужаются, а брови хмурятся, когда он изучает меня, как будто мои грехи написаны на моей коже, чтобы он мог их прочитать.

— Д-да, — заикаюсь я, мой желудок переворачивается от смеси алкоголя и страха прошлой ночи.

Я должна просто сказать ему правду. Если мы оба можем кому-то доверять, то это Алекс. Он и Деймон буквально делили чрево. Они более чем доверяют секретам друг друга.

Но когда мои губы приоткрываются, это не те слова, которые срываются с губ.

— У меня просто небольшое похмелье.

— Ты знаешь, что тебе нужно? — говорит он, подтягиваясь так, чтобы сесть у изголовья кровати, накинув одеяло на талию и выставив свою скульптурную грудь на всеобщее обозрение, чтобы я могла упиваться.

— Не произноси, что это — «твой член на завтрак», — выпаливаю я, к большому удивлению Алекса, если судить по его лающему смеху и широкой улыбке.

— Что ж, — смеется он, — теперь, когда ты упомянула об этом... Он разводит руками, как будто собирается натянуть одеяло пониже, и я вскакиваю, как будто моя задница в огне. — Я шучу, Кэл. Я знаю, что у нас все не так.

Его слова заставляют меня остановиться, и я не могу не встретиться с ним взглядом еще раз.

Клянусь, я что-то вижу в них.

Он знает?

Мы разбудили его прошлой ночью?

— В любом случае, я собирался сказать, что тебе нужна хорошая жареная еда, и, к счастью для тебя, я готовлю лучше всех, — объявляет он, разрушая напряжение, которое упало между нами.

— Звучит идеально. Я бы с удовольствием съела твою сосиску, — шучу я, прежде чем устремиться в ванную под звуки его смеха.

— Touché, малышка Си, — зовет он как раз перед тем, как я закрываю дверь и приваливаюсь к ней спиной с кружащейся головой и расшатанными нервами.

Конечно, если бы он знал, он бы что-нибудь сказал... верно?

Нет?

— Черт, — шиплю я.

Я так чертовски запуталась.

Но одно я точно знаю, это то, что я не должна была допустить, чтобы произошла прошлая ночь. Даже если Алекс знает, что между нами ничего не изменится, это все равно было абсолютным неуважением, и мне стыдно.

Если бы он проснулся и увидел... Я опускаю голову на руки, когда стыд прожигает меня насквозь.

Я не такая девушка. Или, по крайней мере, это не та девушка, за которую меня принимают Алекс и другие.

Но в Деймоне есть что-то особенное. И когда он прикасается ко мне, каждая крупинка моего достоинства просто вылетает в окно.

К счастью, самопровозглашенное легендарное жаркое Алекса действительно заставило меня немного лучше отнестись ко всей ситуации, когда мы все снова расслабились у костра.

Может быть, сейчас пасхальные каникулы и светит солнце, но у нас точно не такая жара, как обещала Стелла. Здесь не слишком тепло без дополнительного тепла от огня.

Мой телефон все еще прожигает дыру в кармане, и я провожу почти весь день, оглядываясь через плечо на случай, если он появится как призрак, которым он и является. Но проходят часы, и я действительно начинаю верить, что он проделал весь этот путь прошлой ночью, чтобы съесть меня, и снова счастливо отправился домой один.

Концепция странная, но я никогда не утверждала, что понимаю Деймона и то, какой он есть. Кажется, я просто оказался в этой поездке.

— Тогда какие планы на сегодняшний вечер? — спрашивает Джоди из гамака, который они с Тоби захватили несколько часов назад, когда она разговаривала с Джесси, чтобы узнать последние новости об успехах Сары — или их отсутствии.

Нико и Брианна снова сидят как можно дальше друг от друга. Перемирие прошлой ночи — причина того факта, что я делила постель с Алексом, а не с моим настоящим соседом по комнате, — похоже, окончательно и бесповоротно закончилось. Я думаю, они оба получили

то, что им было нужно, и теперь мы возвращаемся к работе в обычном режиме.

— Барбекю и горячая ванна звучат для меня как план, — говорит Себ, разглядывая Стеллу так, как будто на ней уже нет ничего, кроме бикини.

— Я не полезу в эту воду, если у тебя есть планы трахаться в ней, — бормочу я, с ухмылкой переводя взгляд с одной пары на другую.

— Может быть, это должны быть только девочки, — предлагает Эмми.

— Значит, вы, там практически голые, а мы здесь? — спрашивает Себ, морща нос, как ребенок, который только что попробовал что-то кислое. — Да, это не сработает, — говорит он, выступая за всех парней.

— Сексуальный наркоман, — тихо бормочет Стелла.

— Смешно слышать это от тебя, принцесса, — выпаливает он прямо в ответ.

Я откидываюсь на спинку шезлонга, улыбаясь про себя, пока они препираются, как пожилая супружеская пара.

Мне странно приятно видеть их. Это так нормально. Мне нравится знать, что их миры счастливы и нормальны, в то время как мой, похоже, выходит из-под контроля.

Разговор переходит от занятий в джакузи, а я сижу там со своей слабой водкой и колой и просто слушаю их всех.

Мое сердце падает, когда я понимаю, что всего через несколько месяцев все наши жизни изменятся. Скоро начнется учеба в университете, а Стелла и Эмми все еще будут в Найтс Ридж. Деймон может сдать экзамены, а может и не сдать, и ему придется столкнуться с последствиями, какими бы они ни были. Нико собирается с головой окунуться в семейный бизнес, следуя по стопам нашего отца, надеясь стать вторым после Тео в последующие годы, когда он, наконец, сменит дядю Дэмиена.

У меня от всего этого кружится голова. И к чему это меня приведет?

Печаль захлестывает меня при мысли о том, что мои друзья продолжают жить своей жизнью без меня. Да, я могла бы поступить в университет, хотя на самом деле это не то, что я бы выбрала для себя. Что еще у меня будет, пока они все живут в одном здании — здании, в котором, как мой отец уже сказал мне, у меня не будет квартиры, — и все еще наслаждаются совместным времяпрепровождением, в то время как я застряла в своей рутинной жизни, ожидая, когда мои мама и папа выдадут меня замуж?

Я тяжело вздыхаю, что привлекает внимание Стеллы и Эмми, но прежде чем у них появляется шанс спросить меня, что не так, их глаза поднимаются на что-то позади меня, и они улыбаются.

К тому времени, как Стелла начинает говорить, я точно знаю, что она собирается сказать.

Я чувствую это. Потрескивание электричества, которое возникало между нами всякий раз, когда мы оказывались в одной комнате — или лесу — после Хэллоуина.

У меня подсакивает температура, и мне приходится сжимать кулаки, чтобы унять такую сильную дрожь в руках.

— Деймон, — счастливо поет Стелла. Вскочив, она подбегает и обнимает его за плечи.

Я не могу удержаться от смеха, когда выглядываю из-за своего шезлонга и вижу его застывшим с руками по швам.

— Не обращай внимания на Стеллу, она уже пьяна, — объясняет Себ.

— Я не такая, — утверждает она. — Я просто счастлива, что ты здесь.

Она отпускает Деймона, и я клянусь, он вздыхает с облегчением, когда она делает шаг

назад.

— Ну, — говорит он, почти нервно потирая затылок, — Я-я не уверен, что меня когда-либо так встречали раньше.

Его заикание, хотя и незначительное, заставляет мою грудь сжиматься. Бьюсь об заклад, больше никто этого даже не видел. Это возвращает меня к тому, что я была в его спальне в позапрошлые выходные, когда на короткое время он позволил мне увидеть его настоящего. Его неуверенность, его страхи, его истинное «Я». Я просто хочу, чтобы он доверял мне настолько, чтобы сделать это снова. Делал это чаще.

— Вы, ребята, не возражаете, что я переночую, верно? — спрашивает он, и меня бесит, что какая-то часть его действительно ожидает, что кто-то скажет «да» и отошлет его прочь. — Я принес выпечку. — Он поднимает сумку, прежде чем пройти вперед, чтобы поставить ее на стол.

— Мы пригласили тебя. Конечно, пожалуйста, — говорит Стелла, качая головой, как будто она даже не может понять, почему он это сказал. Но тогда, я думаю, она этого не делает. Все, что она когда-либо знала, это этого отчужденного парня, который счастлив, живя в стороне и занимаясь своими делами.

Я думаю, что, возможно, только мы с Алексом знаем, насколько это чушь собачья.

Деймон жаждет этого. Жаждет этой нормальной жизни — тусоваться с друзьями и забывать обо всей серьезности своей жизни. Он просто отказывается признать, что заслуживает этого, или что его друзья действительно хотят, чтобы он был здесь.

— Подойди и возьми пива, братан, — говорит Алекс, протягивая ему бутылку и кивая на место рядом с ним. — Тебе полезно показать свое лицо, — говорит он тише, когда Деймон оказывается рядом с ним.

У меня перехватывает дыхание от потенциального значения этих слов.

Поднимая свой бокал, я делаю большой глоток в надежде, что водка поможет успокоить мои нервы и узел в животе. Возможно, я принимаю желаемое за действительное, но это единственное решение, которое у меня есть прямо сейчас, так что мне придется придерживаться его.

Деймону требуется добрых пять минут, чтобы посмотреть на меня, предпочитая смотреть себе под ноги, пока он слушает, как все вокруг нас болтают или разговаривают с Алексом, но в ту секунду, когда мы соединяемся, я чувствую это как физический удар.

Опасность вспыхивает в его темных глазах, когда он удерживает мои. Нечестивые обещания и целый ряд грязных вещей мелькают в его голове так ясно, что я почти вижу, как они воплощаются в жизнь.

На его губах появляется ухмылка, когда он читает мои мысли, прежде чем его язык скользит по нижней губе, заставляя меня вспылать к нему страстью.

Отрывая от него взгляд, я допиваю остатки своего напитка, прежде чем встать с шезлонга и направиться внутрь, чтобы перевести дух.

Как только я захожу в главный тип, мой телефон жужжит.

Деймон: Я все еще чувствую твой вкус...

Я набираю ответ, даже не обдумав его.

Калли: Любой бы подумал, что ты хочешь, чтобы тебя поймали.

Деймон: С моей головой между твоих бедер, в любой день недели, Ангел.

— Господи, — бормочу я.

— Что случилось? — раздается глубокий голос позади меня, заставляя меня

подпрыгнуть до такой степени, что я роняю телефон.

— Н-ничего. Я в порядке, — фальшиво говорю я, быстро хватая свой телефон, который, конечно же, приземлился экраном вверх, и поворачиваюсь к Нико с улыбкой, приклеенной к моему лицу.

— Ты ведешь себя странно, — говорит он, прищурившись на меня.

— Я? — спрашиваю я, звуча чертовски виновато. — Нет, я не такая. Я просто... наслаждаюсь собой. Извини меня.

Пряча телефон в карман, я бросаюсь к туалету и запираюсь.

Калли: Я думаю, Алекс что-то подозревает.

Деймон: Он, блядь, ничего знает. Наш маленький грязный секрет в безопасности. * эмодзи с подмигивающим лицом *

Мои зубы скрипят, а в животе разгорается огонь.

Калли: Я никогда не говорила, что хочу быть твоим маленьким грязным секретом.

Его ответ почти мгновенный, как будто он уже набрал его еще до того, как я нажала отправить.

Деймон: Тебе это нравится, не так ли, Ангел? Простой ночью ты изнывала от желания, когда Алекс лежал прямо там. Риск быть пойманной заставляет тебя гореть для меня еще жарче.

— Ублюдок, — шиплю я, переводя телефон в режим ожидания и опуская задницу на унитаз.

У меня кружится голова от водки, несмотря на мои попытки не разбавлять напитки, и я не могу не задаться вопросом, не вызван ли эффект больше видом Деймона, чем чем-либо другим.

Внезапно я жалею о своем решении написать ему вчера. В то время это казалось хорошей идеей, но прямо сейчас я не могу не задаться вопросом, не доставит ли он нам обоим чертовски много неприятностей. Потому что, если Нико и Тео подозревают что-то, как, я думаю, мог бы подозревать Алекс, тогда...

Черт. Я даже не хочу думать о последствиях.

Я слишком долго провожу в ванной, и когда я выхожу снова, я чувствую себя немного сильнее — пока не натыкаюсь прямо на человека, от которого я только что молча сказала себе, что буду держаться как можно дальше.

Я замираю в ту секунду, когда он смотрит через кухню с двумя бутылками пива в руках.

На его губах появляется ухмылка, на щеках появляются ямочки, которые делают его еще более восхитительным и смертоносным, чем обычно. Его глаза опускаются вниз по моему телу, и он изучает меня, как будто я стою здесь голая. На самом деле, мне почти приходится опустить взгляд, чтобы убедиться, что это не так, он настолько потерялся во мне.

— Куда ты ушел? — спрашиваю я.

— Прокатиться, — просто говорит он, как будто он не исчезал более, чем на двенадцать часов. — Я собирался пойти домой, но потом передумал. Почему я должен хотеть быть там, когда ты здесь, спишь в одной постели с моим братом?

— Мы не должны были, но Нико и Брианна... да. — Чем меньше мы будем говорить об этом, тем лучше.

— Держу пари, Алекс думал, что все его Рождество наступило одновременно, застав тебя снова в постели.

— С Алексом ничего не было, Деймон.

— Я знаю, — высокомерно говорит он. — Я более чем осознаю, что прошлой ночью ты кончала на мое лицо.

Игнорируя то, как все мышцы ниже моей талии сжимаются от желания, я продвигаюсь вперед, отчаянно нуждаясь в подпитке, если мне придется провести остаток ночи, разбираясь с этим.

— Я имела в виду то, что сказала, Деймон. Я не хочу быть тем грязным секретом, о котором тебе стыдно рассказать своим друзьям.

Я вздрагиваю, когда бутылки в его руках со стуком падают на столешницу, а моя спина прижимается к холодильнику, до которого я собиралась дотянуться.

— Я не стыжусь тебя, Ангел. Никогда не думай, что я стыжусь тебя. Этого.

Костяшки его пальцев касаются моей челюсти, и дрожь пробегает по моей спине.

— Тогда почему мы прячемся?

— Потому что я не тот, кто тебе нужен, Ангел. Я краду то, что никогда не должен был брать, и я эгоистичный ублюдок, который не может остановиться, несмотря на то, что знает, что это именно то, что я должен был сделать.

— Нет, — говорю я, качая головой и кладя руку ему на сердце. Оно сильно бьется под моей ладонью. — Это чушь. Если бы ты этого не заслуживал, я бы тебе этого не отдала.

Его челюсть сжимается, поскольку он отказывается верить этим словам.

— Я взял, Калли. Ты добровольно ничего не отдавала, и я никогда не прощу себя за проявленную несдержанность, которая привела нас сюда.

Его глаза прыгают между моими, когда он молча умоляет меня поверить ему, поверить, что он не достоин счастья, которое, я уверена, мы могли бы обрести, если бы он просто позволил себе быть... просто... собой.

— Ты можешь бросить *«роль плохого мальчика-солдата, я ничего не достоин»*, со мной, ты знаешь. Я все равно вижу это насквозь, — предупреждаю я.

— Я-я п-понятия не имею, о чем ты г-говоришь.

Ненависть к себе затуманивает его глаза, когда он проигрывает битву со своим самообладанием, и я пытаюсь сорвать с него броню.

Поднимая руку, я сжимаю его челюсть.

— Покажи мне этого мальчика, Николас. Того, кого ты боишься показать.

Между нами повисает тишина, но прежде чем кто-либо из нас успевает сказать что-либо еще, дверь открывается, и Деймон отскакивает назад, как будто я только что обожгла его.

Развернувшись, я открываю холодильник и заглядываю внутрь, надеясь, что холода достаточно, чтобы охладить мои щеки и успокоить бешено колотящееся сердце.

— Ты забыл, что зашел сюда взять пива? Я, блядь, умираю там, чувак, — говорит Алекс, заставляя мое сердце подпрыгнуть к горлу.

Он надеялся подловить нас на чем-то?

Проклиная себя за свою неконтролируемую, возможно, неуместную паранойю, я, наконец, начинаю искать то, чего я на самом деле хочу здесь.

— Ты в порядке, малышка Си? Ты выглядишь так, будто пытаешься залезть в холодильник.

— Д-да, просто ищу колу.

Тепло его тела накрывает мою спину, когда он протягивает руку через мое плечо.

— Это прямо здесь. Господи, сколько же ты выпила?

Недостаточно.

— Спасибо тебе, — шепчу я.

— Возьми их, брат. Я собираюсь сделать косяк.

— Да, конечно, — говорит Деймон, забирая бутылки и выходя за дверь.

— Ты уверен, что у тебя все хорошо? Он что-то сказал или... — Он изучает меня, и я клянусь, он умоляет меня открыться. Чтобы подтвердить то, что он уже знает.

Но я не хочу. Я не могу.

Натягивая улыбку, я смотрю на него.

— Все великолепно. Я просто наслаждаюсь свободой перед тем, как провести остаток каникул за учебой.

— Не уверен, что я фанат тяжести, которая надвигается на нас.

— Нет, я тоже. Но мы все держим это под контролем, верно? — спрашиваю я немного нерешительно, не совсем веря своим словам.

— Черт возьми, да. Конечно, мы справимся. Я думаю, что остальные скоро приготовятся к горячей ванне. Ты взяла бикини, верно?

— Ты выглядишь намного более взволнованным этой перспективой, чем следовало бы, — бормочу я.

— Вы пятеро, бикини и горячая ванна... мое представление о рае, Кэл.

— Они все заняты, — указываю я.

— Верно, как и Алая ведьма, но это не мешает мне смотреть.

— Алая ведьма? Она даже не реальный человек.

— И? Ты видела всю эту красную кожу и прочее дерьмо, которое она носит, верно? — В его глазах появляется этот отстраненный взгляд, и я не могу удержаться от смеха.

Да, может быть, я все-таки не в его вкусе.

— Достаточно справедливо. Просто помни, что я предупреждала тебя, когда завтра тебя отправят домой с подбитым глазом.

— Еще одним? — спрашивает он с ухмылкой.

25

ДЕМОН

Я знал, что возвращение будет пыткой. Я знал, что в конечном итоге буду наблюдать за Калли издали, продолжая притворяться, что меня на самом деле не волнует то, что делает она или Алекс.

Сообщение Калли, ранее предупреждавшее меня о том, что она думала, что он знал о нас, было на переднем плане моего разума с тех пор, как она отправила его. Но, хотя она может быть обеспокоена, я не видел ничего, что указывало бы на то, что она может быть права.

Его флирт силен, как никогда, заставляя мою ревность бушевать, как дикого зверя внутри меня. Конечно, этому не способствует тот факт, что все мы втискивали свои задницы в горячую ванну, которая определенно рассчитана на меньшее количество людей.

Калли счастливо сидит на коленях Алекса, покачивая задницей против того, что, я могу только предположить, является его твердым членом. Я чертовски хорошо знаю, что мой бы болел, если бы она была у меня на коленях прямо сейчас.

Нико провел последние тридцать минут, рыча на них двоих, и я не могу сказать, что не

сильно отстаю от него в этом. Но, видя, как оба держали руки над водой, чтобы успокоить его, я почти справляюсь. Почти.

Все остальные наслаждаются жизнью, выпивая, и Себ, Алекс, Нико и Тоби распространяют косяк по кругу, иногда позволяя попробовать своим девушкам.

Их смех и радость заразительны, и после еще нескольких кружек пива и теплой, расслабляющей воды я почти наслаждаюсь этим небольшим перерывом. Тем более, когда Нико втягивается в горячую дискуссию с Себом и Тео о футболе, а Калли шокирует меня до чертиков, когда просовывает свою руку под поверхность и переплетает свои пальцы с моими.

Мои глаза находят ее, когда волна желания настолько сильная захлестывает меня, что я почти тянусь к ней, сажаю ее к себе на колени и заявляю права на ее губы у всех на виду.

Что было бы худшим, что могло случиться?

Нико пускает пулю тебе в голову.

Но было бы это так плохо?

Калли заслуживает гораздо лучшего, чем я. Сейчас у нее было свое маленькое извращенное свидание со мной. Она отдала свою драгоценную V-карту дьяволу. В любом случае, ей следует искать свое будущее в другом месте. Он бы просто взял ее за руку.

— Деймон? Деймон?

Я понятия не имею, сколько раз Тео зовет меня по имени, но я наконец вытаскиваю себя из собственных мыслей после того, как Калли так сильно сжимает мою руку, что у меня нет выбора, кроме как сосредоточиться, отмечая, как каждый человек смотрит на меня.

— Да? — спрашиваю я так, как будто все в порядке.

— Куда ушел твой разум? — смеется Тео. Его глаза покраснели и остекленели, так что он, вероятно, даже не вспомнит об этом разговоре через час, не говоря уже о завтрашнем дне.

— Н-никуда, я в п-порядке. — Я проклинаю себя за то, что позволяю своей неуверенности просвечивать под всеобщими взглядами, обращенными на меня.

Большой палец Калли касается костяшек моих пальцев, и я вздыхаю с облегчением, заставляя себя расслабиться.

— Я просто хотел узнать, не хочешь ли ты немного, — говорит Тео, предлагая мне свой косяк.

— Не, мне достаточно пива.

— Я не уверена, что смогу здесь оставаться дольше, — говорит Брианна, выходя из воды, чтобы остыть.

Взгляд Нико немедленно опускается на ее сиськи.

— Хочешь пойти остыть, Сирена? — спрашивает он, явно больше заинтересованный в ней этим вечером, теперь, когда они оба пьяны.

— С тобой? — усмехается она. — Нет, спасибо. Думаю, я справился с этим.

Она перекидывает ногу через борт, глаза Нико пожирают ее, как будто она только что предложила себя в качестве следующего блюда. Что далеко не так. Если вы верите ее словам, конечно.

Выйдя, она бросает на него взгляд через плечо, который говорит все, чего не говорят ее губы, и Нико быстро перепрыгивает через край, оставляя за собой цунами, которое вызывает огромный всплеск на другой стороне ванны.

Брианна визжит, когда он перекидывает ее через плечо и тащит в типи, которое он

должен был снова делить с Алексом.

— Похоже, я снова сплю с тобой, малышка Си.

— Можно подумать, что, если бы у Нико были такие проблемы с тем, что ты встречаешься с Алексом, он бы не стал так легко тебе это позволять, — указывает Себ.

— Он слишком занят мыслями о своем члене, чтобы беспокоиться о том, куда Алекс сейчас засовывает свой, — невнятно замечает Эмми. — Что за черт? — она визжит в шоке, когда Тео встает и перекидывает ее через плечо. — Отвали от меня, ты, болван, — кричит она.

— Извините меня. Мне нужно пойти и преподать урок своей жене.

Рука Тео с громким треском опускается на полуприкрытую задницу Эмми.

Она воеет от боли, но что-то подсказывает мне, что ей это понравилось намного больше, чем она показывает. Я еще больше убеждаюсь, когда она встречается со мной взглядом через его плечо и заговорщически подмигивает мне.

Последние две пары вскоре прощаются с нами троими, прежде чем отправиться в свои комнаты.

— А потом их осталось трое, — объявляет Алекс, когда Калли наконец слезает с его колен, отпускает мою руку и перемещается на другую сторону ванны. — Наконец-то пространство. — Колено Алекса ударяется о мое, когда он потягивается.

— О, мне жаль. Тебе следовало сказать, если ты не хотела, чтобы я была там. Вместо этого я могла бы сидеть на коленях у Деймона. Я уверена, что он был бы не против.

Глаза Алекса встречаются с моими, пытаюсь прочесть мою реакцию, прежде чем он снова переводит взгляд на Калли, когда понимает, что моя холодная маска полностью на месте.

— Все в порядке, малышка Си. Твоя задница просто стала немного костлявой.

Брови Калли взлетают вверх.

— Ты жалуешься мне на проблемы с костями? Чтобы ты знал, сидеть у тебя на коленях тоже было не так уж удобно.

— Тебе нужно кое в чем признаться, братан? — спрашиваю я с ухмылкой.

Алекс пожимает плечами. У него буквально нет стыда.

— Не моя вина. Задница горячей девчонки терлась о мой член, а ее сиськи подпрыгивали у меня перед лицом. Бьюсь об заклад, это сломило бы даже твою ледяную решимость, дьявольский мальчик, — поддразнивает он.

Мы двое пристально смотрим друг на друга, и впервые в моих венах просачивается небольшое беспокойство от возможности того, что Калли права, что он точно знает, что произошло всего в нескольких футах от него прошлой ночью.

— Выпьем, — говорит Калли, передавая две свежие бутылки пива со столика позади нее.

Алекс подносит свою бутылку к губам, выпивая все залпом, пока мы с Калли наблюдаем.

— Знаешь, — говорит Алекс, заставляя мой пульс учащаться, — тебе не обязательно прятаться от нас. — Его взгляд падает туда, где я все еще ношу футболку, в то время как остальные потратили последние несколько часов на то, чтобы надеть как можно меньше.

Я пожимаю плечами, опуская взгляд на воду.

— Я не прячусь, — говорю я, чертовски желая, чтобы это прозвучало немного сильнее.

Внимание Калли обжигает меня, но я отказываюсь смотреть на нее, потому что знаю,

что она увидит правду в моих глазах, точно так же, как и Алекс.

Он точно знает, что я делаю. Он испытывал это много раз за эти годы, но это не значит, что я собираюсь волшебным образом измениться в ближайшее время.

Нас охватывает неприятное напряжение, пока я жду, что Алекс скажет что-нибудь, что неизбежно выбьет почву у нас обоих из-под ног.

Но, к моему удивлению, этого так и не происходит.

— Итак, малышка Си, ты готова к ночи двойных неприятностей? — поддразнивает он, когда я начинаю думать, что утопиться в этой чертовой ванне может быть самым простым выходом из ситуации.

— Хм? — Она переводит взгляд с нас двоих на меня, как кролик, попавший в свет фар.

— Не волнуйся. Мы знаем, что делаем. Мы будем нежными. — Ухмылка на его лице говорит нам обоим, что он шутит, но все же комментарии, на мой вкус, слишком резкие.

Возможно, мы проходили это в прошлом. И если бы мы, возможно, собирались провести ночь с любой другой девушкой, кроме Калли, то я бы и глазом не моргнул от перспективы разделить ее. Но одна только мысль о том, чтобы наблюдать, как он прикасается к ней, вызывает во мне жажду убийства — даже по отношению к нему.

— Думаю, на этот раз я воздержусь. Недостаточно водки, — говорит она, размахивая перед нами уже пустой бутылкой и подходя к краю ванны.

Каждый мускул в моем теле напрягается, когда она встает, открывая нам свое потрясающее тело в королевском синем бикини.

— Я собираюсь принять душ. Вы двое в порядке да?

Мне не нужно смотреть, чтобы знать, что Алекс следит за каждым ее движением. И как бы мне ни было неприятно, что его взгляд сейчас прикован к ее изгибам. Я тоже это понимаю. Она очаровательна. Завораживает. И она полностью меня околдовала.

Схватив полотенце, она оборачивает его вокруг себя и оглядывается.

Она улыбается Алексу, прежде чем ее глаза встречаются с моими.

Просто на этот краткий миг я перестаю дышать. Приглашение присоединиться к ней более чем очевидно в ее голубых, сверкающих глазах, но я не могу. И она это знает. Вот почему ее плечи опускаются, когда она снова поворачивается к нам спиной и уходит.

— И вот я подумал, что она пригласит нас присоединиться к ней. Пива? — спрашивает Алекс, как только она исчезает из поля нашего зрения, отчего у меня кружится голова. Он выходит из воды и тянется к столику рядом с ванной, сбивая крышки с двух бутылок.

— Спасибо, — бормочу я, беря у него одну.

— Итак, — говорит он, набив рот.

Мое сердце колотится, пока я жду, когда он расскажет мне о том, что произошло прошлой ночью. Чтобы он устроил мне новую взбучку за то, что я приближаюсь к нашей принцессе, и запретил мне делать это когда-либо снова.

Но затем он снова ставит меня в тупик.

— Каково это — быть нормальным для разнообразия?

— Э-э... — Его глаза искрятся весельем. — Да. Это здорово. Им следовало бы чаще запрещать мне работать, — бормочу я, разочарование скребет меня изнутри.

— Я знаю, ты ненавидишь это. Но в конце концов это того стоит.

Я смотрю на него, раздраженный его неизменным позитивным взглядом на жизнь.

— Я собираюсь провалить эти экзамены, Э. Ничто в этой ситуации не улучшится в ближайшее время.

— Только ты можешь это контролировать, Брат. Ты хочешь пройти, у тебя есть сила, чтобы это произошло. У тебя есть мы. Все мы. Используй нас. Позволь нам помочь.

Мои губы подергиваются, умоляя превратиться в оскал на его комментарии.

— Ты твердолобый, упрямый придурок, ты это знаешь? — шипит он, меняя тактику. — Ты более чем способен сдать эти экзамены. Ты никуда не тупой. Ты просто позволяешь всем залезть к тебе в голову. Ты позволяешь папе и дедушке—

— Не надо, — рычу я. — Не ходи туда, блядь.

— Они были неправы, Деймон. Ты не тот человек, за которого они тебя принимали. Ты доказывал это миллион раз всем, что делал за последние несколько лет. Почему ты не можешь забыть об этом со школьными делами?

— Потому что все это не имеет никакого гребаного смысла, — огрызаюсь я. — Возможно, они ошибались насчет всего остального, но они правы насчет того, что я тупица, который никогда ничего из себя не сделает.

— Это чушь собачья, и ты это знаешь. Папа чертовски волнуется из-за перспективы потерять тебя. Ты нужен ему, чувак.

— Тогда ему не следовало говорить мне, что я выхожу, если не сдам экзамен.

— Он просто давит на тебя, потому что, как и я, знает, что ты можешь это сделать, — утверждает Алекс.

— Нет, он так не думает, — огрызаюсь я. — Он думает, что я облажался, что я должен быть больше похож на тебя.

Алекс качает головой. — Ты, блядь, бредишь, чувак. Ты, кажется, думаешь, что у меня все так хорошо получается только потому, что я могу сдать несколько экзаменов. Ты когда-нибудь задумывался, что все то, в чем ты хорош, — это все то, в чем я плох, и что в этом отношении ко мне предъявляются те же невозможные стандарты?

— Ты ни в чем не плох, золотой мальчик.

— Бред, — снова бормочет он. — Ты не хочешь от нас помощи? Прекрасно. Я понимаю, что твоя гордость слишком важна, чтобы показывать парням свои слабости. Но как насчет Калли?

— Что насчет Калли? — срываюсь я, мои руки дрожат под поверхностью воды.

— Она поможет тебе. Она не осудит тебя. — Я качаю головой, отвергая его предложение. — Почему бы и нет? Она делала это раньше, верно?

Поднимая глаза от воды, бурлящей вокруг меня, я нахожу его, и у меня перехватывает дыхание.

— Я не идиот, Деймон. И я тоже, блядь, не слепой. — Мое сердце колотится, когда я жду, что будет дальше, и весь воздух вырывается из моих легких, когда я понимаю, что это не то, чего я ожидал. — Я помню, что она сделала для тебя, когда мы были детьми. Тебе нужна эта магия сейчас. Просто спроси ее.

Он допивает пиво и направляется к ступенькам, чтобы вылезти из ванны.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив, Ди. И это означает, что тебе нужно работать. Так что тебе нужно подтянуть свои штаны большой девочки и сделать это, черт возьми, так или иначе. Просьба о помощи не делает тебя неудачником. Отказ принять это — делает.

И с этим маленьким советом он уходит.

— Кровать достаточно большая для троих, если ты хочешь попытаться немного поспать, — кричит он, прежде чем исчезнуть в типи.

— Черт, — выдыхаю я, запрокидывая голову и глядя в звездное небо надо мной.

Он прав, я знаю, что это так. Но, черт возьми. Просить помощи у кого угодно, даже у Калли, чертовски сложно. Признание того, что я терплю неудачу, противоречит всему, чему меня когда-либо учили. Это показывает слабости, которые мне всегда говорили скрывать.

Я сижу там еще несколько минут, но моя потребность быть рядом с моим ангелом наконец заставляет меня двигаться.

Ее глаза находят мои в ту секунду, когда я проскальзываю в комнату, и я замираю, расплескивая воду из горячей ванны по всему полу.

Она стоит перед зеркалом, расчесывая волосы.

Мой взгляд опускается, замечая майку, похожую на ту, что была на ней прошлой ночью, и, возможно, самые греховные шорты, которые я когда-либо видел.

— Ты разводишь лужу, — говорит она, ее голос все еще немного невнятен из-за водки.

Когда я возвращаюсь к ее глазам, я вижу, что одна из ее бровей приподнята с вызовом.

— Алекс в душе? — спрашиваю я, бросая взгляд на свою сумку, которую он бросил сюда вскоре после того, как я появилась ранее.

Она просто продолжает смотреть на меня. Ей не нужно отвечать на мой вопрос — мы оба слышим более чем очевидный шум льющейся воды из ванной.

— Я просто подожду, пока он—

— Или ты мог бы раздеться прямо здесь, — бросает она вызов, выпрямляясь и полностью поворачиваясь ко мне лицом.

— К-Калли, — предупреждаю я, когда она откладывает расческу и делает шаг ко мне.

Ее глаза пробегают по всей длине моего тела, но задерживаются на моей груди.

Я знаю, что на самом деле ничего не скрываю. Все здесь знают, какие у меня шрамы. Но это не значит, что я хочу их показывать. Когда-либо.

— Значит, я была права? — насмехается она, продолжая сокращать расстояние между нами. — Ты трус.

Быстрее, чем она ожидала, я протягиваю руку, мои пальцы крепко сжимают ее челюсть и не оставляют ей выбора, кроме как выдержать мой пристальный взгляд.

— Я-я-я— Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох через нос, пытаюсь взять себя в руки. — Я не трус, — заявляю я, мой голос жесткий, холодный, не оставляющий места для споров. По крайней мере, я так думаю.

— Тогда докажи это. Покажи мне, кто ты на самом деле, Бэтмен, — дразнит она.

Позади меня прекращается шум душа, но я не двигаюсь. Я не могу. Я прикован к ее пристальному взгляду, пока мое сердце колотится в груди.

За секунду до того, как открывается дверь, мне удается взять себя в руки, отпустить ее и сделать огромный шаг назад.

— Извините, я чему-то помешал? — с ухмылкой спрашивает Алекс, выходя из ванной в одном полотенце, обернутом вокруг талии.

Ревность накатывает на меня с такой силой, что я даже немного отшатываюсь.

Почему ты не можешь быть больше похожим на своего брата? Он забавный, умный, рассудительный, надежный.

— Ди, ты в порядке? — спрашивает Алекс, когда замечает мою реакцию.

— Надень какую-нибудь гребаную одежду, — усмехаюсь я, проносясь мимо него и закрываясь в ванной, чтобы сходить с ума в одиночестве.

КАЛЛИ

— Что случилось? — спрашивает Алекс, изучая меня с глубокой хмуростью, омрачающей его лоб.

— Н-ничего, — говорю я, придавая своему тону легкость, которой я определенно не чувствую.

— Он причинил тебе боль?

— Что? Демон? Нет, конечно, нет, — лгу я. Правда в том, что его отказ быть самим собой причиняет мне боль больше, чем почти все остальное, что он мог бы сделать.

Почему он не может просто открыться? Принять того, кто он есть на самом деле?

— Кэл, — вздыхает Алекс, явно читая в моих глазах больше, чем я хочу ему показать.

— Правда, все хорошо. Он просто был... ну, Демоном. — А я хочу Николаса. Я хочу его версию, которую он позволил мне увидеть лишь мельчайшими проблесками на прошлой неделе. Тот, которого он боится выпустить, но такой чертовски невероятный, когда он это делает.

— Ты хочешь, чтобы я с ним поговорил? — предлагает Алекс.

— Что? Нет. Не говори глупостей.

Повернувшись к нему спиной, я подхожу к тому месту, которое прошлой ночью было моей стороной кровати, и забираюсь под одеяло, чертовски надеясь, что он не видит слез, которые быстро наполняют мои глаза.

— Демон может быть придурком, но он не это имеет в виду. Не совсем. Он давным-давно выстроил для себя несколько непроницаемых стен, и я боюсь, что они могут оказаться просто нерушимыми, — тихо говорит Алекс.

Я прерывисто выдыхаю, когда звук его полотенца, падающего на пол, заполняет пространство, сопровождаемое шелестом ткани, который, я действительно надеюсь, что это он натягивает на себя что-то из одежды.

— Ты хочешь, чтобы мы оставили тебя в покое и пошли спать в гамак или что-то в этом роде? — спрашивает он.

Проглатывая эмоции, которые сжимают мое горло, я переворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

Улыбка подергивается на моих губах, когда я нахожу его стоящим в боксерах, держащим пару спортивных штанов, как будто он действительно надеется, что ему не придется надевать их и идти спать на холод.

— Не будь дураком, иди сюда. — Я откидываю покрывало, и он мгновенно сбрасывает брюки на пол и ныряет внутрь. Его пальцы находят мои бока, и он щекочет меня до тех пор, пока у меня не остается выбора, кроме как отпустить печаль, вызванную Демоном, и я выкрикиваю его имя сквозь смех.

Когда он отпускает меня, моя грудь вздымается, и на моем лице появляется широкая улыбка.

— Ты хороший друг, Алекс. И хороший брат.

Он улыбается мне, его глаза уже слипаются от усталости.

— Я делаю все, что в моих силах, — признается он. — Ты собираешься заставить дьявола спать на полу или как? — спрашивает он, кивая головой в сторону ванной, доказывая, что он лучше осведомлен о передвижениях своего брата, чем я.

У меня перехватывает дыхание, когда я нахожу Демона, прячущегося в тени темной ванной, наблюдающего за нами, как подонка.

— Я не знаю, — говорю я достаточно громко, чтобы он услышал. — Я думаю, это зависит от того, может ли он вести себя хорошо или нет.

Алекс фыркает от смеха.

— Он не узнал бы хорошее поведение, даже если бы оно укусило его за задницу, малышка Си.

— Отвали, братан, — ворчит Деймон, входя в комнату, одетый в серые спортивные штаны и белую футболку.

— Неважно. С меня хватит.

Мы оба смотрим на Алекса, когда он устраивается поудобнее и закрывает глаза, как будто напряжения в комнате не существует.

— И что? — спрашивает Деймон. — Я изгнан на пол, или там достаточно места для троих?

Мои губы приоткрываются, чтобы ответить, когда он сокращает пространство между нами и успешно вытесняет весь воздух из комнаты.

Аромат чистого, сексуального парня становится сильнее, и, несмотря на здравый смысл, мой желудок сжимается, а бедра трутся друг о друга.

Откидываясь назад, я приподнимаю одеяло в качестве приглашения.

На секунду я не думаю, что он согласится. Его глаза просто смотрят в пространство, когда на лбу появляется морщинка.

Но затем он делает шаг вперед и ложится передо мной.

Он оставляет между нами немного пространства и кладет голову на другой конец подушки.

Его глаза мечутся между моими, как будто он видит меня впервые, и он прикусывает нижнюю губу, глубоко задумавшись.

— Что такое? — шепчу я, не в силах остановиться.

Он отпускает губу и втягивает воздух, все, что он действительно хочет сказать, вертится у него на языке.

— Пожалуйста, Деймон. Это всего лишь я, — выдыхаю я, скользя рукой по пространству между нами и касаясь своими пальцами его пальцев.

Он прерывисто вздыхает, и его глаза стреляют через мое плечо на Алекса.

— Э, ты не спишь, братан?

Как будто по сигналу, Алекс издает более чем подлинный храп.

— Гребаный засранец спит как убитый. Почти уверен, что ему досталась моя доля этого дерьма, — печально бормочет Деймон.

— Здесь только я, ты и несколько волшебных огоньков, — мягко говорю я, мои глаза призывают его заговорить, открыться... черт, я не знаю, сделать что-нибудь.

— Я не сплю, Ангел, — признается он.

— Мы не обязаны. Мы можем просто... лежать здесь.

— Ты хочешь, чтобы я просто лежал с тобой в постели? — спрашивает он с ухмылкой, от которой у меня скручивает живот.

Я пожимаю плечом, на котором не лежу.

— Я этого не делаю, Калли. Я не говорю о чувствах и не раскрываюсь. Это просто слишком—

— Страшно? — заканчиваю я за него.

Он так долго молчит, что я не думаю, что он согласится, несмотря на то, что это правда.

— Тебе не кажется, что это пугает нас всех? — спрашиваю я.

Он не отвечает. Вместо этого он придвигается ближе, пока его нос не касается моего.

— Деймон, — шепчу я так тихо, что даже не уверена, что он бы это услышал.

— Тсс, Ангел, — выдыхает он мне в губы. — Я знаю, что я должен и чего не должен делать прямо сейчас, и мне просто, блядь, все равно.

Его поцелуй такой нежный, что тот комочек эмоций, который я проглотила не так давно, поднимается снова.

Я ожидаю, что он просто отбросит осторожность на ветер и будет таким же грубым, как обычно. Но есть что-то совсем другое в том, как он целует меня, прикасается ко мне, и я совершенно таю от этого.

Его рука движется, обхватывая мое бедро и притягивая меня ближе, в то время как его язык скользит по моим губам, ища мой.

Я задыхаюсь, когда он притягивает меня так близко, что у меня нет выбора, кроме как почувствовать, как сильно мой поцелуй влияет на него.

— Это всегда была ты, Ангел, — шепчет он мне в рот, когда его рука сжимает мою задницу, прижимая нас как можно ближе.

Его поцелуй, его прикосновение только усиливают действие водки, которая течет по моим венам, поэтому, когда он просовывает руку под пояс моих шорт и в нижнее белье, я не останавливаю его.

Закинув ногу на его бедро, я бесстыдно трусь об него.

— Ты на самом деле совсем не ангел, не так ли? — стонет он, целуя меня в подбородок. — Ты настоящий дьявол.

Я ахаю, когда его член попадает точно в мой клитор.

— Люблю смотреть, как ты разбиваешься из-за меня.

— М-мы... мы не можем, — возражаю я, видя его намерения в темной глубине его глаз.

— Мы можем делать все, что захотим, Ангел. Приходи поиграть со мной на темной стороне.

Отпустив мою задницу, он поднимает мою ногу выше и оттягивает ткань моих шорт и трусиков в сторону, проводя пальцами по моей влажности.

— Черт, — выдыхаю я, прижимаясь лицом к подушке, чтобы заглушить свой голос.

— Мой грязный, грязный ангел, — рычит он, погружая два пальца в меня.

Я стону в подушку, когда он начинает двигать ими.

Рискуя взглянуть, я успеваю заметить его обнаженный член, прежде чем он перемещает меня так, как будто я вещь не больше перышка, и трется об меня головкой, дразня мой вход.

— О Боже, — всхлипываю я, прежде чем прикусить губу, желая, чтобы я могла проглотить эти слова обратно.

— Губы, Ангел. Я хочу еще больше всех твоих стонов и криков.

Не в силах отказать ему, я поднимаю подбородок и позволяю ему завладеть моим ртом, когда он толкает бедра вперед, давая мне все, что нужно моему телу.

Он входит в меня, медленно, нежно, и я чувствую каждое его движение прямо в своей душе.

Он дает мне именно то, что я от него требовала. Его мягкая сторона. Его уязвимая сторона. Я просто ожидала, что это будет на словах, а не на действиях. Я захлебываюсь эмоциями, когда наш поцелуй продолжается, слезинка скатывается, впитываясь в подушку подо мной.

Он никогда не набирает скорость. Он просто страстно целует меня и глубоко любит. И я впитываю каждую унцию этого, в ужасе от того, что это может быть просто разовая сделка с его стороны, все время молясь, чтобы это было не так.

Я просыпаюсь разгоряченной. Нет. изнемогающей и прикованной к кровати.

Как и накануне, моя первая мысль — запаниковать и опустить руки вниз по телу, чтобы убедиться, что я одета. К счастью, вскоре я обнаруживаю, что паника напрасна, потому что моя пижама полностью цела.

Что быстро становится очевидным, так это причина, по которой я такая чертовски горячая и прикованная к месту.

Деймон отключился рядом со мной, все еще полностью одетый и лежащий поверх одеяла. И это не единственная причина, по которой я застряла. Его рука также перекинута через мою талию.

Я двигаюсь медленно, чтобы не разбудить его. Он сам сказал мне прошлой ночью, что не спит, так что это последнее, что я хочу делать прямо сейчас.

Мои ноги не двигаются, когда я поворачиваюсь, и я понимаю, что они переплетены с чьими-то другими.

Иисус Христос. Что я делаю в постели с этими двумя?

Поворачиваясь дальше, я ахаю, когда мой взгляд натывается на пару веселых серебристых.

— Доброе утро, малышка Си. Ты хорошо спала? — шепчет Алекс.

— Я-я... э-э... д-да. Как давно ты не спишь?

— Некоторое время. Я не хотел тебя будить. Любого из вас. Ему не часто удается отдохнуть, так что... — Он замолкает.

— Он сказал мне, — тихо признаюсь я.

Алекс кивает, как будто он не удивлен, услышав это.

— Ты подходишь ему, Кэл. Он другой, когда он рядом с тобой.

— Я не уверена в этом, — шепчу я, думая обо всех моментах, которые мы разделили.

Деймон ворочается во сне, его руки сжимаются вокруг меня, притягивая ближе, и мы оба замолкаем, боясь разбудить его.

Взгляд Алекса опускается туда, где Деймон держит меня, но я думаю, что на самом деле это ничего не значит. Я уже не раз просыпалась в объятиях Алекса, и там, конечно, ничего не происходило.

Убедившись, что Деймон не проснется, Алекс продолжает.

— Ему нужна наша помощь.

— Я знаю, — соглашаюсь я, оглядываясь на мужчину, о котором идет речь.

— Он должен сдать экзамены, или он— Алекс обрывает себя.

— Или он что? — выдыхаю я.

— Я не знаю, и это приводит меня в ужас.

Я киваю, мое сердце разрывается на части из-за сложного человека, спящего рядом со мной.

— Я знаю, что он, вероятно, этого не заслуживает, но... ты останешься с ним? Просто пока он не проснется. Я понятия не имею, когда он в последний раз полноценно спал ночью без каких-либо лекарств.

— Конечно.

Распутав свои ноги с моими, Алекс выскальзывается из кровати и исчезает в ванной.

Мое сердце учащенно бьется, когда я лежу там в тишине, слушая ровное дыхание Деймона. Знает ли Алекс? Или он просто беспокоится о своем брате и чувствует, что я могу быть на его стороне?

Спустя всего несколько минут появляется Алекс, натягивает какую-то одежду и исчезает из типа, оставляя нас одних.

Я не двигаюсь, слишком напуганная, чтобы разбудить его, когда знаю, как отчаянно он нуждается в отдыхе.

Я не могу оторвать от него глаз, пока он продолжает спать. Он выглядит таким умиротворенным, таким... свободным.

Мои пальцы чешутся прикоснуться к нему, но я сопротивляюсь и просто продолжаю лежать рядом с ним.

Его веки трепещут от того, что ему снится, а губы шевелятся каждые несколько секунд.

Я не могу не улыбнуться про себя, чувствуя благодарность и более чем немного ошеломленная, тем, что мальчик, который прячется от всех, мальчик, который утверждает, что никогда не может уснуть, лежит прямо здесь рядом со мной, полностью расслабленный.

Я понятия не имею, сколько проходит времени, пока я остаюсь неподвижной и погруженной в свои собственные мысли. Но другие не спят. Я слышу голоса, когда предполагаю, что они находят Алекса, разжигаящего огонь, или что бы он там ни делал.

Мой желудок сжимается, зная, что все они узнают, что мы здесь вместе. Хотя я сомневаюсь, что они будут сомневаться в этом. У Брианны могут быть какие-то идеи, но я почти уверена, что все остальные все равно думают, что я трахаюсь с Алексом.

Мои щеки пылают при мысли, что Стелла и Эмми сойдут с ума из-за того, что я делю постель с близнецами.

Я ухмыляюсь.

Это был бы отличный способ сказать им, что я потеряла свою визитную карточку. Двое сразу. Поговорим о том, как с треском окунуться во взрослую жизнь.

— Ты такая красивая, когда улыбаешься.

Все мое тело вздрагивает от его слов, и я задыхаюсь, когда мои глаза встречаются с его.

— И такая сексуальная, когда ты вот так краснеешь. О чем ты думала, Ангел?

— Ты проснулся, — выдыхаю я.

Его губы растягиваются в улыбке от моего очевидного признания.

— Я имею в виду... как тебе спалось?

— Словно я не делал это... целую вечность. Это было благодаря тебе. — Его слова заставляют мой пульс ускориться, а сердце воспарить. Но я отказываюсь им верить.

— Или, может быть, это был Алекс. Быть рядом, было все равно что быть ребенком.

Веселый смех срывается с его губ.

— Ты можешь так думать, если хочешь, — бормочет он, зевая. — Который час?

— Без понятия. Но я думаю, что все остальные проснулись, и нам, вероятно, скоро нужно отправляться. Почти уверена, что я слышала, как Стелла говорила, что нам нужно убраться отсюда к полудню.

— Ты думаешь, уже так поздно? — спрашивает он, его широко раскрытые глаза смотрят на дверь, через которую льется утреннее весеннее солнце.

Низкое рычание вырывается из его горла, когда я наклоняюсь над ним, чтобы схватить свой телефон.

— Лучшее утро в моей жизни, — бормочет он, прижимаясь лицом прямо к моей груди.

Потянув ткань вниз, когда я не могу дотянуться до того, что мне нужно, он втягивает мой сосок в рот.

— Деймон. — Это должно было быть предупреждением, но прозвучало скорее, как жалобная мольба. — Любой может увидеть нас прямо сейчас.

Мои пальцы сжимают телефон, и я неохотно откатываюсь от него. Всего одно прикосновение, и мою кожу покалывает от желания.

— Только что пробило десять, — говорю я ему.

— Черт.

— Ты устал.

— Обычно это не имеет значения. На этот раз ты правильно дозировала? — спрашивает он, и мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что он говорит.

— Что? Нет. Я этого не делала. Я—

— Тсс, Ангел. Я шучу. Я знаю, что ты этого не делала. Я чувствую себя... свежим. Это... странно.

Я улыбаюсь, чувствуя себя счастливой за него.

Снаружи доносится крик, и это напоминание, в котором я действительно не нуждаюсь, что нам нужно двигаться.

Я бы хотела, чтобы мы могли подольше оставаться запертыми в этом маленьком пузырьке. Что я могла бы оставить этого нежного, веселого Деймона при себе, может быть, даже поработать над раскрытием еще немного того, что он скрывает. Но сейчас не время.

— Нам нужно двигаться, — неохотно говорю я ему.

Я пытаюсь выскользнуть из его объятий, но мне не удастся далеко уйти, потому что его пальцы запускаются в мои волосы, и меня тянет вперед, пока мой нос почти не касается его.

Есть миллион вещей, которые он хочет мне сказать, я почти могу прочесть их в его глазах. Но он сражается с каждым из них, черт возьми.

— Это всего лишь я, — выдыхаю я. — Ты можешь говорить что угодно.

— Я-я... — он заикается, заставляя мое сердце сжиматься.

— Пойдем со мной в душ? Я не готова закончить...

Он моргает, и мои слова замолкают, страх режет мою грудь, как ножи.

В ту секунду, когда его глаза снова находят мои, я понимаю, что момент окончен. Его маска вернулась на место.

— Ты права. Мы должны подготовиться. Они будут ждать нас.

Он отпускает меня и откатывается, садясь на край кровати с опущенными плечами в знак поражения.

— Прячься от них, если придется, Деймон. Но не от меня, пожалуйста. Я умоляю тебя.

Следует тишина, и это разрушает меня.

Пытаясь сесть, я смотрю на его спину, наблюдая за контролируемыми движениями его дыхания.

— Ты понятия не имеешь, о чем просишь, — зловеще говорит он, прежде чем подняться на ноги.

— Думаю, что знаю, — возражаю я, разочарование делает мои слова резче, чем я намеревалась. — Я видела твое худшее, и я все еще здесь, Деймон. Я все еще пытаюсь.

Он останавливается у двери, его пальцы сжимаются вокруг ручки, готовый сбежать.

— Тогда, возможно, тебе действительно нужно подумать об этом. Потому что любой

здравомыслящий человек не стал бы.

— Деймон, я— Но уже слишком поздно. Он уже ушел, и какая бы сторона его ни была, которую я испытала прошлой ночью, исчезла вместе с ним.

27

ДЕЙМОН

Остальные все еще собирали свое барахло, когда я схватил свою сумку из типи, которое делил с Калли и Алексом, и побежал к своей машине.

К сожалению, побег прошел не так гладко, как я надеялся, потому что, прежде чем я успеваю скрыться в тени деревьев, до меня доносится голос.

— Братан, подожди.

Я останавливаюсь, понимая, что он просто погонится за мной, если я попытаюсь продолжать.

— Ты уже уходишь? — спрашивает он, как только оказывается передо мной.

Я смотрю вниз на сумку в моей руке, задаваясь вопросом, было ли это недостаточно очевидно.

— Мне нужно вернуться, — холодно говорю я.

— Остайся поесть, а потом я вернусь с тобой, если хочешь. Составлю тебе компанию.

— Если под этим ты имеешь в виду, чтобы можно было пилить меня по поводу школы и прочего дерьма, тогда нет, у меня все хорошо.

— Что, если я просто хочу потусоваться со своим братом? Разговоры и прочее дерьмо.

— Мне нужно вернуться, — повторяю я как идиот. — У меня есть работа, — добавляю я, надеясь, что обещание моей учебы избавит его от моего дела.

— Ди, не делай этого, — умоляет он.

— Делать что? — спрашиваю я, хотя знаю, что он умоляет меня вести себя нормально, чтобы поддержать меня.

— Уходить, как будто ты здесь нежеланный. Это чушь собачья, и ты это знаешь.

— Это не то, что сейчас происходит. Мне просто нужно—

— Вернуться. Да, я получил эту гребаную памятку. — Он пинает ногой камень, и тот улетает в лес, прежде чем столкнуться с деревом.

— Ты хотя бы попрощался с Калли? — он спрашивает так, как будто знает, насколько глубоко это задело бы.

— Какое это имеет отношение к чему-либо? — лаю я, все больше и больше подозревая, что Калли, возможно, просто права.

Это будет моя собственная вина, если он узнает. Я был неосторожен. Глупый. Избитая киска, зависимый, чертовски ошеломленный. Называйте это, как хотите. Но когда она близко... Черт возьми.

— Вы двое просто выглядели довольно уютно этим утром, вот и все.

— Ах, да? Как, я уверен, вы двое выглядели вчера утром, когда меня здесь не было. Осторожно, брат. Ты весь позеленел.

Его зубы сжимаются, а челюсть тикает от моих слов.

— Пошел ты, чувак. Я все еще просыпался с моим членом, приятно прижатым к ее прекрасной заднице.

Одна только мысль об этом вызывает, прилив ярости по моим венам, и мои кулаки сжимаются по бокам.

— Я надеюсь, тебе понравилось прочить в душе на это воспоминание, — усмехаюсь я, прежде чем развернуться и промаршировать сквозь деревья.

— Ты слабак, Деймон. И гребаный трус. — Это слово ударяет меня прямо в грудь. Я борюсь с желанием вдохнуть воздух, который мне нужен, поскольку я рассматриваю возможность того, что он и Калли обсудят это. — И я не удивлен, что папа не хочет, чтобы ты был в его команде прямо сейчас. Ты гребаная обуза.

Потребность развернуться и ударить его прожигает меня насквозь. Мне требуется вся сила воли, которой я обладаю, чтобы просто продолжать идти, в то время как его насмешки снова и снова повторяются в моей голове.

Хуже всего то, что они правдивы.

Алекс знает это. Я знаю это.

Черт возьми, даже Калли, блядь, знает это.

Так какого хрена она все еще пытается со мной?

Я думаю о ее предложении принять с ней душ, раздеться догола и, наконец, отдать ей всего себя, и сильная дрожь пробегает по моему позвоночнику.

Я действительно трус.

Я направляюсь домой, но, когда я подъезжаю к перекрестку, на котором я должен повернуть направо, чтобы вернуться в город, я обнаруживаю, что поворачиваю налево.

Это опасный шаг, о котором, я знаю, я, вероятно, пожалею, но пока я чувствую себя таким... уязвимым, это единственное место, куда я могу пойти. Дом сейчас не самая лучшая идея, а Калли все еще не вернулась с остальными, так что это мой единственный вариант.

Я просто должен надеяться, что она дома.

Я ничего не помню о путешествии после принятия решения приехать сюда, и мне приходится делать двойной дубль, когда я выезжаю на подъездную дорожку и глушу двигатель.

Я без колебаний открываю дверцу машины. Теперь я сделал свой выбор, и, несмотря на то, что я сомневаюсь в нем, я знаю, что не могу отступить. В конце концов, она, наверное, уже видела меня.

Я обнаруживаю, что был прав, не прошло и двух секунд, как открывается входная дверь.

— Деймон, — счастливо поет мама, ее улыбка яркая и широкая, несмотря на очевидное истощение, запечатленное на каждом дюйме ее лица.

Она раскрывает мне объятия, и я действую на автопилоте, иду прямо в них, как будто я снова ребенок.

— Хочешь кофе? — спрашивает она, как только закрывает за нами дверь.

— Я сделаю. Ты выглядишь опустошенной.

— Спасибо, сынок, — слегка бормочет она. — Я работаю по ночам, но в итоге засиживаюсь допоздна. Или рано, я думаю.

— Черт, ты хочешь, чтобы я ушел, чтобы ты могла—

— Нет, — перебивает она. — Я все же выпью кофе. Я просто собираюсь переодеться.

Только когда она это говорит, я замечаю ее синюю форму под курткой.

Я хочу снова поспорить, но она ушла прежде, чем у меня появился шанс.

Я просто сижу за барной стойкой с двумя дымящимися кружками кофе, когда она появляется снова, на ее лице нет косметики, она в пижаме, готовая ко сну.

— Я не останусь надолго, я обещаю.

— Тебе здесь рады столько, сколько захочешь, ты это знаешь. — Я мягко улыбаюсь ей, до этого момента не осознавая, как сильно я по ней скучал.

Последний раз я был здесь с Алексом в ночь бунта Волков, чтобы мама могла залатать его рану и остановить его рыдания, как маленькой сучки.

— Итак... как дела? — спрашивает она, озабоченно хмурия брови.

— Я полагаю, ты уже знаешь?

— Конечно. Могу ли я чем-нибудь помочь? — предлагает она, несмотря на то, что уже знает, что я этого не приму.

Я качаю головой.

— Если тебе нужно ненадолго уехать, очистить голову, сосредоточиться, тогда ты знаешь, что всегда можешь воспользоваться бабушкиным домом. Он просто стоит там пустой. И я уверена, что есть много работы, которую ты мог бы найти сам, когда тебе нужен перерыв.

— Спасибо, — бормочу я. — Я подумаю об этом. — Хотя, на самом деле, одна мысль о том, чтобы быть так далеко от Калли, даже если она ненавидит меня прямо сейчас, заставляет меня чувствовать себя некомфортно.

Возможно, я ей не нужен или даже не хочет меня по-настоящему, но я не могу сказать, что это чувство взаимно. Она всегда была моим утешением, даже задолго до того, как я позволил ей увидеть хотя бы крошечный намек на то, насколько она важна для меня.

— Это есть, если тебе это нужно. Алекс сказал, что вы все уехали в каких-то типи или что-то в этом роде. Тебе было весело? — спрашивает она, переводя разговор в более легкое русло. Но это не значит, что я ожидаю, что она вообще забудет о моих предстоящих экзаменах.

Возможно, она понимала меня лучше, чем папа, и она, возможно, даже была на моей стороне, когда я сказал им обоим, что не хочу формально продолжать свое образование, но это не значит, что ее мнение имеет какой-либо вес.

Совсем как у меня.

Я провожу почти час с мамой, разговаривая обо всем, что могу придумать, что не касается школы, работы или Калли. Но она упрощает задачу. Она всегда так делает. Просто в ней есть что-то успокаивающее, что всегда успокаивает что-то внутри меня.

Когда она и папа расстались, я отчаянно хотел последовать за ней сюда. Но я знал, что если я это сделаю, то попрощаюсь с будущим, о котором всегда мечтал, с мужчиной, которым хотел доказать, что могу быть, поэтому я был вынужден смотреть, как она собирает вещи и уходит.

Это была одна из самых хреновых вещей, которые я когда-либо делал. Думаю, меня спасло только то, что мой дедушка уже был на глубине шести футов под землей. Если бы он все еще был рядом, сомневаюсь, что я смог бы это выдержать. Быть папиной игрушкой — это одно. Но моего дедушки? Нет, блядь, спасибо. День, когда его сердце сдалось, был одним из моих лучших дней. Почти все мои детские кошмары были из-за него. Потому что он не думал, что я когда-нибудь смогу быть достаточно хорош, будучи «самым маленьким поросенком в помете».

К тому времени, когда я, наконец, подъезжаю к подземному гаражу нашего здания, я чувствую себя немного стабильнее. Хотя, все меняется, когда мой взгляд останавливается на фигуре, слоняющейся в тени.

Мои глаза сужаются, скорость снижается, пока я пытаюсь разглядеть, кто это, и

представляют ли они угрозу.

С бешено бьющимся в груди сердцем я слепо лезу в бардачок за пистолетом.

Крутя руль, я въезжаю в ближайшее пространство, мои глаза прикованы к прячущемуся человеку, пока мой адреналин накачивается.

Заглушив двигатель, я открываю дверь и вылезая, более чем готовый преподать этому ублюдку урок.

Мои зубы скрипят, когда я приближаюсь к нему, хватка на моем пистолете сжимается сильнее. Но моя реакция ничто по сравнению со взрывом ярости, который сотрясает меня, когда он наконец выходит на свет, и я вижу, кто это.

Подняв пистолет, я прижимаю дуло к его лбу и оттесняю его обратно в тень ниши.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — рычу я, глядя чистой ненавистью в его темные глаза, мой палец на спусковом крючке, и я более чем готов нажать на эту гребаную штуку.

28

КАЛЛИ

Дорога домой намного спокойнее, чем сюда. В основном потому, что у всех похмелье.

— Моей киске нужен отдых от этого праздника, — стонет Брианна, очнувшись от дремоты, которую она устроила у меня на плече, когда мы въезжаем в город.

— Не удивлена, — бормочет Джоди. — Ты трахалась всю чертову ночь. Я удивлена, что ты можешь ходить.

Я закатываю на них глаза, но не нахожу в себе сил даже пожаловаться.

В то время как Нико был сосредоточен на том, чтобы проникнуть внутрь Брианны, он не обращал внимания на то, что задумала я, и я вижу в этом только хорошее.

— Итак, как прошла твоя ночь с близнецами, малышка Си? — спрашивает Эмми, поймав мой взгляд в зеркале.

— Точно так, как я сказала ранее.

— Фу, — жалуется она. — Тогда просто представь это.

— Я знаю, что Нико содрал бы с них кожу голыми руками, если бы они поджарили тебя на вертеле, но ты можешь представить, насколько это было бы горячо? — размышляет Стелла.

— Себ знает, что ты фантазируешь о близнецах? — спрашивает Джоди, поддразнивая.

— Я просто придумываю горячие способы для Кэл избавиться от ее V-карты. Вряд ли найдется много людей, которые могут сказать, что они отдали его близнецам.

— И я не собираюсь быть одной из них. Извините, что разочаровываю, но прошлой ночью в нашем типе не было групповых мероприятий.

— Думаю, я предпочитаю предложение Эмми. Просто притворись. Как ты думаешь, чем бы это закончилось? Кто бы выиграл битву за V-карту и вступил в нее первым?

— Деймон, — говорят все одновременно, прежде чем начать смеяться.

— Господи, — бормочу я.

— Однако Алекс был бы в ярости, — продолжает Эмми. — Он месяцами мечтал о киске Кэл.

— Это не правда, — раздражаюсь я.

Поддразнивания продолжаются по мере приближения к дому, и, к счастью, менее чем через десять минут Стелла заезжает на мою подъездную дорожку.

— Итак, какие у нас планы на оставшуюся часть недели? — спрашивает она, ставя

машину на стоянку и переводя взгляд со всех на нас.

— Учусь, — говорю я, не сбиваясь с ритма. — Не удивляйся, если ты не увидишь меня снова до начала занятий.

— Кэл, перестань. Ты не можешь запереться больше чем на две недели, — жалуется Эмми.

— Я не хочу провалить экзамены, — заявляю я.

— Ты не будешь. Ты сдашь их.

— Я понимаю, — говорит Джоди, наклоняясь к Бри, которая снова наполовину спит между нами. — Если тебе понадобится какая-либо помощь, просто крикни, хорошо?

— Спасибо тебе, — выдыхаю я, радуясь, что она понимает. — Я напишу тебе позже, хорошо? — Я толкаю дверь и высовываю ноги.

— Да. Просто не забудь немного повеселиться, Кэл. Мы молоды только раз.

— Я посмотрю, что я смогу сделать, — обещаю я, прежде чем хватаю свои вещи и направляюсь внутрь.

Мама и папа оба здесь, или, по крайней мере, я так предполагаю, судя по их машинам, но я не вижу их, когда спускаюсь в подвал.

Знакомство и довольство домом поражают меня, когда я бросаю сумку на кухонную стойку и открываю холодильник, чтобы взять банку лимонада, но я стону, когда нахожу только бутылки с водой.

Гребаная диета.

Подойдя к своему дивану, я плюхаюсь на него, уставившись на деревья в поисках предпочтительного места для укрытия Деймона. Но, как и в любой другой раз, когда я просматривала сад, я его не нахожу.

Он мог бы быть там прямо сейчас, наблюдая за мной, и я бы понятия не имела.

Вытаскивая телефон из кармана, я смотрю на отсутствие уведомлений.

— Во что ты играешь, мальчик-дьявол? — шепчу я.

Часть меня хочет продолжать давить на него, продолжать пытаться найти того милого, заботливого мальчика, который, я знаю, прячется. Но есть также огромная часть меня, которая говорит мне помнить о его жестокой, опасной, одержимой стороне и убегать ко всем чертям.

Но я не могу.

Нравится мне это или нет, но теперь он часть меня. Ему удалось запечатлеть себя в моей душе, и неважно, сколько раз он отталкивал меня, я не могу перестать желать его.

Я тяжело вздыхаю и опускаю телефон.

Я сижу там очень долго, потягивая воду и заново переживая последние несколько дней, задаваясь вопросом, куда, черт возьми, нам суждено отправиться отсюда.

Когда мой телефон рядом со мной пингует сообщением, я вздрагиваю.

Но когда я смотрю вниз, я обнаруживаю, что это неправильный близнец.

Алекс: Ты благополучно добралась домой?

Калли: Да, дома и готова приступить к двухнедельной учебной сессии.

Алекс: Ты действительно знаешь, как жить, да? Если тебе нужен приятель, ты знаешь, где я. *подмигивающий смайлик * * эмоджи книги * * эмоджи ручки *

Калли: Я буду иметь это в виду. Но мне нужно сосредоточиться...

Алекс: Что ты имеешь в виду?

Калли: Что ты найдешь повод снять футболку и отвлечь меня своим прессом. *

подмигивающий смайлик*

Алекс: Ты знаешь, что тебе это нравится.

Калли: Хм...

Алекс: Напиши, если я тебе понадобится. х

На моих губах появляется улыбка от его предложения. Он действительно хороший друг. Я просто хочу, чтобы он перестал смотреть на меня так, будто хочет меня, когда мне нечего ему предложить.

Поднимаясь с дивана, прежде чем окончательно заснуть, я распаковываю вещи и роюсь в шкафах в поисках чего-нибудь съестного.

— Черт, — шиплю я, обнаружив, что у них нет ничего приличного, благодаря новой чертовой маминой диете.

Отказываясь довольствоваться сухофруктами и долбаными орехами для занятий, я засовываю ноги в конверсы у лестницы и, схватив куртку и сумку, направляюсь обратно вверх.

Я почти у входной двери, когда громкий голос отца эхом отражается от стен вокруг меня.

— Куда ты идешь?

Его тон немедленно поднимает меня на ноги. Я провожу большую часть своего времени в этом доме одна, а ему наплевать на то, что я делаю. Но в ту секунду, когда он здесь, он, кажется, думает, что может внезапно контролировать каждое мое движение.

— Ухожу. Проблема? — шиплю я.

— Куда уходишь?

Глубоко вздохнув, я поворачиваюсь к нему лицом.

— В магазин за приличной едой, чтобы я могла учиться.

— Закажи это, — требует он.

— Чипсы и шоколад? — спрашиваю я, наморщив лоб. — Я просто зайду в магазин на углу, я буду примерно через десять минут.

— Каллиста, — рычит он. — Просто закажи это.

— Нет, — заявляю я, в кои-то веки, не отступая в ту секунду, когда он начинает становиться таким авторитетным. — Меня тошнит от этого, — шиплю я. — Мне надоело, что со мной обращаются не так, как со всеми остальными. Бьюсь об заклад, Стелла и Эмми могут выйти из своих домов, когда им захочется сладенького.

— Ты не Стелла и не Эмми, — парирует он.

— Нет, потому что ты держал меня взаперти в моей комнате, пока они тренировались защищаться. Все это чушь собачья.

Я бросаюсь вперед и распахиваю дверь.

— Подожди, я пойду с тобой.

— Не беспокойся. В любой другой день тебе было бы все равно.

— Просто подожди, — требует он. Но с меня хватит, просто покончено со всем этим чрезмерно опекающим дерьмом, и в ту секунду, когда он поворачивается к коридору, чтобы взять свои ботинки, я убегаю.

Решив не идти к нашему ближайшему магазину, зная, что он последует за мной, я мчусь по переулку чуть дальше по улице и, черт возьми, почти бегу в противоположном направлении.

Всего через несколько минут я оказываюсь в паре улиц от нашего дома, и, поскольку

никаких признаков того, что папа гонится за мной по пятам, я замедляю шаг. Солнце все еще светит, и я засучиваю рукава, так как начинаю перегреваться.

Впереди появляется светящаяся вывеска магазина, и я продолжаю идти вперед, мысленно перечисляя все, что я хочу на следующие несколько дней.

Я прохожу мимо нескольких человек, но не обращаю на них никакого внимания, когда захожу в магазин и беру корзину.

К тому времени, как я добираюсь до кассы, она до краев заполнена всем, что мама запретила бы мне есть, если бы была здесь. Но она не такая, и, честно говоря, мне плевать.

Я упаковываю все это в сумку, оставляя один из шоколадных батончиков, чтобы съесть по дороге домой. Я чувствую, что мне понадобится сахарный удар, чтобы справиться с разъяренным быком, которым станет мой отец, когда я вернусь.

Я вскрываю пакет в ту же секунду, как выхожу на солнце, и неохотно направляюсь домой.

Вероятно, я неправильно со всем этим справилась. Но после того, как я разобралась с Деймоном и его то горячей, то холодной ерундой, а затем с подтруниваниями девчонок над ним и Алексом всю дорогу домой, а затем обнаружила, что все мои закуски уничтожены... мое терпение из-за того, как сейчас протекает моя жизнь, практически иссякло.

Сворачивая в переулок, который ведет меня обратно, я сердито откусываю еще один кусок от своего угощения, когда чувствую движение позади себя.

Мое сердце подскакивает к горлу от перспективы слезки, и тоненький голосок кричит в моей голове, что это была действительно глупая идея.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, что или кто это, все время молясь, чтобы у меня просто была паранойя. Но у меня не получается ничего увидеть, потому что чьи-то руки хватают меня за плечи, что-то закрывает мне глаза, и мои крики обрывает большая, сильная рука.

Страх превращает мою кровь в лед, и я замираю, когда знаю, что должна сражаться.

И последнее, о чем я думаю, прежде чем все погрузится во тьму, это то, что, возможно, это было не лучшее время послушаться моего отца.

Конец... пока.

Продолжение истории Калли и Деймона читайте в книге «Темная принцесса».